

БАКАЛАВРУ.NET

АЛЬМАНАХ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
КЛУБА
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ
ПРАВА “БАКАЛАВРУ.NET”

2026

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

БАКАЛАВРУ.NET

**АЛЬМАНАХ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КЛУБА
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПРАВА
«БАКАЛАВРУ.NET»
2026**

Тверь 2026

УДК 342.7.037(082)

ББК Х400.3я43

Б 19

Б 19 Бакалавру.net: альманах научно-исследовательского клуба по актуальным проблемам права «Бакалавру.net». 2026 г. / Под ред. зав. кафедрой теории права ТвГУ, д.ю.н., проф. В. И. Крусса; ред. коллегия: А. В. Воронин, К. Р. Королева, В. Д. Мисингевич, П. А. Феоктистов, Р. И. Ядгарова. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2026. – 220 с.

В очередном выпуске ежегодного альманаха студенческого научно-исследовательского клуба «Бакалавру.net», функционирующего на базе юридического факультета Тверского государственного университета с 2014 года, представлены статьи его членов и участников Межвузовского студенческого круглого стола, состоявшегося 19–26 ноября 2025 года в Тверском государственном университете и посвященного проведению в России Года защитника Отечества, объединенные проблематикой: «Право и государство в нарративе фундаментальной оппозиции Войны и Мира».

Издание предназначено для широкого круга читателей, в том числе студентов, магистрантов, аспирантов юридических вузов и факультетов, преподавателей, научных работников, а также учащихся школ и средних образовательных учреждений и всех, кто интересуется вопросами признания и обеспечения конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации.

Авторы сборника несут персональную ответственность за достоверность и оригинальность представленных материалов.

Публикации в сборнике и его издание подготовлены при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

ISBN 978-5-7609-2144-4

© Авторы статей, 2026

© Тверской государственный университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЕВА Е.В. ГАРАНТИИ И ЛЬГОТЫ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.....	7
АЛЕХИН Р.В. ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ И ЛЕГАЛИЗАЦИИ.....	12
АНДРЕЕВА А.Е. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНФЛИКТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.....	17
АТОПКОВА В.Д. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УЧАСТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ КОНКРЕТИЗАЦИИ.....	23
БЕЛЯКОВ А.А. КОНСТИТУЦИОННО-СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	30
БИБЕРИН Я.А. ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КАК АКТУАЛЬНАЯ ФОРМА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕФОРМАЦИИ: ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	35
БОБРОВА В.А. ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА: ПРИЧИНЫ, ПРОЯВЛЕНИЕ, ПРЕОДОЛЕНИЕ	40
ВОРОБЬЕВ А.В. ПРЕДВЫБОРНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ АГИТАЦИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.....	45
ВОРОНИН А.В. ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО: ИСПОВЕДЬ О КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ НА ПОСТМОРТАЛЬНОЕ ЦИФРОВОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРИСУТСТВИЕ И (НЕ) СВЯЗАННЫХ С НИМ ВЕЩАХ ЗА ГРАНЬЮ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ ВОЙНЫ И МИРА.....	53
ВЯХИРЕВ И.И. РЕПАТРИАЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИХ ОБМЕН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	61
ГОРДЕЕВА К.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В НАРРАТИВЕ ВОЙНЫ И МИРА.....	67
ЕГОРОВА А.Д. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ ОТКРЫТОСТЬЮ И ЗАЩИЩЁННОСТЬЮ	72
ЗЕМЛЯКОВ А.Д. СМЕРШ: ТОТАЛИТАРНЫЙ ОРГАН ИЛИ МЕРА НЕОБХОДИМОСТИ.....	76
ЗЫКОВ М.А., КАЛЮЖНЫЙ О.А. КОНСТИТУЦИОННАЯ СВОБОДА ПРЕПОДАВАНИЯ В СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА. ОГРАНИЧЕНИЕ И КОНКРЕТИЗАЦИЯ....	83
ИСАЕВ М.А. ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: КРИЗИС ИДЕНТИФИКАЦИИ ИЛИ НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ	89
КИСМЕТОВА А.Т. ПРАВО НА МИР: ВОЗМОЖНОСТЬ ДОСТОВЕРНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА	92
КОЛОМЕЙЦЕВ Я.А. ВОЙНА КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПЦИИ.....	96
КОРОЛЕВА К.Р. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО УЧАСТИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ.....	100
КУЗНЕЦОВА Д.В. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: КОЛЛИЗИЯ СВОБОДЫ СЛОВА И ВЫЗОВЫ ДЕЗИНФОРМАЦИИ.....	106
ЛЕБЕДЕВ В.С. ПРАВО КАК «МОЛЧАЛИВАЯ ВОЙНА»: АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ БИОПОЛИТИКИ И ПОДАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ.....	111

ЛУКАШЕВИЧ Н.М. ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ КИБЕРАТАК В КОНТЕКСТЕ ОППОЗИЦИИ «ВОЙНА — МИР»: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ.....	116
МАКСИМОВА К.И. МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	121
МЕНДАЛЕНКОВА А.А. ДИСКРЕДИТАЦИЯ СТАТУСА СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ НА БРАК С УЧАСТНИКАМИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.....	127
МИСИНГЕВИЧ В.Д. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ ГЛАЗАМИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА В КОНТЕКСТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ ВОЙНЫ И МИРА.....	132
МОТАЙЛОВ И.В. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ КАК ФАКТОРА ГЛОБАЛЬНОГО СДЕРЖИВАНИЯ	141
НАСИБОВА Э.Ю. ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ЭТОС ПРАВА И ЕГО ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ ПЕРЕД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ.....	147
НОЗДРИН П.В. МЕРЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА И НЕДОПУЩЕНИЯ РАЗВИТИЯ БЕЗЗАКОНИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА	149
ПАРАМОНОВА З.А. ПРИЗНАКИ И СЛЕДСТВИЯ МИЛИТАРИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО).....	156
ПИЛИПЕНКО И.С. НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА.....	160
ПЛЕШКО А.В. МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА СССР В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	165
РУДКОВИЧ С.П. ОГРАНИЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ОСОБОЕ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА ВРЕМЯ	170
СЕРОВ М.Э. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННЫХ УГРОЗ.....	174
СОЛОВЬЕВА А.А. ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ УЧАСТНИКА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ	181
ТИТОВА П.А. ПРОБЛЕМА КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.....	187
УДОДОВ С.В. ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ФОРМЫ ОКАЗАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ ВОЮЮЩИМ ГОСУДАРСТВАМ: ГУМАНИТАРНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ.....	195
ФИЛИН А.А. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ДЕТЕЙ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ	200
ШАПОВАЛОВА В.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАН СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	206
ШМОНИН С.С. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА «ВРЕМЯ ГЕРОЕВ»: ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ	211
ЯДГАРОВА Р.И. ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕСТВЕННОСТИ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ И СОСТАВОВ ДЕЯНИЙ	215

Слово научного руководителя

Начало каждой очередной сессии работы научно-исследовательского клуба по актуальным проблемам права «Бакалавру.net» сопряжено с решением достаточно непростой задачи – выбора общей тематики исследований, которая могла бы искренне заинтересовать и по возможности «вдохновить» всех участников, независимо от подлинных мотивов их вовлеченности в проект. Ни разу еще не пришлось нам жалеть о таком выборе, но в минувшем учебном году всё сложилось особенным образом. Указ Президента РФ от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» был, конечно, адресован и студентам-юристам. И (да), нам хватило смелости в канун 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов заявить о стремлении внести свой – пусть не самый весомый, но честный – вклад в сохранение исторической памяти российского народа в ее юридически значимом преломлении.

Изначально ясно было также, что каждому – работая над собственной статьей – придется, так или иначе, выразить личное отношение к подвигу не только ветеранов, отстоявших Отечество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, но и воинов-участников специальной военной операции на Украине. Исторический масштаб и значение последнего события будут определены временем, но – спасибо всем авторам этого Альманаха – никто из них не дал мне, как руководителю проекта, повода усомниться в своем патриотизме и приверженности конституционным идеалам и ценностям России. Равным образом это касается и гостей сборника, студентов-юристов ведущих российских вузов, принявших участие в тематически связанных мероприятиях на площадке клуба «Бакалавру.net» в рамках V Международного научного студенческого форума Тверского государственного университета. Вследствие чего и неизбежные для студенческих работ юридино-технические огрехи (а порою и «некорректные коннотации») видятся издержками объективно-временными и трудностями, безусловно, преодолимыми.

Хотелось бы упомянуть и нетривиальную полифонию тем опубликованных научных статей, историко-эмпирическая канва которых нередко дополнена настройками теоретического и даже философско-правового характера.

Разумеется, студентам, в особенности – цифровой, блогерной, агрессивно редуцирующей критическое сознание эпохи, трудно избежать искушения уверовать в эвристический ранг своих публичных высказываний. Вполне могут и «не заметить» они в них прозаического и очевидного или пренебречь обоснованиями крайне спорного. Или оказаться «с Пушкиным на дружеской ноге». Однако заинтересованный и доброжелательный читатель безусловно найдет в целом ряде публикаций сборника не только актуальную – юридическую, политологическую, социологическую, культурологическую – проблематику, но и молодой, дерзкий, «не замыленный» взгляд относительно как возможности, так и безоговорочной необходимости решения тех задач, которые право и государство обязаны замечать в нарративе фундаментальной оппозиции Войны и Мира.

Заведующий кафедрой теории права, Почетный работник сферы образования РФ, доктор юридических наук, профессор В. И. Крусс.

Гарантии и льготы права на образование участников специальной военной операции

Е. А. Алексеева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения и гарантий конституционных прав участников СВО в сфере образования. Особое внимание уделяется вопросам специальной квоты для поступления в вузы участников СВО, их перевода с платного обучения на бесплатное, а также первоочередного и внеочередного зачисления детей участников СВО в образовательные организации. Автор рассматривает нормативно-правовые положения, закрепляющие названные возможности в контексте механизма реализации конституционного права на образование, а также практику их применения.

Ключевые слова: специальная военная операция, право на образование, конституционные гарантии, отдельная квота, участники СВО, социальная поддержка, статус ветерана боевых действий.

На сегодняшний день государственная поддержка участников специальной военной операции (далее – СВО) является одним из приоритетных направлений социальной политики Российской Федерации. Это справедливо, ведь в условиях специального правового режима и повышенных рисков для жизни и здоровья военнослужащих, государство берет на себя особые обязательства по всестороннему обеспечению и защите их законных прав, включая гарантии в сфере образования.

Система образовательных льгот для участников СВО формировалась поэтапно. Изначально действовали общие нормы для ветеранов боевых действий, однако постепенно пришло понимание необходимости принятия системных мер поддержки именно этой категории граждан. И они появились. Перечень льгот серьёзно расширили, процедуры их получения упростили, а кое-где создали совершенно новые правовые механизмы.

Как справедливо отмечает Ю. С. Мельниченко, «с начала проведения специальной военной операции стало появляться большое количество проблемных и нерешенных вопросов в области материального, медицинского обеспечения участников СВО, в том числе в вопросах оказания психологической помощи и реабилитации раненых бойцов и инвалидов» [7, с. 68]. Сфера образования в этом отношении – не исключение.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на образование, провозглашая в статье 43 общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях [1]. При этом ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускает ограничение прав и свобод человека федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. И данное установление служит убедительным основанием для дополнительных льгот военнослужащим. Ведь так государство реализует принцип социальной справедливости и отчасти компенсирует те издержки и риски, с которыми сталкивается человек, выполняя воинский долг.

Ключевое значение для формирования современной системы образовательных льгот имеют два федеральных закона: Федеральный закон от 24.06.2023 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» [2] и Федеральный закон от 24.06.2023 № 281-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 24 Федерального закона "О статусе военнослужащих" и Федеральный закон "О войсках национальной гвардии Российской Федерации"» [3].

Федеральным законом от 24.06.2023 № 264-ФЗ установлено, что прохождение военной службы по призыву отнесено к числу индивидуальных достижений лиц, поступающих в колледжи и вузы. Отдельно при этом Закон закрепил право на приём на обучение по программам бакалавриата и специалитета за счёт бюджетных средств в пределах отдельной квоты для участников СВО. Эта норма стала ключевой для интеграции военнослужащих в систему высшего образования.

Льготы для детей участников СВО – отдельная большая тема, поэтому отметим ее основные аспекты. В частности, Указом Президента РФ от 09.05.2022 № 268 [6] введена квота для приёма в вузы на бюджетной основе для детей участников СВО. Кроме того, этот Указ предписывает зачисление детей участников СВО в президентское кадетское училище, суворовское военное училище, нахимовское военно-морское училище, кадетский (морской кадетский) военный корпус, кадетский корпус и казачий кадетский корпус без вступительных экзаменов. Затем квоты на бюджетное обучение для детей участников СВО были закреплены Федеральным законом от 29.12.2022 № 641-ФЗ [4].

Федеральным законом от 24.06.2023 № 281-ФЗ установлены следующие специальные гарантии в сфере образования:

- детям военнослужащих и детям граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, в том числе усыновленным (удочеренным) или находящимся под опекой или попечительством в семье, включая приемную семью, предоставляются в первоочередном порядке места в государственных и муниципальных общеобразовательных и дошкольных образовательных организациях по месту жительства их семей, а также места в летних оздоровительных лагерях;

- детям военнослужащих и детям граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, погибших (умерших) при выполнении задач в СВО либо позднее указанного периода, но вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных при выполнении задач в ходе проведения СВО, предоставляются во внеочередном порядке места в указанных образовательных организациях и лагерях;

- для детей сотрудников Росгвардии, погибших (умерших) при выполнении задач в СВО, сохраняется право на получение во внеочередном порядке мест в государственных и муниципальных общеобразовательных и дошкольных образовательных организациях по месту жительства их семей, а также мест в летних оздоровительных лагерях.

Как видим, названный Закон не только гарантирует приоритетный доступ к образовательной и оздоровительной инфраструктуре для детей участников СВО, но и дифференцирует уровень льгот в зависимости от статуса родителя, отдавая приоритет семьям погибших.

Сходная по направленности мера поощрения граждан к исполнению воинской обязанности была внесена в ст. 71 Федерального закона «Об образовании», которая предусматривает учет прохождения военной службы (по призыву, контракту, мобилизации, участие в СВО в качестве добровольца) как индивидуальное достижение поступающих на бюджетные места в вузы [5].

Отдельно заметим, что льготы для участников СВО в образовательной сфере действуют не только в вузах, но и школах и детских садах [7, с. 72].

Позитивной оценки заслуживает практика реализации перечисленных законоположений. Так, законодательством

предусмотрено, что квота для участников СВО и их семей составляет не менее 10 % от общего числа бюджетных мест, но уже в 2025 году эта квота была установлена в размере 50 957 мест, что больше, чем в предыдущем году [8].

Согласно данным Минобрнауки РФ от 12 августа 2025 года, российские вузы зачислили по отдельной квоте для участников СВО и членов их семей 28 383 человека. Это на 74,2 % больше, чем в 2024 году (тогда было немногим более 15 000). Заполняемость квоты в 2025 году достигла 55,7 %, тогда как годом ранее – составляла только 32,3 % [9].

Наиболее востребованными направлениями подготовки среди поступивших по отдельной квоте стали: «Лечебное дело» (2037 чел.), «Педагогическое образование» (1638 чел.), «Информатика и вычислительная техника» (944 чел.), «Строительство» (871 чел.) и «Юриспруденция» (859 чел.) [8].

Приведенный рост зачислений говорит не только о расширении охвата респондентов льготой, но и о том, что люди стали лучше информированы о своих возможностях. Как полагает старший научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС Б. Илюхин, свою роль здесь играет и демография – выпускников школ в 2025 году стало больше.

Тем не менее, как замечает ответственный секретарь приёмной комиссии РАНХиГС Е. Серочудинов, квота заполняется не полностью. Почему? Некоторые абитуриенты предпочитают поступать на платной основе – туда, где им действительно интересно учиться [8].

В целом можно сказать: в России создана и работает система поддержки участников СВО и их семей в сфере образования, которая достоверно опирается на Конституцию Российской Федерации и гарантии прав человека. Но остаётся задача, которую ещё предстоит решить. Речь об адаптации участников СВО – и со стороны государства, и со стороны общества. Нужна комплексная система, которая поможет этой категории граждан укрепить психологическое здоровье и обрести экономическую стабильность. Только при этом условии участники СВО и их семьи смогут полноценно пользоваться своим конституционным правом на образование.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о

поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 24.06.2023 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» // СПС «Гарант».

3. Федеральный закон от 24.06.2023 № 281-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 24 Федерального закона "О статусе военнослужащих" и Федеральный закон "О войсках национальной гвардии Российской Федерации"» // СПС «Гарант».

4. Федеральный закон от 29.12.2022 № 641-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» // СПС «Гарант».

5. Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Указ Президента РФ от 09.05.2022 № 268 «О мерах социальной поддержки семей граждан, призванных на военную службу по мобилизации в Вооружённые Силы Российской Федерации» // СПС «Гарант».

7. Мельниченко Ю.С. Актуальные вопросы социальной поддержки участников специальной военной операции // Право и правосознание в период вооружённых конфликтов. 2025. № 8. С. 68–73.

8. Прием в вузы по квоте для участников спецоперации вырос на 74 % в 2025 году // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/08/18/1132238-priem-v-vuzi-po-kvota-dlya-uchastnikov-spetsoperatsii-viros> (дата обращения: 16.04.2026).

9. Динамика поступлений по отдельной квоте // РСР: Информация от ректоров [Электронный ресурс]. URL: <https://rsr-online.ru/news/2025/12/23/dinamika-postuplenij-po-otdelnoj-kvota/> (дата обращения: 16.04.2026).

Об авторе:

АЛЕКСЕЕВА Евгения Алексеевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: evgeniaa548@gmail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Частные военные компании: проблемы легитимации и легализации

Р. В. Алехин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы правового статуса частных военных и охранных компаний (ЧВОК) в контексте их легитимации и легализации. Анализируются соответствующие международно-правовые механизмы регулирования и их ограниченная эффективность. Особое внимание уделено ситуации в Российской Федерации, где профильный институт существует в условиях правового вакуума, что порождает коллизии уголовного, трудового и международного гуманитарного права. На основе анализа российских законодательных инициатив, действующих норм и зарубежного опыта формулируются предложения по разработке федерального закона, направленного на легализацию деятельности ЧВК и обеспечение социальных гарантий их сотрудникам.

Ключевые слова: частные военные компании, легитимация, легализация, наёмничество, международное гуманитарное право.

Частные военные и охранные компании стали значимыми негосударственными акторами, способными влиять на ход и исход боевых действий. Государства всё чаще прибегают к аутсорсингу военных функций, стремясь снизить политические риски и финансовые издержки. Однако стремительное развитие индустрии не сопровождается формированием адекватной международно-правовой базы, что порождает фундаментальное противоречие: названные компании существуют и активно используются, но их правовой статус остаётся неопределённым. Цель настоящей статьи – выявить основные правовые коллизии, связанные с легитимацией и легализацией частных военных и охранных компаний, и на основе анализа действующих нормативно-правовых актов, российских законодательных инициатив и зарубежного опыта предложить пути их разрешения применительно к российскому правовому полю.

Отсутствие унифицированного юридического определения – первое препятствие для эффективного регулирования. В международных документах используется понятие «частные военные и охранные компании» (ЧВОК, англ. Private Military and Security Companies – PMSCs), объединяющее военный и охранный компоненты. В российской практике утвердилось понятие и аббревиатура ЧВК (частная военная компания).

От частных охранных предприятий (ЧОП) ЧВК отличает экстерриториальный характер деятельности и вовлечённость в вооружённый конфликт (прямая или косвенная) [6].

Ключевая правовая проблема – отграничение сотрудников ЧВК от наёмников. Определение наёмника содержится в ст. 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1977 года [2] и в ст. 1 Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников, принятой резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1989 года [4]. Согласно Конвенции наёмником признаётся лицо, которое специально завербовано для участия в конфликте, фактически участвует в военных действиях, руководствуется главным образом корыстными мотивами, не является гражданином стороны конфликта, не входит в состав её вооружённых сил и не направлено государством для выполнения официальных обязанностей. Сотрудники современных ЧВК, как правило, не подпадают под всю совокупность этих критериев. Многие являются гражданами воюющей страны или не принимают «непосредственного участия в военных действиях» в строгом смысле. Кроме того, доказать корыстный мотив и существенно большее вознаграждение на практике крайне затруднительно. В результате сотрудники ЧВК оказываются в «серой зоне»: они не комбатанты и не наёмники. Это означает, что в случае захвата в плен их статус остаётся неопределённым, а гарантии международного гуманитарного права – ограниченными.

Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников 1989 года является единственным универсальным договором, направленным на противодействие наёмничеству. Однако её эффективность ограничена узким кругом участников и сложностью применения к сотрудникам ЧВК. На региональном уровне действует Конвенция ОАЕ о ликвидации наёмничества в Африке (принята 3 июля 1977 года, вступила в силу 22 апреля 1985 года) [3]. Она предлагает более широкое определение наёмника и криминализирует само состояние наёмничества, однако, как отмечается в документах Африканского союза, конвенция не содержит положений, учитывающих современные вызовы, включая распространение частных военных компаний. Документ Монтрё (2008 года) наиболее авторитетный международный инструмент, принятый при участии Международного Комитета Красного Креста (МККК) и поддержанный многими государствами, включая Российскую Федерацию [1]. Он не создаёт

новых норм, а разъясняет применение существующих обязательств государств по МГП и международному праву прав человека к деятельности ЧВОК в период вооружённых конфликтов. Документ разделяет государства на три категории – контракторы, территориальной юрисдикции и происхождения компании – и содержит более 70 передовых практик, охватывающих лицензирование, правила применения силы и механизмы расследования нарушений. В развитие Документа Монтрё был разработан Международный кодекс поведения частных поставщиков охранных услуг (ICoC), подписанный первоначально 58 компаниями, а впоследствии – более чем 700 [5]. Кодекс устанавливает принципы, основанные на правах человека и международном гуманитарном праве, включая запрет на применение пыток, дискриминацию и торговлю людьми.

В Российской Федерации сложилась парадоксальная ситуация: ЧВК активно участвуют в зарубежных конфликтах, но их деятельность остаётся практически вне правового поля. Статья 359 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает ответственность за наёмничество [7]. Согласно примечанию к статье наёмником признаётся лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооружённом конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей. Формально участие в вооружённом формировании, не предусмотренном федеральным законом, может квалифицироваться и по ст. 208 УК РФ [7].

Начиная с 2012 года, в Государственную Думу неоднократно вносились законопроекты о легализации ЧВК, однако все они были отклонены. 2012 год. Депутаты от ЛДПР в первый раз внесли законопроект о регулировании деятельности ЧВК. Документ определял правовые нормы создания, деятельности и государственного регулирования частных военных компаний, но не прошёл даже первое чтение.

2014, 2015, 2018 годы. Партия «Справедливая Россия» ещё трижды вносила подобные законопроекты. В них предлагалось закрепить за Министерством обороны контрольные и надзорные функции за деятельностью ЧВК, включая выдачу лицензий и определение мест дислокации. ЧВК предполагалось разрешить работать только за пределами России. В 2018 году законопроект был

направлен в Правительство РФ для получения отзыва, но так и не был принят.

2022 год. Лидер фракции «Справедливая Россия – За правду» Сергей Миронов и депутат Сергей Кабышев вновь внесли в Госдуму законопроект о регулировании деятельности ЧВК. В пояснительной записке указывалось, что ЧВК могут участвовать в миротворческих операциях, предоставлять услуги военного консалтинга, заниматься пресечением международной террористической деятельности за пределами РФ, обучать личный состав вооружённых сил иностранных государств и др. Однако Правительство РФ не поддержало инициативу.

На данный момент в России по-прежнему нет закона, который бы официально регулировал деятельность ЧВК, вопрос остаётся дискуссионным и требует комплексного подхода к решению множества правовых и практических проблем. Отсутствие закона лишает сотрудников ЧВК статуса ветерана боевых действий, права на страховые выплаты и пенсионное обеспечение.

Для полноценной легитимации необходима легализация - принятие федерального закона, устраняющего правовую коллизию. Ключевые параметры будущего закона должны включать: чёткое легальное определение «частной военно-охранной организации» (ЧВОО); лицензирование и государственный реестр (предположительно, под контролем ФСБ России); контрактную привязку к государству (оказание услуг за рубежом исключительно по контрактам с федеральными органами исполнительной власти); запрет деятельности на территории РФ; определение правового статуса сотрудников с распространением на них трудовых гарантий и приравниванием к ветеранам боевых действий; закрепление обязанности соблюдать нормы МГП, положения Документа Монтрё [1] и Международного кодекса поведения IsoC [5]. Принятие такого закона позволит устранить уголовно-правовую неопределённость, обеспечить социальную защиту граждан, выполняющих задачи в интересах государства, и создать правовые механизмы контроля за деятельностью частных военных структур.

Список источников

1. Документ Монтрё «О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта» от 17.09.2008 // СПС «Гарант».

2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 08.06.1977 // СПС «Гарант».

3. Конвенция ОАЕ о ликвидации наемничества в Африке от 03.07.1977 // СПС «Гарант».

4. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников: принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 04.12.1989 // СПС «Гарант».

5. Международный кодекс поведения для частных поставщиков охранных услуг (ICoC) от 09.11.2010 // СПС «Гарант».

6. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (в действующей ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

АЛЕХИН Руслан Вячеславович – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: alyohinruslan@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Правовой режим волонтерской деятельности в Российской Федерации в конфликте специальной военной операции

А. Е. Андреева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется изменение правового регулирования волонтерской деятельности в условиях специальной военной операции. На основе анализа федерального законодательства и подзаконных актов рассматриваются изменения в статусе добровольцев, разграничение понятий гражданского волонтера и участника добровольческого формирования. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения, вопросам безопасности, социальных гарантий и налогообложения. Делается вывод о формировании в России особого правового режима волонтерства в условиях вооруженного конфликта, сочетающего расширение государственной поддержки с ужесточением координационных требований.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, специальная военная операция, правовой режим, добровольческие формирования, социальная защита, гуманитарная помощь, законодательство о волонтерстве.

Конституция Российской Федерации [1] (п. «е²» ст. 114) относит к полномочиям Правительства Российской Федерации (далее – Правительство РФ) осуществление мер по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности. Это конституционное предписание приобретает особое значение в условиях специальной военной операции, когда волонтерское движение столкнулось с беспрецедентными вызовами, требующими правового регулирования.

Актуальность темы исследования обусловлена текущим ростом волонтерского движения в России. Как пишут С. А. Толкачева и В. В. Комарова: «с 2022 года силы тысяч волонтеров объединились вокруг поддержки участников специальной военной операции. Помощь бойцам стала своего рода новой общностью людей, которые несмотря на штатное обеспечение военнослужащих, доставляют гуманитарную помощь, письма родственникам и граждан, которые хотят поддержать наших бойцов» [11, с. 57].

Специальная военная операция (далее также – СВО) не только увеличила масштабы добровольческой помощи, но и породила новую правовую действительность, с которой ранее российское законодательство не сталкивалось в таком объеме [9, с. 127]. Как отмечает Р. Б. Пхитиков: «Так, в 2021 г. количество волонтеров в

России составляло 3,7 млн. человек, а в 2022 г. их стало уже более 3,9 млн. человек» [10, с. 89]. На форуме «Мы вместе» Президент Российской Федерации (далее – Президент РФ) В. В. Путин заявил: «Когда началась специальная военная операция, 630 тысяч человек (волонтеров. — “Газета.Ру”) включились в работу по поддержке наших ребят, героев СВО и членов их семей» [12]. Волонтеры сегодня работают в зоне боевых действий, в приграничных регионах, в военных госпиталях, что требует особого правового регулирования, отличного от стандартной благотворительной деятельности в мирное время [9, с. 126]. Особую значимость волонтерская деятельность приобретает на вновь присоединенных территориях, где добровольцы не только оказывают гуманитарную помощь, но и содействуют реализации и защите прав местного населения.

Целью данной статьи является анализ изменений в правовом режиме волонтерской деятельности, выявление пробелов в законодательстве и оценка эффективности принятых государством мер по защите добровольцев.

В основе правового регулирования волонтерства в России лежит Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [2] (далее – Закон № 135-ФЗ). Статья 1 указанного закона определяет добровольческую деятельность как безвозмездное выполнение работ и оказание услуг в таких целях, как социальная поддержка граждан, подготовка к чрезвычайным ситуациям и их ликвидация, укрепление мира и согласия. Всем известно, что волонтер – это человек, который добровольно предоставляет свои услуги и время для оказания помощи другим людям, обществу или природе без монетарной выгоды. Однако в условиях вооруженного конфликта это определение требует уточнения. Появляется понятие «военный волонтер» – лицо, выполняющее задачи по сбору и распределению гуманитарной помощи, поддержке военнослужащих и гражданского населения в зоне повышенной опасности [9, с. 130].

С началом СВО законодатель столкнулся с необходимостью изменения общих норм применительно к экстремальным условиям. Ключевым изменением стало дополнение Закона № 135-ФЗ понятием «добровольческая (волонтерская) организация» в редакции Федерального закона от 27.11.2023 № 558-ФЗ [3]. Под такой организацией понимается некоммерческая организация (общественная организация, движение, учреждение, фонд и т.д.), которая привлекает волонтеров и осуществляет руководство их

деятельностью. Это уточнение важно, поскольку в условиях СВО государство стремится координировать помощь через юридически оформленные структуры, а не стихийные инициативы [9, с. 133].

Однако наиболее существенное изменение правового режима волонтерства касается специального регулирования для лиц, желающих помогать непосредственно в зоне боевых действий. Здесь произошло разделение двух статусов, которые в общественном сознании часто смешиваются, но юридически имеют мало общего.

Первый статус – гражданский волонтер, действующий в тылу. Его деятельность регулируется Законом № 135-ФЗ и подзаконными актами [2]. Он собирает гуманитарную помощь, работает в пунктах временного размещения беженцев, помогает в госпиталях. Его правовой режим в целом остается неизменным с поправкой на отдельные послабления (например, упрощенный порядок ввоза гуманитарной помощи через таможенную службу, установленный решениями Совета ЕЭК и Постановлением Правительства РФ от 04.12.1999 № 1335 «Об утверждении Порядка оказания гуманитарной помощи (содействия) Российской Федерации») [7].

Второй статус – доброволец в составе добровольческого формирования. Этот статус введен Указом Президента РФ от 03.08.2023 № 582 «О мерах по обеспечению обязательного государственного страхования жизни и здоровья граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях» [6]. Согласно указу добровольческие формирования создаются Минобороны России по решению Президента РФ. Граждане поступают в них путем заключения контракта, и на них распространяется статус военнослужащих. Это значительно меняет правовой характер их деятельности: из безвозмездной помощи она превращается в военную службу по контракту с соответствующим денежным содержанием, медицинским обеспечением, пенсионным обеспечением и, что особенно важно, государственным страхованием жизни и здоровья [9, с. 134]. Правовое регулирование «должно определять правовой статус волонтеров, сферы их деятельности, порядок ее осуществления, а также гарантии, предоставляемые органами публичной власти и организаторами волонтерской деятельности» – пишут С. А. Толкачева и В. В. Комарова [11, с. 61].

Вышеназванный Указ Президента РФ стал ответом на правовую неопределенность первого года СВО, когда добровольцы, отправлявшиеся на передовую, не имели четких социальных гарантий. Документ закрепил, что на таких лиц распространяются

страховые гарантии в виде компенсаций в случае гибели или ранения, что приравнивает их к военнослужащим. Это важнейший шаг в обеспечении социальной защиты, так как риски для жизни в зоне конфликта максимальны [9, с. 133].

Тем не менее, анализ нормативно-правовых актов и научной литературы позволяет выявить ряд проблем и нерешенных вопросов, которые и составляют суть нового правового режима волонтерства в условиях СВО. Как отмечают специалисты, «волонтерская деятельность нередко сталкивается с правовыми барьерами и недостаточным правовым регулированием деятельности волонтеров, например, в условиях чрезвычайных ситуаций и социальной защищенности волонтеров» [11, с. 57].

Во-первых, существует проблема разграничения зон ответственности и безопасности. Гражданские волонтеры, работающие в госпиталях или прифронтовых территориях, формально не имеют статуса военнослужащих, но подвергаются тем же рискам. Их правовой статус в момент нахождения в «серой зоне» (территория, где обе стороны конфликта способны действовать одновременно) или зоне обстрелов законодательно не определен. Механизмы их эвакуации, страховых выплат в случае ранения или гибели проработаны слабее, чем для лиц, проходящих службу в добровольческих формированиях по контракту [9, с. 132].

Во-вторых, сохраняются сложности с налоговым и таможенным регулированием. Хотя законодательством предусмотрены отдельные послабления для участников волонтерской деятельности (например, льготы по уплате государственной пошлины [4] и возможность учета расходов на оказание гуманитарной помощи при исчислении налога на прибыль организаций [8]), на практике волонтерские организации сталкиваются с бюрократическими задержками и требованиями предоставить огромный пакет документов для подтверждения целевого назначения грузов [7]. Вопросы налогообложения материальной помощи, получаемой волонтерами, также не всегда решаются однозначно, создавая риски доначисления налогов.

В-третьих, стоит вопрос юридической ответственности волонтера. Действуя в экстремальных условиях, добровольцы могут неумышленно нарушить те или иные нормы (например, правила въезда на приграничные территории, обращения с оружием, если оно им доверено для самообороны, перевозки грузов). Административная и уголовная ответственность для них наступает на общих основаниях, что создает зону правовой незащищенности [9, с. 132].

В-четвертых, наблюдается противоречие между централизацией и инициативой. Государство, стремясь координировать помощь (что объективно необходимо в условиях боевых действий), законодательно поощряет деятельность только официально зарегистрированных организаций [3; 5]. Неорганизованные волонтерские группы, которые зачастую работают эффективнее и быстрее, сталкиваются с трудностями при получении пропусков, согласовании поездок и доступе к подопечным в военных госпиталях.

Таким образом, правовой режим волонтерской деятельности в Российской Федерации в условиях СВО находится в стадии активного формирования. Его ключевыми чертами являются: разграничение правового статуса добровольцев (гражданские тыловые волонтеры и военнослужащие добровольческих формирований); расширение государственных гарантий для участвующих в боевых действиях (страхование, социальное обеспечение); стремление государства взять под контроль гуманитарные потоки.

Вместе с тем проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии существенных пробелов в законодательстве, касающихся правового положения гражданских волонтеров в зоне риска, налоговых и таможенных аспектов их деятельности, а также механизмов координации между государственными структурами и неформальными добровольческими объединениями.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на устранение этих пробелов, обеспечение безопасности всех участников волонтерского движения и создание условий, при которых правовой статус добровольца будет определен в любой ситуации, связанной с выполнением задач в условиях специальной военной операции [9, с. 135].

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СПС «Гарант».

3. Федеральный закон от 27.11.2023 № 558-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».

4. Федеральный закон от 20.02.2026 № 40-ФЗ «О внесении изменений в статьи 333.35 и 333.36 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Указ Президента РФ от 30.04.2022 № 247 «О поддержке волонтерской деятельности на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» // СПС «Гарант».

6. Указ Президента РФ от 03.08.2023 № 582 «О мерах по обеспечению обязательного государственного страхования жизни и здоровья граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях» // СПС «Гарант».

7. Постановление Правительства РФ от 04.12.1999 № 1335 «Об утверждении Порядка оказания гуманитарной помощи (содействия) Российской Федерации» // СПС «Гарант».

8. Информация ФНС России «При расчете налога на прибыль организации вправе учесть в расходах гуманитарную и благотворительную помощь участникам СВО» // Официальный сайт Администрации Куйтунского района. 14.11.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://куйтунскийрайон.рф/nalogovaya-inspektsiya/detail.php?ID=42869> (дата обращения: 28.02.2026).

9. Кудашкин А.В., Холиков И.В. Правовой статус «военных добровольцев» в Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 11. С. 125–138.

10. Пхитиков Р.Б. Теоретико-правовые основы волонтерской деятельности в Российской Федерации. // Закон и право. 2024. № 3. С. 88–92.

11. Толкачева С.А. Добровольчество в системе гражданского общества // Вопросы права. 2025. № 1. С. 56–64.

12. Путин назвал число волонтеров, которые помогают участникам СВО // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/12/03/27326275.shtml> (дата обращения: 28.03.2026).

Об авторе:

АНДРЕЕВА Ангелина Евгеньевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: angelinaand2007@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Юридическая ответственность за участие искусственного интеллекта в военных действиях: проблемы субъективной конкретизации

В. Д. Атопкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются актуальные вопросы, связанные с разработкой и внедрением искусственного интеллекта во время военных действий, поднимается проблема кризиса субъектной конкретизации: кто будет нести ответственность за работу алгоритма ИИ. Делается вывод о том, что в вопросе «Кто несёт юридическую ответственность за участие искусственного интеллекта?» не следует искать виновного, а нужно разрабатывать чёткую систему правового регулирования.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, автономная система, военные действия.*

В настоящий момент времени данный вопрос является актуальным для России, так как уже несколько лет страна борется с внешнеполитическим давлением со стороны других государств. В. В. Лебеяднцев и В. В. Вершинин в своей работе «Применение искусственного интеллекта в военных действиях» [4, с. 430] показывают, что с каждым днем искусственный интеллект (далее также – ИИ) проникает во все сферы человеческой жизни, в том числе и военную. Они подробно описывают возможные варианты использования ИИ в боевых действиях. Например, для распознавания изображений, которые помогают получить быстрый анализ сфотографированного объекта, в ОКБ имени П. О. Сухова был разработан БПЛА С-70 [7], который способен проводить анализ без вмешательства человека, или наземный РТК «Уран-9» [8], который может самостоятельно передвигаться по заданному маршруту, вести разведку и отслеживать цели, но решение об атаке определяет оператор. Несмотря на то, что решение об открытии огня принимает человек, не исключены случаи, когда техника выходила из строя. Поэтому до сих пор ведутся дискуссии, кто виноват: человек, который был создателем искусственного интеллекта или автономная система, непредсказуемость которой может повлечь за собой ряд негативных последствий. По-прежнему не существует нормативно-правового акта, который полностью бы регулировал применение искусственного интеллекта в военных действиях. Целью

исследования является рассмотрение данной проблемы: стоит понять кто прав, кто виноват и какие действия необходимо предпринять.

Прежде всего стоит обратиться к Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1]. Например, ее ст. 19 гарантирует равенство каждому человеку и гражданину, и в случае юридической ответственности субъектом права может выступать только физическое или юридическое лицо. Таким образом, на ИИ не может распространяться принцип равенства перед законом, так как искусственный интеллект изначально не является субъектом права, поэтому важно, чтобы ответственность за действия цифрового агента была распределена справедливо для всех участников. Ключевая проблема здесь заключается в том, что, чем самостоятельнее становится система, тем сложнее обеспечить реализацию конституционных прав. Поэтому важно, чтобы ответственность за действия от причиненного вреда четко регулировалась, а не перекладывалась с одного участника на другого. Также участие законодателя тут обязательно, он должен выстроить механизм, при котором не будет существовать неорганизованной сферы.

Статья 22 Конституции РФ гласит о праве на свободу и личную неприкосновенность. Данное конституционное право полностью противоречит функциям ИИ. Автономная система имеет право на летальную силу, что ограничивает права человека, причем без какого-либо нормативно-правового регулирования. Возникает один из самых волнующих вопросов, а допустимо ли передавать принятие решений о праве на жизнь и свободу человека автономной системе, которая в любой момент может выйти из строя. Таким образом, требуется, чтобы действия ИИ могли контролироваться и чтобы был конкретный ответчик, причем этот контроль должен быть не только техническим, но и юридическим.

Далее можно обратиться к ст. 23 Конституции РФ, которая гарантирует частность личной жизни. Данная статья нарушается при вмешательстве ИИ, поскольку цифровой агент анализирует огромное количество личной информации о человеке, тем самым вторгаясь в его жизнь.

В ч. 4 ст. 29 Конституции РФ утверждается право на получение информации, поэтому граждане могут претендовать на полный доступ к работе ИИ. Однако на практике многие разработчики не предоставляют информацию в открытом доступе, связывая ее с коммерческой тайной. Если автономная система принимает решения самостоятельно, то возникает необходимость в знании о ее работе, а

это уже не просто техническое требование, а конституционные гарантии для общества. В ином случае при отсутствии таких данных в открытом доступе это фактически лишает гражданина права на защиту своих прав.

При использовании искусственного интеллекта нарушается одна из основополагающих статей Конституции РФ, а именно ст. 45, закрепляющая государственную защиту прав и свобод человека. При внедрении автономных систем государство рискует создать зону отсутствия всякой ответственности. Проблема заключается в том, что с одной стороны государство стремится к развитию технологий, а с другой создает область, которая никак не регулируется, то есть где конституционные права граждан не защищаются.

Анализируя вышеперечисленные статьи, можно сделать вывод, что на данный момент использование ИИ не предоставляет никаких гарантий сохранения всех прав человека. Без структурированной системы по использованию искусственного интеллекта нарушаются равенство перед законом, свобода и неприкосновенность личности, отсутствует гарантия защиты частной жизни, и выстроенные государством конституционные функции начинают рушиться. Нарушается конституционный принцип равенства, где ответственным субъектом выступает физическое или юридическое лицо, а ИИ таковым не является, что создает сферу, которая никак не регулируется. Ситуация усложняется тем, что несмотря на наличие граждан, которые пострадали от действий автономных систем, не было возбуждено судебных процессов, где могли бы защищаться их конституционные права.

В том числе в отсутствие доступа к информации об ИИ граждане лишаются возможности эффективно защищать свои права. Пока законодатель не создаст четкий и сформированный механизм системы распределения ответственности в работе с ИИ, конституционные права граждан не будут реализоваться и представлять защиту.

Далее можно обратиться к конкретным примерам, где виноватым будет человек, внедривший использование цифрового агента в своё инженерно-техническое изобретение. Например, автономные дроны-камикадзе в конфликтах (Нагорный Карабах, Украина) [6]. Несмотря на ситуации, когда из-за ИИ страдают граждане, на сегодняшний день не было инициировано судебных процессов в отношении разработчиков, однако во всем наблюдается одна и та же схема. Израильские или турецкие дроны могут атаковать выявленные цели без приказа человека, а за объект опасности

считывают гражданских людей. Кого же обвинять в подобной ситуации? Искусственный интеллект, чьи алгоритмы сработали неверно или человека, не отдававшего прямого указа. В конкретном случае вина будет возложена на оператора, который выбрал режим, не подходящий в текущей обстановке, на командира, так как он не оценил все возможные риски, и на разработчиков программы, если будет доказано, что они не предупредили о возможных ошибках ИИ. Разберём эту ситуацию более подробно, используя Уголовный кодекс Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) и Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3].

Проблема привлечения к уголовной наказуемости заключается в невозможности объективно оценить, на кого должна возлагаться ответственность, поскольку ИИ не является физическим или юридическим лицом. Например, если обратиться к ст. 293 УК РФ «Халатность», можно выделить: субъектов – оператор, командир и разработчики программы; объективную сторону – ненадлежащее исполнение обязанностей военных лиц, их халатное отношение к службе; субъективную сторону – лица, причастные к данному делу, которые не смогли предвидеть исход событий, который является общественно опасным для населения; последствия – причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека (ч. 2 ст. 293). Проблема субъективной конкретизации заключается в том, что командир опирался исключительно на мнение экспертов и разработчиков, которые предоставляли характеристику автономной системы. Чрезмерное доверие технологиям привело к трагическим последствиям, поэтому сложно доказать, что случившееся – ошибка алгоритмов, а не бездействие людей. Более того, можно привлечь разработчиков по ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» и ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности». Правовой анализ: субъекты – командир, операторы и программные разработчики; в качестве объективной стороны будет выступать действие по неосторожности; субъективная сторона – пренебрежение разработчиками возможными сбоями цифрового агента. Проблема субъективной конкретизации – доказательство виновности одного сотрудника, а не всего штаба. Отсюда можно сделать вывод, что халатность и легкомыслие привели к трагическим последствиям, но программа могла не показать ошибку ИИ, поэтому перекладывать всю вину на физическое или юридическое лицо будет несправедливо.

Привлечение к гражданской ответственности. Например, по ст. 1064 ГК РФ «Общие основания возникновения обязанностей возместить вред» обязанность возмещения вреда могут возложить на владельца источника опасности, так как в данном случае именно он является субъектом права, а на ИИ в настоящий момент никакой ответственности возложить не получится.

Для большего изучения этой проблемы обратимся к ст. 1079 ГК РФ «Ответственность за вред, причинённый деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих». Проводя правовой анализ, можно сделать вывод, что субъектом ответственности будет выступать владелец автономной системы, а основаниями для его привлечения «безвиновная ответственность»: владелец будет обязан возместить ущерб, потому что сбой алгоритмов не является основанием для безнаказанности, так как ошибка цифрового агента является внутренним дефектом, от которого точно также пострадали люди.

Привлечение субъекта права по ст. 1095-1098 ГК РФ «Ответственность продавца за недостатки товара». Вина с продавца будет снята только в случае, если докажут нарушения правил эксплуатации.

Однако хотелось бы разобрать ситуацию, где виновным посчитают искусственный интеллект, чьи алгоритмы сработали неверно. Подобным примером послужит та же ситуация с дронами в Нагорном Карабахе, но теперь рассмотрим её через вину ИИ. В данном случае ответственность переложат на сбой алгоритмов в программе. Оператор мог не успеть среагировать за относительно короткий промежуток времени, командир же рассчитывал не на риски, а на автономную систему, которая до этого работала исправно. Отсюда можно сделать вывод, что вина должна быть возложена на искусственный интеллект, который фактически принимает решение о применении сил. Тем не менее, переложить всю ответственности на автономную систему в настоящий момент не является возможным.

Проанализировав два примера, можно сделать вывод, что в нынешних реалиях не существует нормативно-правовой акт, который мог бы регулировать такие инциденты. Для решения возникшей проблемы стоит перестать искать виновного, перекладывать ответственность с человека на ИИ – нужно разрабатывать систему, которая могла бы чётко разрешать такие ситуации, не ограничивая в правах кого-либо.

В научной работе «Правовое регулирование использования боевого искусственного интеллекта» [5, с. 103] авторы подробно разбирают внедрение ИИ в военное дело, а также акцентируют внимание на том, что искусственный интеллект следует признать субъектом права, отнеся «к так называемому “электронному лицу” ...». Безусловно, важность применения автономных систем в военных действиях значительно выросла, и это стало ключевым фактором для обеспечения безопасности. Сложившаяся ситуация показывает необходимость введения правового регулирования ИИ, поскольку пока что правовая регламентация автономных систем не соответствует требованиям, а это может привести к значительным негативным последствиям.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Консультант Плюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СПС «Консультант Плюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «Консультант Плюс».

4. Вершинин В.В., Лебедянцева В.В. Применение искусственного интеллекта в военных действиях // Вестник науки. 2024. Т. 3, № 4(73). С. 429-436.

5. Владимиров И.А., Камалетдинов Э.С., Иксанов Р.А. Правовое регулирование использования боевого искусственного интеллекта // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2025. № 3(68). С. 101–106.

6. Вражеский дрон-камикадзе атаковал брянское село, один человек пострадал // Vesti.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://smotrim.ru/article/4793330> (дата обращения: 16.11.2025)/

7. Боевой потенциал БПЛА С-70 «Охотник» // Военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/235267-boevoj-potencial-bpla-s-70-ohotnik.html> (дата обращения: 16.11.2025).

8. Искусственный интеллект в Российской Армии // Военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/189298-iskusstvennyj-intellekt-v-rossijskoj-armii.html> (дата обращения 16.11.2025).

Об авторе:

АТОПКОВА Виктория Денисовна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: vikaatopkova@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Конституционно-социальная политика в отношении ветеранов боевых действий в Российской Федерации

А. А. Беляков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Актуальность темы обусловлена существенным увеличением численности граждан, имеющих статус «ветеран боевых действий», в России и, как следствие, повышенным вниманием государства и общества к эффективности их социальной поддержки. Ключевой проблемой является реализация социальной политики и правовое неравенство ветеранов боевых действий в зависимости от региона. Основное внимание уделяется анализу действующего законодательства как на федеральном, так и региональном уровне с целью выявления правовых пробелов, которые создают данное неравенство и препятствуют реализации единых стандартов социальной защиты для всех ветеранов боевых действий на территории России.

Ключевые слова: *ветераны боевых действий, конституциональная и социальная политика, политика Российской Федерации.*

В наше время вопросам поддержки ветеранов боевых действий уделяется значительное внимание [5, с. 90]. Это понятно, поскольку на протяжении всей своей истории наша страна участвовала в вооруженных конфликтах, направленных на защиту государственного строя, где наши граждане сражались за будущее нашей страны. Развитие конституционно-правовой базы и социальной политики в данной сфере является ключевым инструментом реализации государственных гарантий [4, с. 64]. Развитие законодательства позволяет не только улучшить положение ветеранов, но и укрепить основы социальной справедливости, заложенные в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1]. Если анализировать принятые законопроекты и меры поддержки, можно увидеть комплекс мер заботе государства в отношении данной категории граждан. Однако, в данной сфере продолжает сохраняться ряд проблем и пробелов. Они требуют детального анализа и дальнейшей проработки. Особую актуальность приобретает вопрос эффективности реализации федерального законодательства на региональном уровне, где зачастую наблюдается его недобросовестное или неполное исполнение [5, с. 91]. Это приводит к неравенству в положении ветеранов в зависимости от места их проживания.

Начать стоит с анализа норм, которые закреплены ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, согласно которой устанавливается, что политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Нельзя не согласиться с этим постановлением и тем, что оно конституционно закреплено, ведь Российская Федерация является социальным государством, в котором гарантируются и реализуются меры на достойную жизнь. Но на самом деле в ч. 1 ст. 7 Конституции РФ можно выделить несколько недостатков, которые могут создать противоречия в обществе.

Сначала хотелось бы выделить отсутствие четких процедур обжалования необеспечения «достойной жизни». Конституция РФ называет наше государство социальным и говорит, что оно должно обеспечивать людям достойную жизнь. Как отмечает в своей работе Г. А. Дудин, само понятие «достойная жизнь» в законах никак не расписано [4, с. 65]. Из-за этой неопределенности ветераны боевых действий сталкиваются с серьезными проблемами при защите своих прав. Главная трудность заключается в том, что ветеран не может просто так обжаловать действия властей, сославшись на то, что ему не обеспечили «достойную жизнь». Для такого заявления нет никаких правовых оснований, потому что ни один закон не определяет, что именно входит в это понятие. Не существует ни четких показателей, ни официальной методики оценки, ни даже минимального перечня условий, которые бы эту достойную жизнь составляли. Кроме того, действующие правила обжалования не учитывают нарушение общих принципов социального государства. Пожаловаться можно только на конкретные действия в рамках того или иного закона (например, на отказ в предоставлении конкретной льготы). Но если все формальные льготы выданы, а общее качество жизни ветерана остается низким, то обратиться к государству оказывается невозможно. Суд в такой ситуации не примет иск, потому что ему не на что опереться для оценки «достойности» жизни. Кроме того, сами понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие человека» являются оценочными категориями, у них нет четкого содержания. Из-за этого суд не может использовать эти понятия для разрешения конкретного юридического спора между ветераном и государственным органом. Судья не может вынести решение, основанное только на том, что жизнь ветерана не кажется ему достаточно достойной по смыслу Конституции РФ. Ему нужны ссылки на нарушение конкретных статей федеральных законов.

В продолжение, важно сказать о положениях ч. 1 ст. 39 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Именно в развитие этих фундаментальных норм был принят Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» [2], который устанавливает различный перечень мер социальной поддержки для данной категории граждан. В последние годы, в условиях существенного увеличения численности ветеранов боевых действий, государство активно развивает законодательную базу, что отражается в принятии новых законов, таких как Федеральный закон от 13.12.2024 № 474-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], свидетельствующий о повышенном внимании к данной проблеме. Но все же, можно вывести несколько пробелов в данной теме.

Наблюдается значительное неравенство в доступе к механизмам социальной поддержки, которое появляется между двумя ключевыми факторами, такими как личное усмотрение и различие региональных возможностей [5, с. 93]. Региональное неравенство и субъективизм проявляются в том, что реализация многих социальных обязательств, особенно в сфере предоставления дополнительных выплат, жилищных сертификатов или натуральной помощи, осуществляется на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Это порождает зависимость объема и качества получаемых ветераном благ от бюджетной обеспеченности региона и усмотрения местных чиновников. В результате ветеран, проживающий в экономически развитом регионе, имеет больше шансов на получение адресной помощи, нежели ветеран с идентичными потребностями, но проживающий в отстающем регионе. Это прямо противоречит конституционному принципу равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от места жительства (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ). Так же, как и неравенство в уровне правовой информированности, где эффективность реализации прав ветерана зачастую соотносится с его осведомленностью о существующих мерах поддержки и настойчивостью в их отстаивании в административных органах. Ветераны, обладающие более высоким уровнем правовой грамотности и социальной активности, по факту оказываются в лучшем положении по сравнению с теми, кто такими знаниями и навыками не обладает. Это создает скрытую форму неравенства внутри самой категории льготополучателей.

Как отмечает Л. А. Семенищева, проблема изменений личности после боевых действий у ветеранов требует длительной специализированной коррекции с учетом комбатантной акцентуации и расстройств личности, не сводящихся к классическому ПТСР [6, с. 464]. Это действительно актуальная проблема, ведь многие участники в наше время имеют различные виды расстройств, с которыми им предстоит дальше жить. Государство пытается помочь, но не в полной мере, достаточной для помощи к участникам боевых действий.

Еще одна из ключевых проблем – это проблема статистического учета в системе социальной защиты ветеранов боевых действий [5, с. 94]. В системе социальной защиты ветеранов боевых действий отсутствует единая централизованная система статистического учета, что не позволяет оценить реальные масштабы поддержки, эффективность мер, выявить региональные различия и обоснованно распределять бюджетные средства.

Таким образом, несмотря на конституционное закрепление принципов социального государства, в реализации последних по отношению к ветеранам боевых действий сохраняются системные противоречия. Положение о «достойной жизни» (ст. 7 Конституции РФ) не имеет механизмов судебной защиты. Статус ветерана и объем поддержки зависят от региона, что нарушает принцип равенства прав (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ). Отсутствие единой системы статистического учета делает невозможной объективную оценку эффективности мер. Существующая модель требует развития: необходима конкретизация конституционных понятий, унификация правового статуса ветеранов, создание системы учета. Только комплексный подход позволит обеспечить реальное соблюдение принципов социальной справедливости для всех ветеранов боевых действий.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 13.12.2024 № 474-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Дудин Г.А. Социальное государство и солидарность поколений // Экономика. Социология. Право. 2025. № 2(38). С. 64–70.

5. Сабодаш А.Н., Полякова С.В. Государственное регулирование в сфере социальной защиты ветеранов боевых действий // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23. С. 90–96.

6. Семенищева Л.А. Социальная защита ветеранов боевых действий в РФ: анализ и перспективы // Международный научный журнал «Вестник науки». 2024. Т. 3, № 11(80). 462–473.

Об авторе:

БЕЛЯКОВ Артём Андреевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: artyomkabel12@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Гибридная война как актуальная форма общественно-политической деформации: правовая характеристика

Я. А. Биберин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика гибридной войны как форма общественно-политической деформации. Актуальность данной темы обусловлена тем, что войны перестают существовать в классическом для нас смысле. Поскольку военный прогресс вырос настолько, что сверхдержавы могут уничтожить весь мир одним нажатием кнопки в чемодане, главы государств вынуждены прибегать к менее насильственным действиям, чтобы не уничтожать население людей, но способствовать изменению режима, пособничеству в государственном перевороте с целью устранения соперника. Также исследуется проблема привлечения к ответственности тех, кто способствует разжиганию гибридных войн, анализируется, к каким способам прибегают страны, чтобы обойти нормы международного права, а также как регулирует российское законодательство разжигание гибридных войн.

Ключевые слова: гибридная война, нормы международного права, война четырех блоков, Конвенция ООН, Указ Президента об экстремизме, частные военные компании.

Проблематика гибридной войны в XXI веке является главной темой для обсуждения не только на международной арене, но и в международном праве в целом.

Впервые данный термин употребил в сентябре 2005 года генерал-лейтенант морской пехоты США Джеймс Мэттис в выступлении на оборонном форуме. Сразу после мероприятия Мэттис в соавторстве с подполковником морской пехоты США в отставке Фрэнком Хоффманом опубликовал короткую статью «Война будущего: подъем гибридных войн».

В ней авторы рассуждают на тему того, как будут проводиться эти войны, и приходят к выводу, что победить в таких войнах, сосредоточившись на технологиях, нельзя. Победа может быть достигнута только путем подготовки к войне четырех блоков: бои, гуманитарная помощь, разделение враждующих сторон и информационные операции [5, с. 1].

При таком конфликте страны могут даже не объявлять друг другу о состоянии войны, ведя при этом переговоры и взаимодействуя друг с другом как в экономическом плане, так и в политическом. Но беда

этого явления в том, что противоборство идет незаметно. Оно направлено на подрыв действующего строя государства, смену правящей элиты, изменения таких настроений в государстве, которые были бы приемлемы для другого государства. Де-юре это государство будет независимым, но де-факто решения этого государства будут основываться на политике элиты другого государства.

В международном праве до сих пор отсутствует определение понятия гибридной войны, так как действия, совершаемые в ней, нельзя точно определить как целенаправленное вмешательство во внутреннюю и внешнюю политику другого государства.

В статье «Гибридные войны: современные вызовы и перспективы» М. Г. Бистрина определяет характерную черту гибридных войн, а именно их опосредованный характер [4, с. 249], то есть они ведутся через третьи силы или на территории сторонних государств, что позволяет инициаторам оставаться в тени и избегать прямой ответственности за эскалацию конфликта. Поэтому собственно так трудно создать правомерную ответственность за ведение таких войн.

Автор упоминает еще интересный факт. Согласно международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников странам запрещено использовать наемнические объединения в вооруженных конфликтах между странами [1]. Однако, несмотря на данный запрет, конфликты с участием наемников до сих пор происходят в странах третьего мира.

Важно также рассмотреть правовой статус наемника в таких конфликтах. Сам наемник в современных реалиях является основной единицей в гибридной войне, поскольку он не гражданин стран, участвующих между собой в конфликте, и способствует дестабилизации политической обстановки в мире. Международное право строго относится к таким субъектам правоотношений. Во-первых, наемник не имеет статус на право комбатанта, то есть на законное участие в вооруженном конфликте, что уже намекает на мысль о его незаконном участии. Во-вторых, на наемников не распространяется право на убежища, а также не распространяется статус военнопленного в случае попадания в плен, а сама их деятельность оценивается как нарушение международного мира.

В российском праве за участие в вооруженных конфликтах предусмотрена уголовная ответственность ст. 359 Уголовного кодекса Российской Федерации [2]. Наёмником признаётся лицо,

действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооружённом конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей.

Однако в российском законодательстве нет определенного законного акта о частных военных компаниях (далее также – ЧВК), что делает применение вышеуказанной статьи проблематичным в реализации этого правового акта.

В международном праве тоже нет четко выраженных дефиниций, которые хоть как-то регулировали бы их деятельность, ведь, несмотря на Конвенцию, сотрудники ЧВК зачастую не соответствуют юридическому определению наёмников в международном праве, что становится проблемой в регулировании их деятельности. Они могут быть гражданами государства, на стороне которого работают, выполнять вспомогательные функции и действовать не только из финансовой заинтересованности. Это создаёт значительную правовую неопределённость, поскольку международное право не адаптировано к специфике деятельности ЧВК. Современная практика показывает, что государства активно используют ЧВК, зачастую обходя существующие запреты. Это затрудняет их регулирование и привлечение к ответственности за возможные нарушения, а также способствует ведению гибридных войн.

Возвращаясь к теме гибридной войны, можно попробовать рассмотреть российское право, чтобы найти в нем меры, которые регулируют данный вид войны.

Точного закона, который назывался бы «Федеральный закон “О противодействии разжиганию гибридной войны”» нет в Российской Федерации. Однако существует Указ Президента России от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [3]. Данный нормативный акт регулирует порядок противодействия не столько экстремизму, сколько гибридной войне. В одном из положений перечисляются методы ведения гибридных войн, а именно: развязывание гражданских войн, инициирование «цветных революций», создание обстановки «контролируемого хаоса».

Данный Указ является основой противодействия мерам, которые направлены на дестабилизацию конституционного строя Российской Федерации, а также предотвращения внутривнутриполитических угроз, таких как терроризм, экстремизм, а также разжигание социальной и

расовой ненависти внутри государства. Поскольку иностранные спецслужбы способствуют тому, чтобы сменить одну правящую элиту другой, как это произошло на Украине в 2014 году, данный закон призван ограничить иностранное влияние на сознание граждан и оппозиции страны.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать вывод, что гибридная война до сих пор является сложным феноменом как общественно-политическая форма. Она сильно влияет на международную систему, поскольку не проявляет себя напрямую. Это больше информационная война, в результате происходят государственные перевороты и крахи существующих политических режимов. Этот раздел в международном праве до сих пор не урегулирован, поскольку действия, совершаемые в ней, не квалифицируются точно. Также, помимо этого, государства часто прибегают к мерам, которые обходили бы нормы международного права, создают подразделения – ЧВК, которые де-юре обходят понятие «наемник», но фактически их участники выполняют функции наемника. Российское законодательство не имеет четкого определения гибридной войны, однако предпосылки создания норм, устанавливающих ответственность за проведение гибридной войны против России, уже наблюдаются.

Список источников

1. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 04.12.1989) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Бистрина М.Г., Иванников А.А. Гибридные войны: современные вызовы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2025. Т. 12, № 2. С. 245-254.

5. Mattis, J.N., Hoffman F. // Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. Proceedings Magazine, 2005. № 132(11/1,233). P. 1-2.

Об авторе:

БИБЕРИН Ярослав Александрович – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: yaroslavbeberin@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Правовой нигилизм в условиях вооруженного конфликта: причины, проявление, преодоление

В. А. Боброва

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Правовой нигилизм как отрицание или обесценивание права, его институтов и норм представляет собой серьезную угрозу для любого общества. В условиях вооруженного конфликта это явление приобретает особую опасность, поскольку ведет к дальнейшей эскалации насилия, гуманитарным катастрофам и подрыву любых основ для будущего мирного сосуществования. Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что пренебрежение правовыми нормами ведет к затягиванию конфликта, гуманитарным катастрофам и блокировке помощи. Цель данного исследования – анализ проявлений, причин возникновения и способов преодоления правового нигилизма в условиях вооруженного конфликта.

Ключевые слова: *правовой нигилизм, вооруженный конфликт, правовая культура.*

Правовой нигилизм в условиях вооружённого конфликта формируется под воздействием сложного комплекса взаимосвязанных факторов – политико-идеологических, социально-экономических, военных и психологических, которые усиливают друг друга и создают порочный круг пренебрежения нормами права. Политико-идеологические факторы играют ключевую роль: нелегитимность или слабость государства, неспособного обеспечить соблюдение законов, порождает вакуум власти, который заполняется силой оружия и произволом. Запрет идеологий, оправдывающих насилие, этнические чистки и дискриминацию, ведущих к восприятию противника как не человека и легализации нарушений прав человека и норм международного права, закреплён в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 год) [5]. Активная пропаганда и дезинформация, демонизирующие противника и искажающие информацию о событиях, формируют искажённое представление о праве и морали. Не менее значимы социально-экономические факторы: нищета, безработица и социальное неравенство создают напряжённость, способствующую распространению насилия и недоверия к государству. Коррупция в органах власти и правосудия подрывает веру в справедливость – для борьбы с ней в России действуют Федеральный закон от 25.12.2008

№ 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2] и Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [3]. Ограниченный доступ к образованию и объективной информации снижает осведомлённость населения о своих правах и обязанностях, в том числе о нормах международного права. Военные факторы усугубляют ситуацию: безнаказанность за нарушения международного права поощряет дальнейшие преступления. Например, применение тактики выжженной земли и атак, нацеленных на гражданское население, показывает пренебрежение нормами права и человеческой жизни. Данная тактика прямо противоречит принципам международного гуманитарного права, закреплённым в Женевских конвенциях 1949 года и дополнительных протоколах к ним (1977 год) [4]. Эти документы устанавливают обязанности государства по защите гражданского населения, раненых, больных, военнопленных и других лиц, не участвующих в военных действиях, а также усиливают защиту жертв конфликта, запрещая коллективные наказания, взятие заложников и терроризм. Существуют также психологические факторы, которые оказывают существенное влияние на человека. Переживание насилия, потерь и страха вызывает психологические травмы и расстройства. Война разрушает моральные ориентиры, а в условиях конфликта страх за свою жизнь и жизнь близких подталкивает людей к действиям, противоречащим праву и морали.

Правовой нигилизм в экстремальных ситуациях проявляется прежде всего через то, что само право начинает восприниматься как нечто второстепенное по сравнению с физической безопасностью. Когда на первый план выходит выживание, абстрактные юридические гарантии оказываются отодвинуты. Из-за этого происходит переоценка значения нормативных актов, а долгосрочные правовые ориентиры подменяются краткосрочной выгодой. В обществе начинают распространяться установки, согласно которым закон можно обойти, если это ускоряет достижение цели, связанной с безопасностью. Такой подход разрушает саму идею устойчивого правопорядка. Существенное влияние оказывает и то, что война или вооружённый конфликт создают среду постоянного информационного давления. В условиях нехватки достоверных данных формируется пространство, насыщенное слухами, эмоциональными призывами, пропагандой. Вследствие этого правосознание утрачивает чёткие ориентиры, становится сложнее оценивать правомерность действий власти, силовых органов или

отдельных групп, так как информационные сигналы противоречат друг другу. Когда же государство не успевает оперативно объяснять принятые решения, уровень доверия к правовой системе падает ещё быстрее [10, с. 17].

Отдельное значение имеет восприятие ответственности государства. В условиях конфликта оно вынуждено вводить специальные правовые режимы, ограничивать определённые права и свободы, менять порядок управления территориями и ресурсами. На бумаге такие меры выглядят обоснованными, но их реальное содержание нередко остаётся непонятным для граждан. Отсутствие ясности порождает сомнения в законности происходящего, что и становится средой для нигилистических настроений. Люди начинают воспринимать исключения как норму, а правовые рамки как нечто условное, зависимое исключительно от политической необходимости. Чем дольше сохраняется такой режим, тем устойчивее становится убеждение, что право это гибкая материя, которая в зависимости от обстоятельств может быть растянута или сжата. Вооружённый конфликт также резко перераспределяет полномочия между органами власти. Усиление роли силовых структур сопровождается сокращением возможностей граждан для обычных способов защиты своих прав. Судебная система работает с перебоями, некоторые институты прекращают функционировать, а административные процедуры становятся недоступными. Люди сталкиваются с тем, что формальные пути решения проблем не работают или требуют слишком много времени. Все перечисленные факторы усиливают ощущение, что право не способно помочь и побуждает искать новые пути, как повлиять на ситуацию. Со временем такое восприятие закрепляется и кажется привычным.

Преодоление правового нигилизма в условиях вооруженного конфликта это сложная задача, требующая последовательных и системных усилий на различных уровнях, то есть как внутри страны, так и за её пределами. Данный процесс включает в себя целый комплекс мер, направленных на восстановление и укрепление доверия к праву, защиту прав человека и обеспечение ответственности [8, с. 24]. Важным является укрепление верховенства права и национальных институтов правосудия. Такое укрепление предполагает не просто формальное существование законов, в том числе положений Конституции Российской Федерации, закрепляющих принципы правового государства [1], но и их реальное применение. Необходимо проведение глубоких реформ судебной

системы, обеспечение её независимости и беспристрастности. Немаловажной является борьба с коррупцией. Создание действенных механизмов для предотвращения и пресечения коррупционных преступлений, а также обеспечения прозрачности деятельности государственных органов подрывает основу для правового нигилизма. Также необходимо обеспечить доступ к качественной юридической помощи для всех слоёв населения, особенно для наиболее уязвимых групп, пострадавших от конфликта [7, с. 178]. Ключевую роль играет повышение осведомлённости о международном праве и правах человека в целом. Знание своих прав и обязанностей, а также норм, регулирующих вооружённые конфликты, является фундаментом для уважения права. Это достигается через внедрение образовательных программ и через проведение информационных кампаний для общества. Важно использовать все доступные каналы коммуникации, включая независимые СМИ, социальные сети и общественные организации, для распространения достоверной информации о правах человека [9, с. 12]. Кроме того, одним из инструментов борьбы с правовым нигилизмом является обеспечение неотвратимости наказания за нарушения. Необходимо проводить тщательные и независимые расследования всех случаев военных преступлений и преступлений против человечности. Виновные должны привлекаться к ответственности как на национальном уровне, так и, при необходимости, через международные судебные инстанции, такие как Международный уголовный суд, действующий на основе Римского статута (1998 год) [6]. Поддержка и сотрудничество с международными механизмами правосудия, а также применение принципа универсальной юрисдикции могут служить важным сдерживающим фактором. Неотъемлемой частью можно назвать активное взаимодействие с международными организациями и гражданским обществом, включающее в себя поддержку правозащитных организаций, активистов и независимых журналистов, которые играют ключевую роль в мониторинге ситуации, документировании нарушений и информировании общественности [11, с. 198]. В продолжение изложенного важно упомянуть такую меру преодоления правового нигилизма, как разработка и реализация стратегий, направленных на борьбу с идеологиями, оправдывающими насилие. В конце необходимо учесть, что решающую роль играет усиление международного сотрудничества. Государства должны укреплять международные механизмы защиты прав человека и активно обмениваться

информацией и опытом в области борьбы с правовым нигилизмом. Только через совместные усилия можно надеяться на восстановление законности и справедливости в мире.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в действующей ред.) // СПС «КонсультантПлюс»

3. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, от 08.06.1977 (Протокол I) // СПС «Гарант».

5. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята Резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1984) // СПС «Гарант».

6. Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Рим 17.07.1998) // СПС «Гарант».

7. Батырь В.А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов, учебник для слушателей высших военно-учебных заведений / В.А. Батырь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2011. 396 с.

8. Быков Р.Е. Правовой нигилизм и пути его преодоления // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 94. С. 24-28.

9. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник / И.И. Лукашук. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 517 с.

10. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Саратовская государственная юридическая академия. 2012. № 4(87). С. 17–33.

11. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: учебник / О.И. Тиунов. 3-е изд. М.: Норма, 2023. 320 с.

Об авторе:

БОБРОВА Варвара Александровна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: varabobrova5gmail.com@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Предвыборная избирательная агитация в сети Интернет в контексте специальной военной операции

А. В. Воробьев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена исследованию проблематики превентирования деструктивных антиправовых практик в сфере организации и проведения предвыборной агитации с использованием сети Интернет. Реальность проведения специальной военной операции в условиях противодействия угрозам суверенитету Российской Федерации обусловила необходимость изучения конституционно детерминированных механизмов обеспечения права каждого на доступ к достоверной публично значимой информации в означенной сфере. Предлагается ряд мер, направленных на повышение устойчивости политической системы и уровня доверия граждан к институтам власти.

Ключевые слова: *сеть Интернет, специальная военная операция, предвыборная агитация, информация.*

Сеть Интернет является не только средством взаимодействия пользователей, но и помощью в политической коммуникации. В условиях проведения специальной военной операции (далее – СВО) сеть Интернет приобрела особое значение, видоизменяясь из инструмента коммуникации в пространство информационного противоборства.

Интернет-технологии предоставляют пользователю не только огромное количество коммерческой и рекламной, но и политической и политико-пропагандистской информации. Кроме того, растет и число пользователей мобильного интернета. Президент Российской Федерации (далее – Президент РФ) В.В. Путин в 2024 году высказывался, что с мобильных устройств в сеть Интернет выходят свыше 130 млн. человек, что уже составляет более 90 % населения России [15]. Указанные данные свидетельствуют о высокой степени цифровизации общества и значительном потенциале сети Интернет как инструмента воздействия на общественное сознание.

Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в ч. 4 ст. 2 под предвыборной агитацией понимает деятельность, осуществляемую в период кампании и имеющую цель побудить или побуждать избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов

или против него [3]. В современной цифровой среде, особенно в условиях СВО, информационные материалы содержат элементы эмоционального воздействия, характерные для агитации, выходящей за рамки конституционности.

В этой связи особую актуальность приобретает проблема ведения предвыборной агитации в сети Интернет в условиях СВО. Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью разграничения предвыборной агитации и информирования, а также определения допустимых границ информационного воздействия на избирателей.

В 2022 году Президент Российской Федерации В. В. Путин в экстренном обращении к российским гражданам объявил о начале проведения СВО. Вследствие чего информационная деятельность политических партий стала активно включать элементы агитационного воздействия, направленного на формирование поддержки проводимой государственной политики.

Показательным примером является деятельность партии «Единая Россия», которая максимально интегрировалась в повестку СВО. Участие партии выражалась в волонтерской деятельности, оказании помощи жителям новых территорий и участникам СВО, а также в активном информационном сопровождении указанных действий [8]. Подобная практика неизбежно включает распространение информации о социально значимой деятельности политических субъектов и может выполнять функции информирования и формирования патриотического отношения со стороны избирателей.

Указом Президента РФ в ряде регионов были введены особые правовые режимы, включая уровни повышенной готовности и реагирования [2]. В. В. Сошников обращает внимание, что в ряде регионов было ограничено проведение публичных мероприятий, за исключением мероприятий, проводимых органами государственной власти, а также мероприятий, организуемых в соответствии с законодательством о выборах и референдумах [10, с. 182].

Существенное влияние на правовое регулирование информационной деятельности в сети Интернет оказали изменения уголовного законодательства, внесённые Федеральным законом от 04.03.2022. Была установлена уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации, а также за действия, направленные на их дискредитацию [4].

С объективной точки зрения, введение подобных установлений формирует дополнительные ограничения для распространения информации в цифровой среде, включая материалы, связанные с политической коммуникацией.

В соответствии с ч. 1 и ч. 4. ст. 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [1]. Вместе с тем, согласно ч. 3 ст. 55 права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Ограничение высказываний в условиях избирательного процесса приводит к повышению требований к содержанию материалов и затруднению свободного выражения мнения.

С одной стороны, данные нормы направлены на защиту конституционно значимых ценностей, включая безопасность государства и устойчивость общественно-политической системы.

С другой стороны, их реализация приводит к сужению пространства свободы выражения мнений и может оказывать влияние на содержание негативной политической коммуникации.

В условиях СВО наблюдается активное использование цифровых платформ для распространения аудиовизуальных материалов, направленных на формирование общественного мнения. Следует согласиться с мнением А. Н. Смоленцева, что у аудитории в этом контексте формируются определённые ценностные установки, включая идеи стойкости, героизма и самопожертвования. Такие материалы ориентированы на молодёжную аудиторию. Информация нередко строится на примерах для подражания и эмоционально значимых образах. Соответствующая практика может способствовать героизации примеров для подражания лицам, участвовавшим в СВО [11, с. 61].

В сети Интернет широкое распространение получают видеоролики, посвящённые тематике СВО. Видеоряды набирают значительное количество просмотров и вовлеченности пользователей [12].

Высокая скорость распространения информации в сети Интернет касается и недостоверной информации, что ярко проявилось в период СВО. Одним из примеров является видеоматериал, опубликованный в феврале 2022 года, на котором демонстрировалась работа системы

ПВО Украины по российскому самолёту. Впоследствии было установлено, что видео представляет собой запись игрового процесса из военного симулятора [14]. Подобные действия создают дополнительные риски, поскольку информация может использоваться в целях заведомо искаженного формирования общественного мнения.

Для усиления государственного регулирования информационного пространства Роскомнадзором был ограничен доступ к информационным ресурсам, распространявшим недостоверную информацию о ходе СВО [13].

Мы полагаем, что подобная практика свидетельствует о формировании информационной среды, в рамках которой усиливается контроль за содержанием распространяемой информации, в том числе в целях недопущения деструктивного влияния на общественное мнение.

Особую роль приобретают массовые публичные мероприятия 18.02.2022, направленные на формирование и демонстрацию общественной поддержки государственной политики [6]. Проведение митингов, посвящённых значимым политическим событиям, рассматривается как инструмент консолидации общества. При этом ключевое значение имеет не только факт проведения, но и его последующее распространение в сети Интернет.

Информационная деятельность политических партий приобретает самостоятельное значение, формируя у аудитории определённое восприятие политических субъектов [5]. В апреле 2022 года большинство политических партий, участвовавших в избирательных кампаниях, включилось в реализацию социально значимых инициатив, сопровождая их активным информационным освещением в медиапространстве (Единая Россия; КПРФ; ЛДПР; СРЗП; Партия пенсионеров; Родина; Новые люди; Зеленая альтернатива; Гражданская платформа). При этом ключевым направлением стала демонстрация участия в поддержке граждан и оказании помощи, что транслируется через Интернет-ресурсы и социальные сети. Политические партии поддержали СВО, но каждая из них представила собственную интерпретацию факта ее проведения для освещения собственных практических идей.

Так, например, до начала СВО партия «Новые люди» выступала за дипломатическое разрешение противоречий, в связи с чем 15.02.2022 проголосовала против обращения к Президенту РФ по вопросу признания ДНР и ЛНР. Однако после начала СВО 24.02.2022 позиция партии претерпела изменения.

В качестве основных инструментов формирования общественного мнения Н. В. Овчинников, М. С. Хавров, В. С. Матиевский выделяют: мисинформацию (распространение информации из контекста для неправильной интерпретации), фрейминг (появление информации в определенном ракурсе с целью воздействия на восприятие или оценку получателей), фальсификацию (подделка/искажение информации для заблуждения), селективность (выборочные представления/упоминания, которые подтверждают нужную точку зрения [7, с. 130]. Кроме того, важной считается агитация, то есть активное распространение информации с целью возбуждения эмоций.

Результаты социологического исследования 2026 года свидетельствуют о неоднородности общественного мнения в отношении к СВО. Так, 57 % респондентов оценивают ход СВО как успешный. При этом негативные оценки чаще высказываются аудиторией интернет-СМИ и Telegram-каналов, тогда как позитивные – преимущественно аудиторией телевидения [16]. Социологические данные носят относительный характер, поскольку респонденты ориентируются на социально одобряемые позиции и не всегда раскрывают собственное мнение.

Аналогичная зависимость прослеживается в оценке перспектив завершения СВО. Ожидание её продолжения характерно для пользователей цифровых каналов коммуникации, в то время как более оптимистичные оценки демонстрирует аудитория традиционных медиа.

Молодежная среда не имеет широкой лояльности к власти в силу социально-экономических условий развития, ограниченного опыта политической жизни, а также доминирующего влияния цифровой среды. Также отмечается смещение установок Российской молодежи в сторону патриотизма, что связывается с влиянием СВО, хотя подобная лояльность нередко носит поверхностный характер и свидетельствует о неоднозначности [9, с. 124].

Существенные различия наблюдаются и в позициях по вопросу продолжения СВО или перехода к переговорам. Большинство молодых респондентов и пользователей Интернет-ресурсов склоняются к дипломатическому разрешению конфликта, тогда как сторонники продолжения операции представлены среди аудитории телевидения.

Мы полагаем, что указанные данные подтверждают значительное влияние каналов распространения информации, среди которых телевидение и сеть Интернет, на формирование общественного мнения. При этом эффективность технологий обусловлена выбором

каналов коммуникации и содержанием информационного воздействия, что влияет на результаты избирательной кампании.

В условиях СВО происходит трансформация политической повестки и информационного пространства, выражающаяся в усилении консолидации общества для формирования патриотизма. Цифровая среда выступает каналом распространения информации и площадкой формирования общественного мнения. Усиление государственного регулирования, развитие цифровых технологий и активное использование медиаресурсов приводят к усложнению правовой квалификации информационных материалов.

Обозначенные факторы могут подорвать устойчивость политической системы и уровень доверия к институтам власти, что повышает значимость развития механизмов контрагитации. Ее направленность может осуществляться не только на нейтрализацию деструктивного информационного воздействия, но и на формирование устойчивых общественных установок, соответствующих приоритетам национальной безопасности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в действующей ред.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Асафоров А. Политические процессы простыми словами. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://asafov.ru/avtor/v-press-czentre-mia-rossiya-segodnya-proshel-kmglyj-stol-na-temu-rol-i-mesto-politicheskikh-partij-rossii-v-speczialnoj-voennoj-operaczii> (дата обращения: 25.04.2026).

6. Беспамятных А. Новости. Политика 21.03.2022 // Сетевое издание Комсомольская Правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4673281/> (дата обращения: 25.04.2026).

7. Овчинников Н.В., Хавров М.С., Матиевский В.С. Интернет-пропаганда как инструмент воздействия в военных конфликтах // Международный научный журнал символ науки. 2024. 126-131.

8. Костин К. Н. У «Единой России» есть моральное обоснование на право представлять людей в различных политических органах // Официальный сайт партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/konstantin-kostin-u-edinoj-rossii-est-moralnoe-obosnovanie-na-pravo-predstavlyat-lyudej-v-razlichnyh-politicheskikh-organah> 2022 (дата обращения 21.04.2026).

9. Соболева Е.О. Восприятие специальной военной операции в современной отечественной студенческой среде и задачи российской власти по патриотическому воспитанию поколения Z // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. С. 123-127.

10. Сошников В.В. О проведении предвыборной агитации посредством публичных мероприятий // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 4(30). С. 181-186.

11. Смоленцев А.Н. Совершенствование профилактики экстремизма терроризма в молодежной среде в период военной службы // Обзор. НЦПТИ. 2022. С. 60-69.

12. Тимофеев Я. Агитационные ролики об СВО на Украине набирают миллионы просмотров по всему миру. 2024. // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2024/10/29/pochemu-v-seti-nabiraiut-populiarnost-agitacionnye-roliki-o-specoperacii.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 21.04.2026).

13. Роскомнадзор ограничил доступ к «Эхо Москвы» и «Дождю» 01.03.2022. // Сетевое издание РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220301/dostup-1775939737.html> (дата обращения: 19.04.2025).

14. Фейк с «обстрелом российского самолета на Украине» оказался геймплеем из Arma. 2022. // Сетевое издание KANOBU [Электронный ресурс]. URL: <https://kanobu.ru/news/fejk-s-obstrelom-rossijskogo-samoleta-na-ukraine-okazalsya-gejملهem-iz-arma-3-448744/> (дата обращения 21.04.2026).

15. Технологии и медиа. 11.01.2024. // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/12/2024/6759b4709a79472b45d8949e (дата обращения 19.04.2026).

16. Исследовательский центр «Русское поле» Russian Field. [Электронный ресурс]. URL: <https://russianfield.com/svo20> (дата обращения: 20.04.2026).

Об авторе:

ВОРОБЬЕВ Артем Владимирович – аспирант 3 года обучения юридического факультета специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: avvorobev1@edu.tversu.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

**Последнее письмо:
исповедь о конституционном праве на постмортальное
цифровое коммуникативное присутствие
и (не) связанных с ним вещах
за гранью фундаментальной оппозиции войны и мира**

А. В. Воронин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика определения оснований установления юридической ответственности за совершение правонарушений с использованием постмортальных цифровых аватаров личности и совершенствования юридических механизмов освобождения от неё в условиях фундаментальной оппозиции войны и мира. На основе анализа материалов практики конституционной юстиции выявляется взаимосвязь между позитивной ответственностью государства и сущностью правонарушения в означенной сфере. В этой связи автором предлагается подход, основанный на конституционно-прикладных критериях совершенствования реагирования на неправомерные деструкции.

Ключевые слова: дипфейк, цифровой аватар, постмортальность, коммуникативное присутствие, война, мир, оппозиция, конституционное право.

*Когда умолкнут все песни,
Которых я не знаю,
В терпком воздухе крикнет
Последний мой бумажный пароход...*

В. Г. Бутусов

Для одних людей скоротечность жизни становится источником страха, для других – определяющим фактором при планировании своей дальнейшей деятельности, третьи и вовсе предпочитают «плыть по течению». Автор (далее также – А. В. Воронин) настоящей статьи желает отнести себя ко второй группе.

За десять лет участия автора в деятельности научно-исследовательского клуба по актуальным проблемам права «Бакалавру.NET» автором был проделан огромный путь: от студента-первокурсника до преподавателя, нескромно претендующего на статусное номинирование путём присвоения учёной степени кандидата юридических наук. И, пожалуй, логическим переходом к

«зрелому» формату научного творчества надлежит считать именно этот труд, являющийся завершающим в рамках письменной работы в клубе. Как следствие автор находит основания для стилистического синтеза в формате рассуждений публицистического толка, сопряжённых с воспоминаниями о наиболее ярких событиях минувших лет, и описания результатов своей актуальной научной активности за гранью фундаментальной оппозиции войны и мира. Одновременно сложно «удержаться» и не выступить в качестве «оппозиционера» по отношению к заявленной научным руководителем проблематике, однако об этом будет упомянуто позднее.

В 2016 году автор этих строк был зачислен на 1 курс юридического факультета Тверского государственного университета, где практически в первый месяц учёбы попал в поле зрения заведующего кафедрой теории права, доктора юридических наук, профессора (ограничимся перечислением именно этих регалий) В. И. Крусса. Однако внимание наставника привлёк вовсе не ученик, а его ноутбук, при помощи которого последний конспектировал лекцию. В. И. Крусс критически воспринял подобную практику, но карательных санкций к студенту не применил. Вместе с тем общее отношение В. И. Крусса к А. В. Воронину оставалось, как видится, равнодушным. В научный клуб этот студент, в отличие от своих однокурсников, в первом семестре приглашён не был.

И только после того, как А. В. Воронин во втором полугодии начал более активно заявлять о себе как о человеке, стремящемся к постижению сущности правовой материи на основе интереса к монографии В. И. Крусса «Конституционализация права: основы теории» [5, с. 6], наставник принял решение пригласить будущего коллегу в своё объединение, что, безусловно, польстило амбициозно-самонадеянному ученику.

Первый относительно серьёзный шаг при определении направления будущего исследования автор сделал, определив значение интеграции конституционного правопонимания в процесс изучения теории государства и права. Безусловно, действуя и на основе утилитарно-прагматического интереса в получении оценки «отлично», А. В. Воронин понял, каким образом, преодолевая ограничения иных подходов к пониманию права (прежде всего, юснатурализма, юридического позитивизма и либертарно-юридической концепции), можно не просто реструктурировать теорию, но и выстроить её таким образом, что профессиональная

жизнь юриста современной формации станет «проще». Получив желаемую оценку, автор принял решение продолжить творить. Хотя логика студента была проста: поскольку В. И. Крусс являлся членом государственной экзаменационной комиссии, риск «оскорбления» учителя ввиду ухода из клуба показался необоснованным. Странно, что нынешние студенты вообще не боятся подобных санкций...

Ученик отнюдь не всегда ответственно подходил к делу, зачастую прибегая к импровизации. Так, за десять секунд, необходимых для выхода перед аудиторией первокурсников, автор-второкурсник придумал тему «Конституционализация электронной экономики» (заметим, ещё даже не цифровой). Свобода коммуникации, конституционное закрепление которой, по сути, выступает одним из столпов гражданского оборота, заинтересовала автора в контексте воплощения в жизнь конституционного принципа добросовестности при использовании мессенджеров спустя ещё один год. Хотя, если быть откровенным, необходимо отметить, что А. В. Воронина в большей степени «волновала» проблема формирования у студентов клипового мышления. Однако «дерзость» тогдашних первокурсников (которые, в отличие от своих предшественников, в гробовой тишине аудитории позволили себе «выкрикивать» с места) убедила В. И. Крусса в том, что А. В. Воронину следует «умерить аппетиты».

В то же время в данном контексте хочется выразить искреннюю признательность В. А. Вихровой (на тот момент бывшую модератором клуба) за её веру в автора и положительный отзыв о его внешнем виде как поводе направить его заявлять о себе перед толпой студентов в приоритетном порядке.

В дальнейшем на четвёртом курсе А. В. Воронин, стремящийся стать адвокатом, посвятил себя исследованию проблематики публично-частного партнёрства в сфере юридической практики. Тогда же автор познакомился со своими будущими друзьями Г. Д. Борисовым и П. А. Феоктистовым, общение с которыми в значительной степени предопределило содержание исследований автора.

Г. Д. Борисов был студентом-первокурсником, демонстрировавшим поразительную осведомлённость в вопросах правопонимания, богословия (как впоследствии выяснилось, на фоне многолетней служебной связи с Русской Православной Церковью) и философии. Одновременно «этот необычный парень» (как тогда его внутренне охарактеризовал автор) проявлял некоторое «бесстрашие» перед старшими (например, мог себе позволить отправить

А. В. Воронину смайлик вызывающего содержания). Пожалуй, это дерзновение и «зацепило» А. В. Воронина.

П. А. Феоктистов, учившийся на курс младше автора, производил впечатление «серьёзного парня». На первый взгляд, скрытный, тихий, недовольный. Фактически – глубокомысленный, юморной, надёжный. В тот момент будущий коллега уже имел практический опыт в сфере юриспруденции, много рефлексировал на тему творчества (примечательно, что А. В. Воронин, Г. Д. Борисов, П. А. Феоктистов были музыкантами «в завязке») и будущей самореализации.

Синтез доктринальных рассуждений Г. Д. Борисова, стремившегося определить онтологический статус права, и практического подхода П. А. Феоктистова явился основой проводимого А. В. Ворониным (под чутким научным руководством В. И. Крусса) исследования проблематики определения места и значения института адвокатуры в современной России в течение последующих трёх лет (то есть до окончания учёбы в магистратуре).

Но А. В. Воронин, будучи человеком творческим, увлёкся иной проблемой. Побывав на концерте группы «Кино» в 2021 году, автор увидел цифровой аватар В. Р. Цоя и задумался над вопросом о том, может ли юридически существовать творческая жизнь после смерти. Это рассуждение (и тоска по коллегам, друзьям, университету) стало причиной посещения научного клуба после получения диплома магистра и «переросло» в научную статью, тезисы которой были презентованы автором в рамках выступления на III Международном научном студенческом форуме, организация которого стала доброй традицией юридического факультета Тверского государственного университета.

Выступление автора вызвало оживлённую дискуссию. Особый интерес к описанной А. В. Ворониным проблеме проявил Г. Д. Борисов. Молодые авторы успели обсудить проблему в контексте конституционной антропологии. После чего жизнь Г. Д. Борисова трагическим образом оборвалась. Смерть друга стала одной из причин возвращения А. В. Воронина в науку. Использование термина «возвращение» связано с сомнениями автора, в тот период активно занимавшегося адвокатской деятельностью, относительно целесообразности проведения научных исследований на фоне отсутствия явной мотивации.

Успехи «коллег по цеху» из других образовательных организаций и нереальность поступления А. В. Воронина в аспирантуру Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации на бюджетной основе вызвали глубокое разочарование. Автор более не желал изучать то, что ему неинтересно, что уже изучено другими, а именно проблематику публично-частного партнёрства в сфере юридической практики (хотя, казалось бы, при наличии прямой связи с адвокатурой такая реакция едва ли могла быть признана закономерной). И тогда во время общения с В. И. Круссом на святках в 2024 году А. В. Воронин принял решение заняться исследованием проблематики, кажущейся при первом приближении «некромантической». Впрочем, справедливости ради следует указать на то, что интересующих автора проблем было значительно больше, свидетельством чему являлась масса публикаций по различным темам, в том числе в формате коллабораций (например, в альманахе 2022 года, шутивно названном «The gold collection» или «Best of the best»). Самое главное, в диссертационном исследовании, проблемные вопросы которого затрагиваются и в настоящей статье, отчётливо прослеживается линия, в которую в той или иной мере вошли все предыдущие научные разработки А. В. Воронина (включая авторские позиции о конституционном правопонимании, «электронной» экономике и др.).

Что было дальше? Два с половиной года (три с половиной, если считать с момента написания первой статьи в рамках заявленной тематики) работы. Десятки научных мероприятий различного уровня: от факультетских до международных. Дорожные приключения (чего только стоит поломка автомобиля А. В. Воронина на Ленинградском шоссе г. Москвы во время возвращения с мероприятия, проводимого в Московском государственном юридическом университете им. О. Е. Кутафина в 2025 году). Поездки в такие крупные научные центры, как Екатеринбург, Тюмень, Санкт-Петербург, Воронеж, Нижний Новгород, Смоленск. Масса деловых контактов с именитыми учёными и практиками. Трудоустройство в университет. Сдача кандидатских экзаменов. Всё это выступило мотивацией не останавливаться на достигнутом.

Применительно к теме настоящего исследования важно сделать следующие ремарки.

Автор с детства на ассоциативном уровне «не любил» военную тематику. Война, по мнению автора-ребёнка, всегда являлась чем-то деструктивным: смерть, голод, оружие. По большому счёту позиция А. В. Воронина не претерпела качественной трансформации. Вероятно, по этой причине у автора длительное время отсутствовало желание писать настоящую статью. Слово «оппозиция» имеет в

России негативные коннотации ввиду совершения некоторыми деятелями действий антиправового характера. И одно лишь употребление слова «мир» явилось бальзамом на душу А. В. Воронина. Пожалуй, такое смыслогенерирующее соотношение слов и их последующая интерпретация заставили автора «выйти за грань» тематики, оказаться снаружи всех измерений, найти тот самый остров в океане, который омывают тысячи рек, и сформулировать несколько тезисов. Их формулирование не является претензией на «высший научный пилотаж». Это, как упоминалось выше, лишь переход к чему-то большему и обещание себе более не писать статей для сборников студенческих научных работ (ведь рано или поздно нужно «взрослеть»).

Итак, война и мир – это то, чем живёт каждый человек. От локальных «стычек» иммунной системы одного человека в борьбе с болезнетворными бактериями, внутренних психологических драм и терзаний в духе Родиона Раскольникова до гибридных противостояний, имеющих целью обеспечение многоступенчатого господства одних субъектов над другими. В рамках проблематики посмертного коммуникативного присутствия в образе цифрового аватара личности интерес может вызвать такой пример.

Предположим, что в сети Интернет после совершения атаки на территорию России неустановленными лицами распространена новость о гибели высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, граничащего с территорией некоторого недружественного государства. Вскоре после этого в общем доступе появляется видеоролик следующего содержания. Должностное лицо сообщает о своём «чудесном спасении» и даёт сотрудникам экстренных служб, уполномоченным на основе конституционного разграничения предметов ведения между Россией и её субъектами (ст.ст. 2, 71, 72 Конституции Российской Федерации) обеспечивать законность, правопорядок, общественную безопасность, соблюдение режима пограничных зон [1], указания прекратить проведение работ по устранению последствий атаки.

Фактически же в такой ситуации будет иметь место распространение заведомо ложной информации при помощи технологии «дипфейк» в целях дестабилизации работы органов публичной власти и, возможно, нарушения суверенитета (к примеру, если такие действия совершены для ввода на российскую территорию вооружённых группировок из недружественных государств). России

уже известны подобные сюжеты. Деятельность Лжедмитрия I – тому подтверждение.

Актуальна ли проблема? Требуется ли правовое регулирование соответствующих общественных отношений? Однозначно. Для чего? Ведь таких практик не существует. Но это пока. Как видится, превенция должна быть своевременной. Риски, по мнению автора, необходимо пресекать на корню. Тем более в эпоху фундаментальной оппозиции войны и мира.

Неслучайно Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) была сформулирована правовая позиция, согласно которой непринятие своевременных мер к выявлению, предупреждению, предотвращению и (или) пресечению нарушений прав и свобод в тех случаях, когда в дальнейшем их восстановление оказывается невозможным, означало бы умаление чести и достоинства личности не только виновным в противоправном деянии, но и самим государством [2].

Может ли пресечение быть осуществлено в формате правового регулирования? На этот вопрос, с точки зрения автора, следует ответить утвердительно.

Изложенное в полной мере относится к проблеме определения наличия (или отсутствия) необходимости установления юридической ответственности за совершение подобных действий. Соответствующие меры и нормативно определяемые правила их применения, по мнению Конституционного Суда РФ, должны отвечать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, а также обеспечивать учёт причин и условий его совершения, гарантируя адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к ответу, причиняемому вреду [4].

А если подобные действия совершаются в так называемое «мирное время»? Что тогда? Согласно разрабатываемой автором концепции подобные действия подлежат юридической оценке с позиций публичной значимости. Не исключается возможность прекращения как публичного, так и частного юридического преследования в силу малозначительности, а равно по иным основаниям и при наличии условий, которые предусмотрены соответствующим нормативно-правовым актом текущего законодательства [3].

Настоящим хочется поблагодарить и, что простительно, выделить некоторых людей, напрямую причастных к деятельности клуба, за веру, поддержку и желание прийти на помощь. Среди них (в одному

лишь автору известном порядке): В. И. Крусс, Г. Д. Борисов, П. А. Феоктистов, В. А. Вихрова, А. И. Дронова, К. О. Быков, Н. Д. Дедоров, М. В. Клейменова, В. Д. Мисингевич.

Подводя итог вышеизложенному, следует считать, что фундаментальная оппозиция войны и мира является идеальным основанием для установления юридической ответственности за совершение любого рода действий, вступающих в решающее противоречие с целями конституционного правопользования.

На этом выполнение творческой миссии А. В. Воронина как автора статей в научном клубе «Бакалавру.NET» завершается.

И пусть каждый, кто когда-либо станет членом клуба, будет полон смелости и творческого «безумия» для воплощения в жизнь своих самых сокровенных созидательных планов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.06.2020 № 28-П // СПС «КонсультантПлюс».

5. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 240 с.

Об авторе:

ВОРОНИН Алексей Витальевич – ассистент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Voronin.AV@tversu.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Репатриация военнопленных и их обмен в условиях современных военных конфликтов и перспективы правового регулирования

И. И. Вяхирев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с репатриацией и обменом военнопленных в контексте современных вооруженных столкновений. Отмечается, что нынешние механизмы международного гуманитарного права, зафиксированные в Женевских конвенциях 1949 года, сталкиваются с серьезными вызовами в условиях гибридных конфликтов и вовлечения негосударственных сторон. Главная цель научной работы определить пробелы в правовом регулировании процесса репатриации военнопленных и предложить пути их преодоления, основываясь на анализе практики российско-украинского конфликта и переговорных процессов по обмену. Особое внимание уделяется влиянию дипломатии на ход переговоров, фактам дискриминации при обмене, а также практике повторного участия репатриированных в боевых действиях, что противоречит положениям ст. 117 Третьей Женевской конвенции. В качестве рекомендаций предлагается повысить роль нейтральных посредников и разработать дополнительные протоколы для оптимизации гуманитарных операций.

Ключевые слова: *репатриация, военнопленный, Женевские конвенции, обмен пленными, международное гуманитарное право, имплементация, современные конфликты.*

Проблема в масштабной репатриации и обмене военнопленных, теоретически урегулированная в рамках международного гуманитарного права (далее – МГП) после Второй мировой войны, вновь обрела остроту в XXI веке [4, с. 256-260]. Современные конфликты характеризуются асимметричным характером и гибридными стратегиями, они обнажают фундаментальные пробелы в имплементации международно-правовых норм. Особенно показательным примером является Российско-Украинский конфликт, где масштабы операций по обмену пленными приобрели беспрецедентный характер: по данным Минобороны РФ, с февраля 2022 по январь 2025 года состоялось 30 обменов военнопленными.

Сегодняшняя реальность в условиях военных конфликтов демонстрирует разрыв между теоретическими положениями и реальной правоприменительной практикой. Большинство исследований сосредоточено на общих аспектах статуса

военнопленных, тогда как механизмы репатриации в условиях продолжающихся боевых действий остаются недостаточно систематизированными, из-за чего далеко не всегда реализуются заложенные идеи. Целью работы является выявление ключевых пробелов в правовом регулировании и предложение путей их решения на основе анализа практики, сложившейся в период специальной военной операции.

Теоретико-правовые основы репатриации.

Центральный документ здесь – Третья Женевская конвенция 1949 года (далее – ЖК III). Её ст. 118 требует отпускать военнопленных без промедления, но с важной оговоркой: после окончания активных боевых действий [1]. В современных конфликтах именно этот момент становится камнем преткновения. Чёткой границы между войной и миром зачастую просто нет, активная фаза то затухает, то разгорается годами, и под этим предлогом сроки плена легко затягиваются [3, с. 98-100].

Есть и другое принципиальное ограничение – ст. 117. Она прямо запрещает возвращать репатриированных лиц на действительную военную службу [1]. Смысл нормы понятен: нельзя, чтобы обмен пленными превращался в конвейер по восполнению личного состава. Однако Женевские конвенции создавались под реалии прошлого века – с понятными линиями фронтов, формальными актами об объявлении войны и подписании мира. Гибридные конфликты с их размытыми фазами, отсутствием официального статуса войны и массовым участием негосударственных группировок в эти жёсткие рамки укладываются плохо [5, с. 150-155].

Современная практика обменов.

Опыт последних лет наглядно показывает, насколько сильно реальная политика влияет на применение гуманитарных норм. Вернёмся к самому яркому примеру обмена военнопленными в современных военных конфликтах, специальной военной операции. Начиная с 2022 года, ведётся постоянная переговорная работа с поддержкой Международного Комитета Красного Креста (далее также – МККК), и на данный момент произошло уже более 30 обменов за все время. Вспомнить только 23.05.2025, когда Россия и Украина провели первый этап обмена по формуле «1000 на 1000» [10], договорённость о котором была достигнута в Стамбуле 16.05.2025. 270 военнослужащих и 120 гражданских с каждой стороны вернулись в свои страны через территорию Белоруссии. Переговоры идут тяжело, и важнейшую роль посредников здесь

играют третьи страны – Турция, Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты. На их площадках стороны могут договориться хотя бы о гуманитарных коридорах и логистике передачи людей.

МККК продолжает выполнять свою мандатную работу: передачу посланий между семьями, попытки верификации списков военнопленных. Но на деле доступ МККК к местам содержания остаётся фрагментарным. Цифра в 45 000 звонков и 24 200 посланий за год сама по себе иллюстрирует масштаб проблемы [6] – семьи разыскивают людей именно потому, что у официального механизма розыска не хватает возможностей для своевременного информирования.

Одна из трудноразрешимых коллизий – отказ в предоставлении самого статуса военнопленного. Как справедливо замечали А. В. Басов и В. В. Коноплев, на практике захваченных людей нередко квалифицируют иначе: называют террористами, наёмниками и уголовными преступниками [7, с. 17]. Такая «переквалификация» моментально лишает их защиты, предусмотренной ЖК III. МГП здесь объективно не успевает за динамикой современных конфликтов, что приводит к неоднозначному толкованию права.

В этом контексте стоит согласиться с Л. Г. Биккузиной и И. Р. Аминовым: главная задача международных институтов здесь – создать условия, при которых права человека защищаются, даже если он оказался у противника [8, с. 103]. Но реализовать эту задачу исключительно нормами ЖК III, принятыми три четверти века назад, получается с огромным трудом [8, с. 104].

Институциональная роль МККК.

Мандат МККК по защите военнопленных закреплён в ЖК III: ст. 126, которая предоставляет работникам МККК право посещать все места содержания военнопленных [1]. Принципы нейтралитета и беспристрастности позволяют МККК поддерживать доверие у всех сторон конфликта, что необходимо для получения доступа к военнопленным. Центральное агентство по розыску (ЦАР), созданное в соответствии со ст. 123 ЖК III [1], собирает и систематизирует информацию о военнопленных. В Российской Федерации деятельность Российского Красного Креста (РКК) регулируется Федеральным законом от 15.12.2025 № 457-ФЗ «Об Общероссийской общественной организации „Российский Красный Крест“», который определяет его как единственное национальное общество Красного Креста на территории России [2].

Несмотря на уникальный мандат, МККК сталкивается с серьезными вызовами: ограниченным доступом к пленным (по данным миссии ОБСЕ, МККК не имеет свободного доступа к украинским военнопленным в России) [11], отрицанием статуса военнопленных, влиянием санкций на гуманитарные операции, как показательный пример 2024 года, где Россия столкнулась с проблемами при переводе добровольного взноса в бюджет Красного Креста из-за санкций США, введенных против Газпромбанка

Нарушения ст. 117 ЖК III.

Самой болезненной темой с точки зрения МГП является нарушение запрета на повторное участие репатриированных лиц в боевых действиях. Существуют расследования и официальная информация, что военнослужащие, прошедшие через плен и вернувшиеся в Россию и аналогично в Украину по процедуре обмена, вновь направляются на фронт. Такие действия не только противоречат ст. 117 ЖК III [1], но и подрывают доверие к институту репатриации, нивелируя логику самого этого процесса, как акта милосердия. Однако нужно понимать, что в системе действующего законодательства России ответа на данную проблему нет. Если военный по решению военно-врачебной экспертизы не будет признан негодным к военной службе, основания для увольнения отсутствуют. Также по Указу Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» все контракты с Минобороны РФ являются формально бессрочными до окончания частичной мобилизации, что является дополнительным фактором, по которому военнослужащего не могут отстранить от службы в армии [9].

Таким образом, данный анализ позволяет обозначить несколько ключевых проблем. Действующие механизмы ЖК III не вполне работоспособны в условиях затяжного гибридного противостояния без фиксированной даты прекращения огня [5, с. 142]. Нужны дополнительные протоколы, которые пропишут процедуры обмена именно для таких ситуаций. Без реального, а не декларативного обеспечения доступа МККК к местам содержания пленных вся система даёт сбой. И крайне важно создать международно-правовой механизм, который мог бы отслеживать исполнение запрета на повторное участие репатриированных лиц в боях. Оптимальный путь – двусторонние и многосторонние соглашения с серьезными гарантиями нейтральных посредников, только они способны вернуть

в процесс обмена военнопленными его прямое гуманитарное содержание.

Список источников

1. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Сборник международных договоров. Т. I (ч. 2): Универсальные договоры. Женева, 1994. Ст. 1–143.

2. Федеральный закон от 15.12.2025 № 457-ФЗ «Об Общероссийской общественной организации „Российский Красный Крест“» // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202512150019> (дата обращения: 20.04.2026).

3. Алешин В.В., Ястребова А. Ю. Международное гуманитарное право: учебник. М.: Проспект, 2023. 368 с.

4. Батырь В.А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов / В. А. Батырь. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юстицинформ, 2011. 688 с.

5. Батюшкин С. А. Международное гуманитарное право (бакалавриат): учебное пособие. М.: КноРус, 2026. 148 с.

6. Деятельность МККК в России и Беларуси, 2025 г. // Международный Комитет Красного Креста: офиц. сайт. - URL: <https://www.icrc.org/ru/article/deyatelnost-mkkek-v-rossii-i-belarusi-2025-g> (дата обращения: 10.04.2026).

7. Басов А.В., Коноплев В. В. Генезис научных взглядов в сфере обеспечения прав российских военнопленных // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10 (76). № 3. С. 11–18.

8. Биккузина Л.Г., Аминов И.Р. К вопросу о статусе военнопленных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2 (68). С. 101–104.

9. Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001> (дата обращения: 21.04.2026).

10. В России и Украине завершился обмен военнопленными по формуле «1000 на 1000» // Министерство обороны Российской Федерации. 25.05.2025. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12614738 (дата обращения: 21.04.2026).

11. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Отчет Независимой экспертной миссии по Московскому механизму: Нарушения международного гуманитарного права и прав человека в

контексте вооруженного конфликта вокруг Украины. 2025. С. 45–46. URL: https://cdn.osce.org/sites/default/files/f/documents/4/4/523808_0.pdf (дата обращения: 23.04.2026).

Об авторе:

ВЯХИРЕВ Иван Иванович – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Vahirevivan216@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Трансформация правового статуса личности в нарративе войны и мира

К. А. Гордеева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются актуальные проблемы трансформации правового статуса личности при переходе государственного нарратива с «мирного» на «военный» и обратно. Представляется анализ конкретных способов ограничения конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина в соответствующих условиях. Выявляется противоречие между публичными интересами (безопасность, стабильность) и частными правами личности. Особое внимание уделяется изменению правовых режимов (чрезвычайное положение, военное положение) и их влиянию на закрепленные на законодательном уровне права и свободы человека. Предлагается авторская классификация стадий трансформации правового статуса личности и анализируется проблема обратной трансформации после завершения конфликта.

Ключевые слова: правовой статус личности, ограничение прав и свобод, нарратив войны, баланс частных и публичных интересов, национальная безопасность, чрезвычайное положение, военное положение, стадии трансформации, обратная трансформация.

Как общеизвестно, ряд прав и свобод человека, сам правовой статус личности закрепляется конституцией – основным законом государства, обладающим высшей юридической силой. Однако, как показывает практика последних нескольких столетий, их легитимное ограничение позволяет государству ввиду соблюдения публичных интересов контролировать нестабильную ситуацию, трансформируя данный статус. Так, например, в ноябре 1992 года Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным было введено чрезвычайное положение на территориях Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики в связи с массовыми беспорядками, межнациональными конфликтами и вооруженным насилием, были установлены различные ограничения: запрет проведения митингов, массовых мероприятий, шествий и демонстраций [4].

Отходя от исторического аспекта, обратимся к Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и рассмотрим на примере конкретных положений данное явление. Статья 55, а конкретно п. 3, утверждает, что федеральный закон может ограничивать права и свободы человека и гражданина, но только в

той мере, которая необходима для защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Статья 56 устанавливает условия, в которых уместно ограничение прав человека, а также отдельно приводит ряд статей Конституции, предусматривающих права и свободы, которые не подлежат ограничению [1]. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (гл. 4) и Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (гл. 3) также подробно развивают данную тему уже для специфических условий [2, 3].

Как можно заметить, законодатель аргументирует необходимость наличия противоречивой по смыслу самой конституции нормы, приводя доводы о приоритете публичного интереса, следуя, очевидно, здравому смыслу. Стоит учесть, что подлинная преданность Конституции РФ выражается в соотнесенности не только с ее текстом, но и с ее духом, то есть даже в условиях военного нарратива ограничения не могут быть произвольными, ведь не должны разрушать представления о ценности достоинства личности [6, с. 69]. Отходя от нормативно-правовых предписаний, может сложиться, казалось бы, далеко не ложное впечатление, что в реальных условиях неизбежно несправедливо умаляются частные права личности, но так ли это однозначно? Справедливо отметить, что противопоставление публичного интереса частному в принципе необоснованно, так как единственным носителем любых интересов выступает конкретный человек: публичный и частный интересы находятся в системной взаимосвязи в сознании каждой личности. Кроме того, в ситуациях высокой общественной значимости (те же чрезвычайные и военные положения) публичный и частный интересы зачастую совпадают и представляют собой уже единое целое, то есть гражданин может быть сам заинтересован в ограничении собственных прав на определенный период времени для собственной же безопасности, не только общества и государства [7, с. 107]. В то же время не стоит исключать возможность рисков, ведь достижение полной нормативной формализации целей ограничения прав просто невозможно: слишком абстрактные категории, подобные «безопасности государства» и «обороне страны», значительно расширяют пределы усмотрения для государства, находящегося во властном положении по отношению к гражданам. Обобщая мысль, мы закономерно возвращаемся к огромному значению сверки государством собственных действий с

конституционным принципом уважения человеческой личности и ее достоинства.

Для постепенного и обоснованного понимания самого пути и сущности трансформации правового статуса личности в нарративе войны и мира предлагается разделить данный процесс на стадии и подробно рассмотреть каждую из них. Теоретической основой для составления этапов послужило учение Н. В. Витрука о видах правового статуса. Как отмечает ученый, общий правовой статус характерен для каждого гражданина без исключения – это, например, право на жизнь, свободу слова или труд, специальный только для конкретных узких групп лиц, объединенных какими-либо общими чертами и особенностями (военнослужащие, беженцы и т.д.), но индивидуальный уникален тем, что предполагает такие права, которые принадлежат конкретному человеку и используются им в настоящий момент, то есть еще не реализованное право не может входить в данный статус [5, с. 296]. Опираясь на вышеизложенные категории, мы можем привести следующие стадии трансформации правового статуса личности:

Мирная стадия – общий статус доминирует над индивидуальным. Это самый первый этап, на котором права распределены между всеми в равной степени и могут свободно реализовываться в законном порядке. Ограничения, соответственно, минимальны, исключительны и обоснованы.

Предвоенная стадия – общий статус начинает расходиться с индивидуальным. Формально режим еще не введен, но ограничения уже начинают появляться. Характерна усложненная реализация права и косвенные предупредительные меры (например, призывы не посещать конкретные страны). Возникают новые обязанности: получение повесток, прохождение медицинской комиссии, соответственно, увеличивается число особых статусов (например, лицо, подлежащее призыву).

Военная стадия – переход к специальному статусу. Официально вводится особый правовой режим – чрезвычайное или военное положение, а права, доступные в мирное время, уже не действуют. К статусу гражданина добавляются иные новые: мобилизованный, военнослужащий, беженец и т.д. Вместе с массовыми и системными ограничениями возникают и новые обязанности.

Поствоенная стадия – индивидуальный статус возвращается к общему. Последний, наиболее сложный и непредсказуемый этап, характеризуемый преимущественно исходом обстоятельств. В идеале

ограничения должны быть отменены, однако возможно введение нового законодательства или приобретение личностями новых статусов, например, статуса ветерана боевых действий. Наиболее вероятно, что полного возврата к общему статусу может и вовсе не произойти, так как подобные кризисные ситуации характеризуются огромным и зачастую необратимым влиянием на все сферы жизни общества. Можно наблюдать данную проблему на примере послевоенной Японии (1945-1951 гг.): акт о ее безоговорочной капитуляции юридически прекратил войну, однако полноценный мирный договор между ней и Россией так и не был заключен, а территориальные споры продолжаются [8, с. 15]. На первый взгляд может показаться, что данный факт относится исключительно к сфере международных отношений, однако он имеет закономерное влияние и на правовой статус личности: для японских граждан возникла правовая неопределенность, выражавшаяся в длительном сохранении оккупационного режима и ограничении суверенитета собственного государства, а также неизбежная утрата возможности реализации некоторых прав ввиду потери здоровья, жилья и т.д. Сама трансформация общества длится уже десятилетия из-за стремления пересмотреть итоги войны через изменение общественного сознания и милитаризацию, а это в свою очередь означает, что социум продолжает жить в нарративе войны, несмотря на нахождение в поствоенной стадии, что, конечно, звучит парадоксально, но является закономерным следствием исторических событий. Таким образом, мы можем заметить, что правовой статус личности неразрывно связан не только со статусом государства, но и с коллективным сознанием нации, а поствоенная стадия не гарантирует возвращение прав в полном объеме.

Подводя итоги, можно сделать ряд полноценных выводов. Во-первых, легитимное ограничение прав и свобод при нестабильной ситуации в государстве имеет обоснованность в виде следования публичному интересу. Во-вторых, в ситуации высокой общественной значимости частный и публичный интересы зачастую совпадают и представляют собой единство, потому умаление частных прав не представляет собой несправедливость. В-третьих, ввиду абстрактности выраженных в законе целей ограничений необходимо следование государством своим конституционным принципам. В-четвертых, трансформацию правового статуса личности в нарративе войны и мира можно закономерно разделить на мирную, предвоенную, военную и поствоенную стадии со своими

особенностями и отличительными чертами. В-пятых, поствоенная стадия не обязательно влечет возвращение индивидуального статуса к общему и зачастую является непредсказуемым этапом, характеризуемым необратимыми последствиями. Таким образом, трансформация правового статуса личности в нарративе войны и мира – это сложный и поэтапный процесс, затрагивающий как юридические нормы, так и фактические обстоятельства, имеющий неоднозначный исход и регламентируемый законодательством государства посредством временных ограничений прав и свобод и возникновения новых обязанностей.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» // СПС «Гарант».

3. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» // СПС «Гарант».

4. Указ Президента РФ от 02.11.1992 № 1327 «О введении чрезвычайного положения на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.

6. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 240 с.

7. Родионова О.М. Публичные и частные интересы в меняющемся гражданском праве России: единство в многообразии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5(105). С. 101-111.

8. Синюков В.Н., Соколова Н.А. Итоги Второй мировой войны на Дальнем Востоке: правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 12(181). С. 11–21.

Об авторе:

ГОРДЕЕВА Ксения Артемовна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: ksyu2807@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

**Миграционная политика России
в условиях специальной военной операции:
поиск баланса между открытостью и защищённостью**

А. Д. Егорова

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва

В статье рассматриваются вопросы миграционной политики Российской Федерации как ключевой внутриполитической проблемы в период СВО. По мнению автора, новый формат миграционной политики в текущих реалиях характеризует ряд кардинально новых факторов, включая возможность привлечения иностранцев на военную службу, что требует оценки с позиций конституционной целесообразности. С учетом ряда дополнительных обстоятельств, в статье намечается стратегия баланса таких качеств российской миграционной политики как селективность, комплексность и гибкость.

Ключевые слова: СВО, миграционная политика, нелегитимные санкции управляемая открытость, конституционный баланс

Миграционная политика России в условиях Специальной Военной Операции (далее – СВО) является одной из наиболее острых и стратегически значимых тем для будущего России. Если ранее миграция воспринималась преимущественно как экономический инструмент, то сегодня, в эпоху геополитической нестабильности и системных вызовов, она привела к обострению вопроса национальной безопасности.

Последние годы стали переломными для России. СВО, беспрецедентные санкционные ограничения и ускоряющийся демографический спад поставили миграционную повестку в центр государственной стратегии. С одной стороны, стране критически необходимы трудовые ресурсы: сокращение численности трудоспособного населения и отток части квалифицированных кадров обострили дефицит в ключевых отраслях – от строительства до IT-сферы. С другой стороны, новые реалии требуют жесткого контроля над миграционными потоками, чтобы минимизировать риски радикализации, социальной конфронтации.

В этих условиях миграционная политика перестала быть рутинным административным вопросом и приобрела статус ключевой политической проблемы. Это инструмент формирования «иммунитета» государства к внешним шокам и одновременно рычаг

для поддержания экономического роста. Как отмечено в Указе Президента РФ от 15.10.2025 № 738, наша цель – не просто регулировать потоки, но создавать условия для селективной миграции: привлекать тех, кто разделяет традиционные ценности России, готов интегрироваться в общество и вносить вклад в развитие страны [2]. Однако СВО добавила этому процессу новый, во многом беспрецедентный вектор. Эвакуация граждан из зон конфликта, вопросы предоставления гражданства, адаптация вынужденных переселенцев – всё это неизбежно реформирует не только законодательство, но и саму философию миграционной политики.

Сегодня России крайне важно найти баланс между необходимостью закрыть дефицит рабочих рук и обеспечить безопасность страны. В этой связи потребуется понять, как военные реалии влияют на критерии отбора мигрантов, ужесточают требования к лояльности и интеграции. И главное – как государство превращает вызовы в возможности, сохраняя при этом суверенитет и стабильность. Эта тема требует взвешенного экспертного анализа, учитывая, что каждое принимаемое решение влияет на судьбы миллионов людей – как коренных граждан, так и тех, кто выбирает Россию своим новым домом. Предметным образом обозначим следующие аспекты:

А) Военный аспект:

СВО создала новый формат миграции – привлечение иностранцев на военную службу. Для них действуют особые условия: упрощённое получение ВНЖ на время контракта и ускоренное гражданство после службы [1]. Это не только решает кадровые вопросы армии, но и становится инструментом интеграции. Так государство превращает стратегическую необходимость в долгосрочный социальный ресурс: те, кто защищал страну, становятся её полноценными гражданами.

Б) Экономический вызов:

Отток трудоспособного населения и перераспределение кадров в ВПК обострили нехватку рабочих рук в строительстве, сельском хозяйстве и сфере услуг. Как на это реагирует власть? Во-первых, происходит квотирование по отраслям, чтобы не допустить перекосов: ежегодно Правительство РФ утверждает общее постановление о квотах, в котором фиксируются лимиты по федеральным округам, отраслям и категориям профессий [4]; во-вторых, установлен контроль за легализацией труда: штрафы для работодателей, уголовная ответственность за подделку документов.

Цель названных мер ясна: минимизировать риски нелегальной миграции, но не оставить экономику без необходимых кадров.

В) Правовые новации:

Безопасность – абсолютный приоритет в современных условиях, поэтому предпринимается ряд мер, направленных на её обеспечение: вводится биометрическая идентификация мигрантов (цифровые профили с фото, голосом, данными о перемещениях); проходят совместные рейды МВД и ФСБ, осуществляется мониторинг соцсетей, система предварительной регистрации RuID [5] – всё это работает на предотвращение угроз (к 2026 году заработал единый реестр «Цифровой профиль иностранца») [3].

Г) Социальная интеграция:

СВО обнажила необходимость защиты культурной идентичности. Поэтому акцент делается на обязательное знание русского языка, истории и законов для получения статуса, а также на профилактику этнических анклавов через программы культурного диалога [2].

Таким образом, миграционная политика России в новых реалиях – это управляемая открытость. Целеполагание этой политики выражает стратегический тройной баланс: селективность (лояльность к тем, кто вносит вклад в оборону и экономику, и жёсткие барьеры для рисков), комплексность (законы + технологии + социальные программы), гибкость (готовность оперативно корректировать меры под геополитическую и демографическую ситуацию).

Чтобы достичь такого тройного баланса, нужно предпринять конкретные шаги, учитывая новые реалии, созданные СВО. Во-первых, усилить цифровой контроль. Внедрение единой цифровой платформы с биометрическими данными, интегрированной с системами ФМС, МВД и соцстрахования, позволит отслеживать перемещения мигрантов в реальном времени, минимизируя риски нелегального пребывания. Это особенно критично в условиях СВО: такие технологии помогут оперативно выявлять лиц, связанных с диверсионными сетями или террористическими организациями, и одновременно обеспечат защиту беженцев из зон конфликта. Во-вторых, следует развивать региональные центры адаптации с фокусом на военные реалии. СВО обнажила дисбаланс в распределении ресурсов: регионы-доноры трудовых мигрантов не всегда готовы принимать беженцев, тогда как приграничные территории несут основную нагрузку. При таких обстоятельствах можно создать федеральный фонд компенсаций для субъектов, принимающих

переселенцев, и запустить программы переквалификации для тех, кто потерял работу.

Заключая, необходимо подчеркнуть: Россия остаётся страной возможностей для тех, кто готов работать на её развитие. Но при этом чётко обозначает: конституционная безопасность и стабильность – это те красные линии, за которые мы не позволим переступить никому.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 05.11.2025 № 821 «О временном порядке приема в гражданство Российской Федерации и выдачи вида на жительство в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 45. Ст. 6735.

2. Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы» // СЗ РФ. 2025. № 42. Ст. 6143.

3. Указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» // СЗ РФ. 2025. № 28. Ст. 3955.

4. Постановление Правительства РФ от 05.12.2025 № 1995 «Об установлении на 2026 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности» // СЗ РФ. 2025. № 50. Ст. 7856.

5. В РФ стартует новый этап эксперимента по въезду мигрантов со сдачей биометрии // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24386791> (дата обращения: 10.11.2025).

Об авторе:

ЕГОРОВА Анна Денисовна – студентка 1 курса магистратуры направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», e-mail: egorovaanna086@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

СМЕРШ: тоталитарный орган или мера необходимости

А. Д. Земляков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается работа и правовой статус органов СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны. Автор сопоставляет две противоположные оценки, а именно являлся данный орган тоталитарным или это была мера необходимости. На основе анализа статей и монографий, а также других источников было доказано, что создание СМЕРШ было необходимым шагом, ответом на сложившуюся обстановку в стране в данный период времени.

Ключевые слова: СМЕРШ, тоталитарный орган, мера необходимости, военная контрразведка.

Создание в апреле 1943 года Главного управления контрразведки СМЕРШ Народного комиссариата обороны СССР традиционно объясняется исключительно военной необходимостью – острой потребностью в эффективной борьбе с немецкой агентурой и предательством в условиях Великой Отечественной войны. Однако юридический анализ правового статуса, полномочий и реальной практики деятельности этого органа заставляет серьёзно усомниться в подобной интерпретации. СМЕРШ не просто стал очередной структурой военной контрразведки – он был сознательно выведен за рамки существовавшего даже в военное время правового поля и превращён в инструмент внеправового политического террора, полностью подчинённый личной воле И. В. Сталина.

Созданное постановлением ГКО № 3222 от 19.04.1943 Главное управление контрразведки СМЕРШ Народного комиссариата обороны СССР (а также одноимённые управления в НКВМФ и НКГБ) представляет собой один из самых ярких и одновременно самых мрачных примеров институционализации политического террора в условиях военного времени. Несмотря на распространённое в популярной литературе и публицистике мнение о СМЕРШ как о «необходимом зле» военного периода, юридический и историко-правовой анализ позволяют однозначно квалифицировать его как классический репрессивный орган тоталитарного государства. Ведь СМЕРШ с момента создания был сознательно выведен из системы обычного правового регулирования.

Ключевой особенностью стало прямое подчинение лично И. В. Сталину как Верховному Главнокомандующему, минуя даже Государственный комитет обороны. Начальник ГУКР СМЕРШ НКО В. С. Абакумов имел право личного доклада И. В. Сталину в любое время суток и получал указания непосредственно от него [15, с. 505]. Ни один гражданский или партийный орган не мог контролировать деятельность СМЕРШ. Даже Военная коллегия Верховного Суда СССР фактически превратилась в придаток контрразведки: её выездные сессии проводились по спискам, заранее утверждённым В. С. Абакумовым [7, с. 33].

Единственным нормативным актом, определявшим статус и полномочия СМЕРШ, являлось Положение о Главном управлении контрразведки СМЕРШ НКО СССР и его органах на местах, утверждённое лично И. В. Сталиным 21.04.1943 и остававшееся совершенно секретным до начала 1990-х годов [1].

В этом документе отсутствовали: процессуальные гарантии подозреваемых и обвиняемых; сроки содержания под стражей; право на защиту; возможность обжалования решений.

Арест военнослужащего мог быть произведён без санкции прокурора, а приговоры выносились так называемыми «тройками» СМЕРШ или Особым совещанием при НКВД/НКГБ без участия защиты и без права на кассационное обжалование [16, с. 328].

Официальной задачей была борьба со шпионажем и предательством в армии, что очень быстро превратилось в инструмент массового террора:

- За период 1941–1946 гг. органами военной контрразведки (включая СМЕРШ с 1943 года) было арестовано 722 483 военнослужащих РККА;

- Из них расстреляно около 70 тысяч, отправлено в штрафные части – более 400 тысяч, осуждено к различным срокам – остальные [18, с. 322].

Особо показательна статистика по «возвращенцам»: из 1,8 млн. военнослужащих, прошедших фильтрацию СМЕРШ в 1944–1946 гг., 11 % были арестованы, из них 43 % — по политическим статьям [8, с. 205].

Методы работы СМЕРШ ничем не отличались от практик НКВД 1937–1938 гг.: «конвейер» (многонедельные допросы без сна); избиения резиновыми дубинками; постановка на «стойку» на 10–15 суток; угрозы расправы с семьями.

Эти методы официально санкционировались приказами В. С. Абакумова и были зафиксированы в многочисленных жалобах, поступивших в 1953–1955 гг. в комиссию по реабилитации [9]. После войны СМЕРШ стал главным исполнителем «дела авиаторов» (1946 год), «ленинградского дела» (1949–1950 гг.) и «дела врачей» (1953 год). А в 1946 году по личному указанию И. В. Сталина В. С. Абакумов организовал арест и осуждение маршала авиации А. А. Новикова, главнокомандующего ВВС, и целого ряда генералов авиации. Все обвинения были полностью сфабрикованы [10, с. 136].

Также можно выделить тоталитарные черты в организационной структуре:

- Три параллельных управления СМЕРШ (НКО, НКВМФ, НКГБ) создавались для взаимного контроля и доносительства даже внутри органов безопасности;

- Политотделы СМЕРШ в частях имели право арестовывать командиров вплоть до командира дивизии без согласования с вышестоящим командованием [2];

- Система «стукачества» поощрялась официально: секретные сотрудники вербовались из числа военнослужащих под угрозой расстрела.

Помимо вышеуказанного, в период с 1944 по 1945 гг. органы СМЕРШ проводили массовые аресты и расстрелы на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии. Только в Восточной Пруссии в январе–марте 1945 года было арестовано более 30 тысяч гражданских лиц, из них около 7 тысяч расстреляно без суда [6, с. 49]. Эти действия прямо нарушали ст. 43 Гаагской конвенции 1907 года и ст. 3 Женевской конвенции 1929 года.

Таким образом, СМЕРШ по своей правовой природе, методам работы, масштабам репрессий и степени подконтрольности исключительно одному лицу – И. В. Сталину – являлся не военной контрразведкой в обычном понимании, а классическим тоталитарным репрессивным органом. Он полностью соответствовал всем признакам тоталитарной политической полиции, описанным Ханной Арендт: отсутствие правовых ограничений, идеологическая монополия, террор как системный метод управления, уничтожение границ между государством и обществом [4, с. 144].

Создание СМЕРШ стало логическим продолжением сталинской системы, в которой даже в условиях смертельной войны с внешним врагом приоритет отдавался сохранению абсолютной личной власти путём террора, в том числе и внутри собственных вооружённых сил.

Не стоит забывать, что у «смершевцев» были свои «перегибы» в работе. Но в условиях того, что государство воюет, а по территории страны перемещаются бандформирования, диверсанты и коллаборационисты, это вынужденный шаг. По воспоминаниям ветеранов СМЕРШ, с первых дней войны советская контрразведка столкнулась с немецкими спецслужбами, имевшими за плечами опыт французской, польской и югославской кампаний. Им активно помогали разведки Румынии, Финляндии и Венгрии. У Третьего рейха было множество подготовленных агентурных кадров с богатым оперативным опытом.

Главное управление имперской безопасности (РСХА) после начала войны приступило к операции «Zerrepelin» по политическому и диверсионному разложению советского тыла. Важную роль в этом играла военная разведка Третьего рейха – абвер во главе с адмиралом Вильгельмом Канарисом. В подчинении у него находилось воинское спецформирование «Бранденбург 800». Входящие в него диверсанты проводили самые разные операции. К примеру, 22.06.1941 они, одевшись в форму немецких таможенников, расстреляли советский пограничный наряд и помогли 123-й пехотной дивизии вермахта осуществить прорыв границы СССР [17, с. 101].

По мнению Владимира Марковчина, старшего научного сотрудника НИИ Военной академии Генштаба ВС РФ, почти 200 созданных абвером школ неустанно обучали новых диверсантов. Но этим не ограничивались: на оккупированной территории подходящий «человеческий материал» вербовался в тюрьмах, а захваченные в плен советские подпольщики, партизаны и диверсанты перевербовывались для работы на вермахт [12, с. 59].

Также из рассказов защитников Брестской крепости хорошо известно, что в первые часы войны большую сумятицу вносили немецкие диверсанты в форме офицеров Красной армии. Они отдавали нелепые приказы, убеждали взводы перемещаться туда, где их ожидали пулеметы врага, и сами стреляли в спины красноармейцев, пытавшихся вести оборону. Из этих воспоминаний можно сделать вывод о том, что противник обладал большим потенциалом в численности и подготовке кадров [17, с. 96].

Несмотря на то, что мосты, тоннели, станции и депо были взяты на особый контроль, вопреки этому десант «Бранденбург 800» высадился на парашютах у моста через р. Вычегду с целью его захвата, уничтожив всю охрану. Это говорит о подготовленности врага [11, с. 328].

По словам президента Международной контртеррористической тренинговой ассоциации (МКТА), автора книг об истории спецслужб Иосифа Линдера, свыше трёх тысяч агентов было заброшено за линию фронта, к немцам. ГУКР СМЕРШ НКО провело немало радиоигр. Благодаря им выманено на советскую территорию и захвачено в плен свыше 400 кадровых сотрудников и агентов гитлеровских спецслужб [5, с. 7].

Только за первые 10 месяцев с начала создания СМЕРШ в германские разведывательные органы и школы были внедрены 75 агентов, из них 38, то есть половина, возвратились, успешно выполнив свои задачи. Они представили сведения на 359 сотрудников германской военной разведки и на 978 шпионов и диверсантов, подготавливаемых для переброски в советский тыл. В итоге 176 разведчиков противника были арестованы, 85 явились с повинной, а пятеро завербованных сотрудников германской разведки оставались работать в своих подразделениях по заданию советской контрразведки. Под влиянием внедренных агентов ряды власовской «Русской освободительной армии» покинули 1 202 человека. Всего же за годы войны «смершевцами» было обезврежено около 3,5 тысяч диверсантов и свыше 6 тысяч террористов [14, с. 238].

За годы Великой Отечественной войны диверсантами должны были осуществиться планы, такие как: пускание под откос поездов, подрыв экономики путём перемещения через линию фронта фальшивых советских рублей, уничтожение мостов, гражданских объектов и деятельность, имеющая под собой этнический характер, поднимающая протесты и мятежи на территории союзных республик. По данным докладных записок СМЕРШ на территории средней Азии были перехвачены агенты, целью которых было создание антисоветских выступлений на территории южных союзных республик [3, с. 295].

Также одним из примеров работы контрразведки может послужить взятие группы немецких агентов в девяти километрах от г. Ржева. Как позже выяснилось из допросов, диверсанты должны были взорвать железнодорожный мост, ведущий в город и соединяющий станцию с важным транспортным узлом, способствующим продвижению составов и перемещению грузов для Калининского фронта [3, с. 39].

Следует сказать о том, какой урон нанесли бандформирования, пособничающие фашистскому режиму, на территории СССР. По

данным книги памяти Республики Литва, от рук так называемых «лесных братьев» погибло более 25 тысяч человек, среди которых более 1 тысячи дети до 16 лет [19, с. 207].

В заключение, исходя из вышеперечисленного, следует сделать вывод о том, что создание государством такого органа, как СМЕРШ было необходимым, но вынужденным шагом. Советские военные контрразведчики обезвредили более 30 тысяч установленных шпионов, свыше 6 тысяч террористов и 3,5 тысячи диверсантов. Это позволило привлечь к уголовной ответственности 80 тысяч военных преступников. СМЕРШ добыл более 5 тысяч разведывательных информационно-оперативных документов и сообщений, проверил около 2 миллионов военнопленных, 5 290 183 освобождённых из плена советских военнослужащих и граждан, угнанных на принудительные работы в Германию. Подавляющему большинству профильтрованных было возвращено честное имя. В действующую армию и запасные части было направлено более 1 230 000 человек. СМЕРШ предоставил в ГКО более 700 спецсообщений, многие из которых легли в основу важных решений по вопросам укрепления Советской Армии [9, с. 54]. Таким образом, эта мера являла собой по своей сути адекватное реагирование власти на то, что происходит в границах государства. В. М. Молотов в особой ноте писал о том, что фашисты и их пособники не должны избежать наказания [13, с. 23]. А СМЕРШ как раз являл собой ту меру необходимости, тот орган, который как нельзя лучше справлялся со своими обязанностями по отлову и уничтожению врага.

Список источников

1. Положение о ГУКР СМЕРШ НКО СССР от 21.04.1943 // СПС «Гарант».

2. Приказ НКО № 0042 от 12.02.1944 «Об усилении агентурно-осведомительной работы в войсках» // СПС «Гарант».

3. Абакумов – Сталину: «Особая папка» ГУКР «Смерш» НКО СССР. Сборник документов: научное издание / Сост. Кузьева С. А., Хохлов Д. Ю. М.: Благотворительный фонд содействия защите гражданских, экономических, социальных и культурных прав военнослужащих и гражданских лиц «Безопасность и законность», Управление регистрации и архивных фондов ФСБ России. 2025. 800 с.

4. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

5. Белозёров Б.П. Институт спецслужб Германии: цели и задачи подрывной деятельности на Северо-Западе СССР (1939-1941 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2018. № 1. С.1-10.

6. Вершинин К.В. СМЕРШ в Восточной Пруссии: документы и свидетельства // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 44-56.
7. Дело авиаторов 1946 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 112. 40 с.
8. Дугин А.Н. Тайны архивов: вырванные страницы. М.: Наука, 1999. 352 с.
9. Земсков В.Н. Возвращение советских военнопленных и репрессированных граждан. М., 1997. 89 с.
10. Золотарёв В.А. Военная контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2018. С.284
11. Ковалёв С. А. Арктические тени Третьего рейха // Вече. 2010. № 1. С. 327–330.
12. Марковчин В.В. Абвер, его агенты и математика предательства // Русская политология – историческая истина. 2024. № 3. С. 57–60.
13. Молотов В.М. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В.М. Молотова // Издание Отдела пропаганды и агитации Вологодского Обкома ВКП(б). 1942. № 1. С.1–31.
14. Пекалкевич Я. Диверсанты Второй мировой / Януш Пекалкевич; [пер. с нем. Ю. Чупрова]. М.: Эксмо, Яуза, 2006. 347 с.
15. Пыхалов И.В. Как мифы создаются: правда и вымыслы о СМЕРШ. М.: Яуза-Пресс, 2018. 576 с.
16. Реабилитация: как это было. Документы. Т. 2. М.: МФД, 2003. 717 с.
17. Соболев М.П. О лучшей контрразведывательной службе Второй Мировой Войны (к 75-летию со дня создания СМЕРШ) // На пути к гражданскому обществу. 2018. № 2. С.94–104.
18. Справка комиссии по реабилитации при Президенте РФ от 11.03.1996 № 1-4/96 // Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д.С. 456.
19. Штейнбах В.Л. Книга памяти Литва // Научно-методическое издание. 2019. № 322. 464 с.

Об авторе:

ЗЕМЛЯКОВ Алексей Дмитриевич – студент 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: zemlyakov06@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Конституционная свобода преподавания в состоянии войны: теория и практика. Ограничение и конкретизация

М. А. Зыков, О. А. Калюжный

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

В статье рассматривается вопрос сохранения академических свобод в условиях военного времени. На основе анализа правоприменительной практики было доказано, что конституционная свобода преподавания ограничивается, поскольку в военное время государство трактует свои истинно верные ценности, фактически заставляя преподавателей выступать в качестве ретранслятора данных идей. Авторы приходят к мнению, что попытки ограничения и введение воспитания патриотизма впоследствии могут нанести колоссальный вред интеллектуальному развитию целого поколения.

Ключевые слова: академические свободы, свобода преподавания, Конституция РФ, традиционные ценности.

Свобода преподавания, закрепленная в ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1], во многом предполагает наличие академических свобод на территории всего государства. Но возникает резонный вопрос: насколько современная система академических свобод способна противодействовать нестабильной геополитической обстановке в мире, и с чем она столкнется в ситуации наступления состояния войны. С одной стороны, следует рассматривать академические свободы как один из основных демократических принципов, на котором держится вся идея демократизма. Ведь формирование мировоззрения молодого человека во многом зависит от авторитетного мнения преподавателя. С другой стороны, со вступлением человечества в эпоху кризиса мировой системы академические свободы утрачивают свою первоначальную роль. Им на смену приходят государственные стандарты, одной из основных целей принятия которых является удержание молодежи в призме воспитания патриотизма к своей родине, а также сокращения протестных настроений среди народных масс, так как стабильность общественного строя внутри страны во многом может повлиять на исход военных действий в целом, как это не раз показывала история. В данной статье будут рассмотрены вопросы, связанные с базовой теорией свободы преподавания, которой будет противопоставлена практическая составляющая, с учетом современных тенденций России на милитаризацию правовой системы. Также будет

рассмотрена проблема ограничения конституционной свободы преподавания и ее конкретизация с учетом современных тенденций России.

В 1993 году, после принятия Конституции РФ [1], в основном законе государства были закреплены принципы свободы преподавания и академических свобод, статус которых ранее, в Конституции СССР 1977 года, не был определен. Одним из немногих нормативных актов является Постановление Совета Министров СССР от 22 января 1969 года № 64 «Положение о высших учебных заведениях СССР», где в ч. 3 закрепляется, что главной задачей высших учебных заведений является воспитание в духе марксистско-ленинской теории и коммунистической сознательности, что показывает одностороннее развитие советского образования [3]. Именно в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ указывается, что помимо свободы всех видов творчества каждому также гарантируется и свобода преподавания, а интеллектуальная собственность охраняется законом [1]. Данное положение устанавливает фундаментальный принцип, впоследствии от которого уже отталкиваются другие нормативно-правовые акты.

В отличие от принципа свободы преподавания, который прямо закреплен в законодательстве, принцип академических свобод не имеет столь же четкого нормативного определения. Естественно, на данном этапе может возникнуть вопрос: что именно формулируется под принципом академических свобод? Ответ можно найти в рекомендациях ЮНЕСКО, в которых прописано такое определение: «Академические свободы представляют собой свободу преподавателей учить и учиться, свободно критиковать своё учреждение или высказываться по вопросам, подпадающим под их профессиональный интерес» [6].

Поскольку законодатель совмещает свободу творчества и свободу преподавания в одной статье, преподавание правомерно рассматривать как творческий акт. Следует упомянуть русского мыслителя и философа начала XX в. Николая Бердяева. В своей работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» он писал: «Познание есть творческий акт, и нельзя ждать познания творческой активности от познания как пассивного приспособления» [4, с. 119]. Данная цитата напрямую подтверждает творческую природу познания, что является непосредственным результатом преподавания.

Рассматривая теорию, невозможно не упомянуть самый основной правовой акт, регулирующий сферу преподавания. Им является

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) [2]. В данном законодательном акте определены предмет регулирования, основные принципы политики и правового регулирования, права и обязанности всех сторон, описана сама структура образования, формы и направления международного сотрудничества и многое другое.

Переходя к практике, следует учитывать, что в состоянии войны академические свободы во многом ограничиваются, так как основной целью в данный период является сохранение социальной стабильности внутри государства. На данный момент Россия, долгое время находящаяся в состоянии боевых действий, во многом выработала практику по преподаванию в данном контексте. Согласно данным индекса АFI за прошедшие 10 лет, уровень академических свобод РФ снизился, что во многом связано с принятием новых законов и подзаконных актов [7]. Но следует отметить, что во многом ограничение свобод в России связано с проблематикой проведения СВО, а также с государственной политикой по укреплению патриотических настроений внутри страны.

Во многом положения, закрепляющие академические свободы на территории России, отражены в ч. 3 ст. 47 Закона об образовании [2]. Нормативное закрепление получил фундаментальный для академических свобод принцип невмешательства государства в профессиональную деятельность преподавателя, свободного выражения своего мнения при подаче материала. Данный принцип на территории Российской Федерации в связи с проведением СВО, к сожалению, постепенно утрачивает свое истинное значение. Многие либеральные мысли преподавателей высшей школы могут трактоваться как «политическая агитация в образовательных учреждениях», на которую в России установлен прямой запрет п. 3 ст. 48 Закона об образовании [2]. К тому же относительно новые положения в ст. 48 требуют от преподавателя осуществлять свою деятельность на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, данное положение подкрепляется п. 1.1 данной статьи, где в обязанности педагогического работника входит формирование в процессе педагогической деятельности у обучающегося чувство патриотизма. Представленные положения создают определенную юридическую коллизию. С одной стороны, у нас остается принцип свободного выражения своего мнения преподавателем при подаче материала, но одновременно с этим преподавателя обязывают навязывать одну единую позицию о

«традиционных ценностях России», круг которых крайне консервативен и по смыслу не отражает динамику изменения морали, нравственности современного общества. Подобного мнения придерживался русский мыслитель Н. А. Бердяев. В своем сборнике «Свобода России» он писал, что традиционное мышление русского человека рассматривается как «статическая мысль», которая со временем костенеет и умирает [5, с. 87]. Важно, что данная мысль была написана после Первой Мировой войны, где Россия потерпела поражение, подписав сепаратный мирный договор. По Мнению Николая Бердяева, поражение связано как раз с недостаточной идейной подготовленностью русского народа: «Мы расплачиваемся за долгий период равнодушия к идеям. Идеи, на которых покоилась старая власть, окончательно разложились» [5, с. 89].

Следующим наиболее важным принципом является предоставление права на участие в управлении образовательной организацией. В реализации этого принципа в современном состоянии также существуют проблемы, связанные с ограничением. Последние события показывают, что все чаще ученый совет как коллегиальный орган становится подчиненным учредителю. Его возможности согласно ч. 5 ст. 26 Закона об образовании ограничиваются уставом образовательного учреждения, которые совет изменить не в полномочиях [2].

Также существует проблемное право, которое во многом вытекает из прошлого принципа – право на участие в обсуждении вопросов, относящихся к деятельности образовательной организации, в том числе через органы управления и общественные организации. Проблемность данного права заключается все также в административных рамках. Как было сказано ранее, устав учебного заведения ограничивает права ученого совета, что во многом не дает возможности ученым высказывать свое мнение о деятельности образовательной организации.

В Законе об образовании [2], а именно в п. 21 ст. 2, указано, что педагогический работник выполняет наравне с обязанностью по обучению, обязанность по воспитанию. Из смысла ст. 47 все того же закона следует, что преподаватель в университете является педагогическим работником, который, следовательно, должен выполнять свою обязанность по воспитанию. Возникают вопросы о целесообразности воспитания студентов высших учебных заведений: «Кто будет воспитывать студентов?», «Как будет происходить процесс воспитания студентов?», «Что понимается под воспитанием в ВЗУе?»

и т.д. В условиях нахождения России в состоянии войны воспитание студентов играет важнейшую роль для будущего нашей страны. Современная система высшего образования до сих пор не нашла доступных механизмов воспитания студентов, выполняя только функцию образовательную. Определенно, попытки введения таких предметов, как «Основы российской государственности», «Основы военной подготовки» и «Истории России», нацелены именно на воспитание студентов в духе «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и показывает заинтересованность государства в попытке внедрения механизмов воспитания в университеты, но, на наш взгляд, данные попытки не выполняют основную задачу.

Подводя итоги, можно уверенно заявить, что сама концепция конституционной свободы преподавания в состоянии войны вызывает определенную коллизию. В то время как Конституция РФ стремится установить и поддерживать принцип свободы преподавания, война диктует и трактует свои правила продвижения определенных ценностей и запрета продвижения любых либеральных идей, в какой-то степени это можно рассматривать как дискриминацию конституционных свобод граждан, что в современном мире вызывает резонанс в обществе. По своей сути преподаватель теряет свою основную функцию – познавать науку и делиться знаниями с людьми, превращаясь в обычный ретранслятор «истинных знаний» диктаторской власти. Рассматривая вопрос о необходимости воспитания студентов в ВУЗе, нельзя прийти к однозначному ответу. С одной стороны, воспитание нужно, особенно в состоянии войны, поскольку государство сможет сформировать патриотические идеалы у студента, что позволит привлечь необходимые и нужные кадры в вооруженные силы, а преподаватель будет являться основным агентом социализации, который направлен на продвижение данных идей. С другой стороны, воспитание не требуется, поскольку основной задачей ВУЗов является удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии. В современных реалиях, к сожалению, государство всегда выбирает «воспитание» и трактует его как конкретизацию свободы. По нашему субъективному мнению, данное «воспитание» лишь имитация образования, впоследствии за которую придется расплачиваться интеллектуальной деградацией целого поколения людей, проживающих в состоянии войны.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. 08.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Совета Министров СССР от 22.01.1969 № 64 «Положение о высших учебных заведениях СССР» (ред. от 29.12.1989) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Юрайт, 2025. 256 с.

5. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Философское общество СССР, 1990. 251 с.

6. Recommendation concerning the Status of Higher-Education Teaching Personnel on 11.11.1997 // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO): official website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-concerning-status-higher-education-teaching-personnel> (дата обращения: 16.04.2026).

7. Academic freedom index // Academic freedom index: official website [Электронный ресурс]. URL: <https://academic-freedom-index.net> (дата обращения: 16.04.2026).

Об авторах:

ЗЫКОВ Матвей Андреевич – студент 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: matzykov2006@yandex.ru

КАЛЮЖНЫЙ Олег Александрович – студент 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Kalyughny.OA@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Гуманитарное право: кризис идентификации или новое прочтение

М. А. Исаев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В данной статье анализируется гуманитарное право, и разбирается вопрос о том, раскрывается ли в наше время данное понятие как кризис идентификации, рассматривая тему под призмой нынешних событий, либо же как рассматривается как способ нового прочтения, что раньше было фактически невозможным.

Ключевые слова: гуманитарное право, юридическая наука, кризис идентификации.

Основы международного гуманитарного права заложены Женевскими конвенциями 1949 года и Дополнительными протоколами к ним в 1977 году [1, с. 3-5]. Данное право представляет собой в первую очередь нормы, а точнее их совокупность, которые направлены на ограничение средств и методов ведения войны в первую очередь, а также на защиту жертв вооружённых конфликтов, так как они являются одними из самых уязвимых субъектов в ситуациях, на разрешение и стабилизацию которых направлены нормы данного права [1, с. 7-9].

В настоящее время, как в научной, так и в экспертной среде, такой тезис, как «кризис идентификации» звучит все чаще и чаще; суть данного термина и его проявление заключается в том, что всё больше нарастает «пропасть» между нормативным содержанием конвенций и реальной практикой их применения [2, с. 52-54]. В данной статье я выделил такую цель, как выявить природу данного кризиса и понять – это свидетельство упадка отрасли, или же начала переосмысления и «нового прочтения» [3, с. 216-218]?

В наше время изменился характер вооружённых конфликтов, ведь если под классическим гуманитарным правом понимались нормы, созданные для регулирования межгосударственных войн, то в наше время преобладают немеждународные конфликты, в процессе которых нет чёткого обозначения полей сражений [2, с. 52]. Именно из-за этого нормы, которые были разработаны в XX веке испытывают трудности и чувствуют «разрыв» при применении к конфликтам XXI века [2, с. 53].

Также следует упомянуть политизацию правоприменения, ведь несмотря на то, что гуманитарное право содержит универсальные для

всех времён обязательства, механизмы контроля за их соблюдением и привлечение к ответственности за нарушения данных норм является избирательным: государства, обладающие большим политическим весом или обладающие правом вето в Совете Безопасности Организации Объединённых Наций (далее – ООН) чаще всего избегают международной оценки своих действий, и оправдываются военной необходимостью, либо же тем, что это необходимо их национальным интересам [3, с. 216-217], и все это, является печальным, ведь подобная практика подрывает доверие к объективности, которое должно быть хотя бы в праве [3, с. 218].

Нельзя и не вспомнить о том, что в наше время используется иное оружие, такое как беспилотные летательные аппараты, кибератаки и информационные операции, которые ставят перед нами вопросы, прямые ответы на которые получить из Женевских конвенций, к сожалению, не получится [4, с. 92-93]. Получается так, что нормативная база отстаёт от технологического развития [4, с. 94].

Но несмотря на все вышеперечисленное, на поставленные перед профессорами – теоретиками трудности, говорить об утрате значения гуманитарного права нельзя ни в коем случае.

Под новым прочтением имеется ввиду в первую очередь смещение «фокуса» с формальных соблюдения процедур по ведению войны и защите жизни на защиту человеческого достоинства, ведь если ранее гуманитарное право рассматривалось как просто чёткий свод правил, которые регулируют поведение государств в условиях войны, то теперь на первый план выходит такая цель, как защита человека как высшей ценности, вне зависимости от того, к какому государству он принадлежит и каким статусом обладает в том или ином конфликте [5, с. 576].

Новое прочтение выражается в некоторых тенденциях, основным из которых является использование универсальной юрисдикции, что означает, что национальные суды различных юрисдикций все чаще и чаще принимают к рассмотрению дела о военных преступлениях, которые совершаются за пределами территорий их государств, и руководствуются тем, что хоть и происходят отдельные нарушения принципов гуманитарного права, они затрагивают интересы всего международного сообщества, и ставят под угрозу интересы всего человечества [3, с. 217-218].

Также считаю нужным выделить применение косвенных механизмов ответственности, ведь в условиях блокировки международных судебных институтов увеличивается роль

фиксирования нарушений, введение санкций персонально, и хоть эти способы воздействия не заменяют уголовное преследование, но создают почву для него в будущем.

Исходя из вышесказанного можно сделать следующий вывод: кризис идентификации международного гуманитарного права обусловлен изменениями методов ведения конфликтов и их сущностью, политизацией правоприменения и технологическим развитием методов ведения войны – и все эти причины являются реальными. Но нужно отметить, что данный кризис не является показателем ослабления данной отрасли, а напротив, стимулирует её развитие и заставляет переосмыслить уже устаревшие подходы и искать новые способы защиты человека от войны и её последствий, ведь переход от формального подхода к подходу, где человек и его достоинство первостепенен.

Список источников

1. Женевская Конвенция об обращении с военнопленными (Женева, 12.08.1949) // СПС «Гарант».
2. Алиева М. Н., Омаров О. С. Военнопленные и запрещённые методы допроса: проблемы правового регулирования // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2025. № 2. С. 50–56.
3. Борисов А.В. Киберпреступность на транспорте: состояние и тенденции // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 5 (129). С. 212–220.
4. Ибрагимов А.М. Развитие международного гуманитарного права в период от древности до новейшего времени и права человека // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024. № 2. С. 90–97.
5. Циглер Н. И. Международное гуманитарное право история и современность // Вестник науки. 2023. № 12. С. 572–578.

Об авторе:

ИСАЕВ Максим Алексеевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: sowpspsddl@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Право на мир: возможность достоверной актуализации в системе прав и свобод человека

А. Т. Кисметова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается проблема признания права на мир в качестве самостоятельного и юридически обеспеченного правомочия человека. Проанализировано противоречие между декларативным закреплением мира как ценности и отсутствием действенных механизмов его индивидуальной защиты. Основное внимание уделено разрыву между коллективным правом народов и субъективным правом индивида. Показано, что существующие международные нормы не порождают конкретных обязательств перед отдельным гражданином. В качестве выхода из сложившейся ситуации предложена концепция достоверной актуализации через призму правовых категорий – права на жизнь и права на достойные условия существования.

***Ключевые слова:** право на мир, права человека, право на жизнь, Всеобщая декларация прав человека, субъективное право, международное право, правовая актуализация, ЕСПЧ.*

Мир как состояние, свободное от вооружённого насилия, традиционно воспринимается юридической наукой как высшая, но практически недостижимая норма-принцип. Однако в современном мире, где стираются границы между миром и войной, а локальные столкновения вспыхивают одно за другим, прежний взгляд на мир как на исключительно межгосударственную ценность выглядит устаревшим. Главный вопрос статьи заключается в очевидном противоречии: несмотря на существование строжайших международных запретов на агрессивную войну, отдельный человек никак не может защитить «своё "право на мир"». Поскольку действенного инструмента, который позволил бы отдельному гражданину опереться на эту идею в суде, не существует, в праве образуется ощутимый пробел.

При детальном разборе источников и судебной практики обнаруживаются серьёзные противоречия в самой конструкции права на мир. Самым ранним документом, где можно разглядеть намёки самого права на мир, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 года [2]. Несмотря на отсутствие прямой формулировки, в ст. 3 (право на жизнь) и ст. 28 (право на социальный и международный порядок) заложен фундамент, без которого мир существовать не может [2]. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966

года также не содержит упоминания права на мир, однако ст. 6 в совокупности со ст. 20, запрещающей пропаганду войны, создаёт нормативную основу для косвенной защиты мирного состояния [3].

Среди учёных нет единого мнения по данному вопросу. Часть авторов, ссылаясь на Декларацию о праве народов на мир 1984 года, настаивает на исключительно коллективном характере этого права [4]. Профессор О.И. Тиунов подчёркивает, что коллективные права народов, включая право на мир, относятся к категории «прав солидарности» и не порождают субъективных притязаний у отдельной личности [9, с. 115]. Эту позицию разделяет и И.И. Лукашук, отмечая, что права третьего поколения носят коллективный характер и направлены на обеспечение общих интересов человечества, однако их реализация всецело зависит от политической воли государств [8, с. 202].

Иной подход обнаружен в работах, посвящённых экологическому и социальному благополучию, где мир рассматривается как состояние психосоциальной безопасности, подпадающее под юрисдикцию права на здоровье. В.А. Карташкин связывает современное понимание международной безопасности с концепцией «человеческой безопасности» [7, с. 25]. Однако все эти широкие трактовки разбиваются о суровую реальность: в действующем праве нет ни чёткого определения права на мир, ни работающего способа его защитить.

Обращение к Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) также не даёт оснований говорить о существовании субъективного права на мир. В преамбуле содержатся положения о «мире и согласии» как ценностях, однако ст. 71 относит вопросы войны и мира к исключительному ведению Российской Федерации, а не граждан, что лишний раз подтверждает: мир – это дело государства, а не личное право человека. Более того, ч. 3 ст. 55 допускает ограничение прав человека ради обороны и безопасности страны, а значит, в условиях вооружённого противостояния государство вправе отступать от обычных стандартов защиты личности [1].

Главное препятствие для актуализации права на мир выявляется в судебной практике. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в делах, связанных с боевыми действиями на территории Чеченской Республики, принципиально ушёл от формулировок о «нарушении мира». В деле «Исаева против РФ» (2005) Суд оперировал категориями права на жизнь (ст. 2 ЕКПЧ), указав, что

даже в условиях контртеррористической операции государство обязано минимизировать риск для мирного населения [5]. Аналогичная логика прослеживается в деле «Исаева, Юсупова и Базаева против РФ» [6]. В деле «Хашиев и Акаева против РФ» ЕСПЧ пошёл ещё дальше и сформулировал так называемую «процессуальную обязанность» государства: если власти не провели эффективное расследование гибели людей в зоне боёв, это уже само по себе считается нарушением права на жизнь.

Проведённый разбор судебной практики подтверждает бесперспективность выделения права на мир в отдельную норму-лозунг. Достоверная защита возможна только тогда, когда мир осознаётся как обязательное условие реализации права на жизнь и права на развитие.

Право на мир в его нынешнем виде остаётся декларацией, не подкреплённой конкретным механизмом индивидуальной защиты. Судебная практика, прежде всего ЕСПЧ, демонстрирует, что реальная защита человека в условиях вооружённого конфликта достигается через применение статей о праве на жизнь и запрете бесчеловечного обращения. Попытки искусственно выделить «право на мир» в отдельную норму лишь множат юридические фикции, не давая гражданину действенного инструмента. Гораздо разумнее по-новому взглянуть на уже закреплённые права и считать любую военную операцию, угрожающую мирным жителям, прямым нарушением права на жизнь. Именно такой подход позволит превратить мир из красивого лозунга в предмет реальной судебной защиты.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».
4. Декларация о праве народов на мир: принята резолюцией 39/11 Генеральной Ассамблеи ООН от 12.11.1984 // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

5. Постановление Европейского суда по правам человека от 24.02.2005 по делу «Исаева и другие против Российской Федерации» (жалобы № 57947/00, 57948/00, 57949/00) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Европейского суда по правам человека от 24.02.2005 по делу «Исаева, Юсупова и Базаева против Российской Федерации» (жалобы № 57950/00, 57951/00, 57952/00) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Карташкин В.А. Права человека и международная безопасность // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 3. С. 11–35.

8. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2005. 432 с.

9. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. 3-е изд. М.: Норма, 2023. 336 с.

Об авторе:

КИСМЕТОВА Арина Тимуровна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: arinakismetova@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Война как объект теоретико-правового анализа: основные подходы и концепции

Я. А. Коломейцев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается эволюция философских представлений о войне как социально-правовом явлении. Анализируются подходы мыслителей различных эпох к пониманию природы, причин и допустимости вооружённых конфликтов. Особое внимание уделяется трансформации отношения к войне в рамках политико-правовой теории государства и международного права. Раскрывается современное понимание войны через призму запрета на применение силы, развития международного гуманитарного права (далее – МГП) и изменения характера конфликтов под влиянием технологического прогресса. Делается акцент на противоречиях между принципами суверенитета, безопасности и универсального правопорядка, а также на необходимости дальнейшего теоретико-правового осмысления новых форм противоборства.

Ключевые слова: война, вооружённый конфликт, международное право, гуманитарное право, суверенитет, безопасность, теория права.

Война на протяжении всей истории человеческой цивилизации выступала не только политическим событием, но и предметом философского осмысления. Уже в античной мысли прослеживается попытка понять её природу, причины и место в общественной жизни. Гераклит называл войну «отцом и царём всего», подчёркивая, что через противоборство раскрывается скрытая логика бытия. В его понимании конфликт не сводился к разрушению; он выступал способом становления порядка. Эта идея оказала влияние на последующее восприятие войны как силы, одновременно и деструктивной, и формирующей.

Более конкретный историко-политический анализ был предложен Фукидидом [11, с. 112]. В описании Пелопоннесской войны было показано, что вооружённые столкновения обусловлены интересами государств, страхом утраты влияния и стремлением к господству. Война предстала как рациональный инструмент политики, а не как проявление хаоса. Подобный подход стал прообразом реалистической традиции, где право отступает перед силой, а безопасность определяется способностью к сопротивлению.

Нормативное измерение войны было развито Аристотелем и Цицероном [6, с. 87]. Аристотель допускал её как средство защиты и

восстановления справедливости, связывая допустимость военных действий с целями полиса. Война ради порабощения или корысти оценивалась критически, тогда как оборона признавалась необходимой. Цицерон, в свою очередь, подчёркивал юридическую сторону вопроса: война должна объявляться надлежащим образом и вестись ради восстановления нарушенного права. Уже в античности просматривается идея, что даже крайняя форма конфликта не может быть полностью выведена за пределы правового регулирования.

Средневековая мысль придала войне ярко выраженное этика-религиозное содержание. Августин Блаженный связывал допустимость войны с необходимостью защиты справедливого порядка, а ответственность за её начало – с моральным состоянием правителя [7]. Ф. Аквинский систематизировал критерии «справедливой войны»: наличие законной власти, справедливая причина и праведное намерение [5, с. 243]. Вследствие этого война стала рассматриваться не только как политический акт, но и как событие, подлежащее нравственной оценке. Эти идеи подготовили основу для последующего формирования правовых доктрин, регулирующих применение силы.

С переходом к Новому времени произошло переосмысление проблемы. Н. Макиавелли рассматривал войну как неизбежный элемент государственной жизни и условие сохранения власти. Государство, не готовое к вооружённой защите, обречено на утрату суверенитета. Т. Гоббс предложил более радикальную конструкцию: естественное состояние человечества описывалось как «война всех против всех» [8, с. 95]. Государство возникает именно для преодоления этого состояния и установления правового порядка. Право, по его концепции, становится антиподом войны, но одновременно её историческим продуктом.

И. Кант предложил иной вектор развития. Война оценивалась как нарушение идеи права. Проект «вечного мира» предполагал создание правовых механизмов, ограничивающих произвольное применение силы [9, с. 279]. В этом контексте война уже не воспринимается как естественная норма политики; она превращается в аномалию, требующую устранения.

В политико-правовой теории государства война приобретает двойственный характер. С одной стороны, она разрушает правопорядок, подрывает действие норм, трансформирует институты и концентрирует власть. С другой — в условиях угрозы происходит мобилизация общества, формируется национальная идентичность,

укрепляются государственные структуры. К. Шмитт, развивая идею различения «друг — враг», связывал политическое с возможностью крайнего противостояния [12, с. 58]. В его концепции война становится предельным проявлением суверенитета.

Современный этап характеризуется существенной трансформацией правового понимания войны. После Второй мировой войны международное сообщество закрепило общий запрет на применение силы, допустив исключения лишь в случаях самообороны и санкционированных действий по поддержанию мира (Устав Организации Объединённых Наций (далее – Устав ООН) от 26.06.1945, ст. 2, п. 4) [1]. Термин «война» постепенно уступил место понятию «вооружённый конфликт», что отражает стремление минимизировать легитимацию насилия. Это свидетельствует о переходе от признания войны как допустимого средства политики к её юридическому ограничению.

Особое значение приобрело МГП. Женевские конвенции от 12.08.1949 и дополнительные протоколы к ним установили правила защиты раненых, военнопленных и гражданского населения [2; 3; 4]. Даже в условиях конфликта сохраняется требование гуманности и соразмерности. Война перестаёт быть «правовым вакуумом»; напротив, она оказывается насыщена нормами, нарушение которых влечёт международную ответственность.

Одновременно развитие технологий породило новые формы противоборства: кибератаки, информационные операции, участие частных военных компаний. Традиционные критерии объявления войны утрачивают определённую ясность. Возникает необходимость расширения теоретико-правового анализа, способного учесть гибридный характер современных конфликтов. Суверенитет больше не воспринимается как абсолютно замкнутая категория; государства вынуждены действовать в рамках наднациональных механизмов и судебных процедур.

В итоге война предстаёт как многослойное явление, сочетающее в себе философские, политические и юридические аспекты. Историческая эволюция взглядов – от античного понимания конфликта до современного запрета на применение агрессии – демонстрирует постепенное усиление права как регулятора общественной жизни. Право стремится не только ограничить разрушительные последствия войны, но и вытеснить её из числа допустимых средств политики. Тем не менее, сохраняющиеся конфликты показывают, что проблема не утратила актуальности.

Теоретико-правовой анализ позволяет выявить внутренние противоречия между принципом суверенитета, необходимостью безопасности и идеей универсального правопорядка. Это создаёт основу для дальнейшего развития юридической мысли и поиска более эффективных механизмов регулирования применения силы в современном мире.

Список источников

1. Устав Организации Объединённых Наций (принят в г. Сан-Франциско, 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII. С. 14–47.
2. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12.08.1949 // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература. 1990. С. 98–132.
3. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12.08.1949 // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 133–204.
4. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949 // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература. 1990. С. 205–256.
5. Аквинский Ф. Сумма теологии. М.: Савин С.А., 2002. 816 с.
6. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1997. 458 с.
7. Августин Блаженный. О граде Божьем / пер. с лат. М.: АСТ, 2000. 1376 с.
8. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. М.: Мысль, 2001. 731 с.
9. Кант И. К вечному миру // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 257–347.
10. Макиавелли Н. Государь / пер. с итал. М.: Эксмо, 2018. 224 с.
11. Фукидид. История / пер. с древнегреч. М.: Наука, 1993. 543 с.
12. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. 300 с.

Об авторе:

КОЛОМЕЙЦЕВ Ярослав Александрович – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: yaroslavkolomeicev@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Эффективность гуманитарного права в условиях военного участия негосударственных акторов

К. Р. Королева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Современные вооружённые конфликты всё реже представляют собой классическое межгосударственное противостояние. Активное участие в них негосударственных акторов (далее — НГА) — повстанческих группировок, частных военных компаний, террористических организаций — ставит под серьёзное сомнение эффективность международного гуманитарного права (далее — МГП). В статье анализируются ключевые проблемы, препятствующие соблюдению МГП со стороны НГА: правовая неопределённость их статуса, специфика современных методов ведения войны и слабость механизмов привлечения к ответственности. На примере актуальных конфликтов, включая ситуацию на Украине, демонстрируется практическое измерение этих проблем. Предлагаются возможные пути адаптации права и подчёркивается роль юридического образования в подготовке специалистов для работы в данной сфере.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, негосударственные акторы, вооружённый конфликт, эффективность права, соблюдение норм, ответственность, гражданское население, СВО.

В XXI веке характер войны сильно изменился. Международное гуманитарное право призвано ограничить жестокость военных действий и защитить тех, кто не участвует в боевых действиях. Однако его нормы плохо «приживаются» у негосударственных участников. По данным Международного комитета Красного Креста (далее — МККК), всего пару лет назад в мире насчитывалось уже более 120 вооружённых формирований, включающих как государственные, так и негосударственные группировки [9, с. 56]. Это делает проблему не академической, а практической: нормы МГП влияют на поведение негосударственных вооружённых формирований, безопасность и достоинство миллионов людей.

Феномен распространения негосударственных вооружённых формирований закономерен. Его подпитывают: кризисные ситуации в государстве; утрата монополии на получение прибыли в целых регионах; этнический и религиозный сепаратизм; глобализация рынков оружия и финансов; коммерциализация войны как источника дохода; развитие международных компаний, посредством которых

государственные структуры выполняют функции, ранее являвшиеся исключительной прерогативой регулярных армий [12, с. 114].

Цель данной статьи – выяснить, почему международное гуманитарное право часто оказывается неэффективным в отношении негосударственных субъектов, и наметить возможные пути решения возникающих сложностей.

Главная проблема – признание статуса негосударственных вооружённых формирований. Международное гуманитарное право исторически создавалось государствами и для государств, хотя и содержит нормы, применимые к конфликту внутри конфликта [9, с. 89]. Общая статья 3 Женевской конвенции 1949 года обязывает все стороны немеждународного конфликта (в том числе повстанцев) руководствоваться принципами гуманизма: запретом на убийства, пытки и другие формы жестокого обращения [3].

Существует и ряд других проблем:

- проблема определения квалификации конфликта, когда ситуация трансформируется в «интернационализированное» противостояние с участием иностранных государств. Возникает гибридный правовой режим. На примере специальной военной операции (далее — СВО) можно увидеть, как пересекаются нормы, применимые к международным и немеждународным вооружённым конфликтам;

- проблема идеологического неприятия. Подавляющее большинство негосударственных вооружённых формирований, особенно террористические организации, открыто отвергают «западные» законы ведения войны, считая принятые нормы нелегитимными и противоречащими их идеологии [10, с. 28];

- проблема структурной слабости. Нормы международного гуманитарного права невозможно донести до каждого бойца, как и невозможно контролировать их соблюдение на местах, что постоянно приводит к размыванию ответственности и массовым нарушениям «снизу» [6, с. 196].

Международное гуманитарное право основано на ряде фундаментальных преобразований, соблюдение которых служит критерием его эффективности. Принципиальное различие обязывает стороны отличать комбатантов и военные объекты от гражданских лиц и гражданских объектов. Принцип соразмерности запрещает такие способы воздействия, при которых ожидаемый ущерб гражданскому населению несоизмерим с военным преимуществом. Принцип предосторожности требует принятия всех практически возможных мер для минимизации случайных потерь [8].

Для НГА защита в обычном мире является осознанной террористической стратегией, а не случайным побочным ущербом. Не размещая высокоточное оружие, они ведут огонь по позициям или устраивают взрывы в людных местах, заведомо игнорируя принципы различия и меры предосторожности [9, с. 243]. Доступ гуманитарных организаций на контролируемую ими территорию систематически блокируется или используется в пропагандистских целях.

Привлечение к ответственности остаётся основным слабым местом системы. Национальные суды зачастую не могут «дотянуться» до лидеров вооружённых группировок из-за отсутствия физического доступа к ним или необходимости экстрадиции. Международный уголовный суд (далее — МУС) сталкивается с политическими барьерами: ограниченной юрисдикцией, правом вето в Совете Безопасности Организации Объединённых Наций (далее — ООН), отказом государств от сотрудничества и странами Европы [11, с. 37].

Существует ещё одна серьёзная проблема: Общая статья 3 [3] и Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям [4] не предусматривают специальных вариантов и критериев контроля над соблюдением указанных в них положений в случае конфликтов немеждународного характера. Из-за этого сложно предотвращать нарушения и собирать необходимую информацию.

Полностью пересмотреть и «перекроить» международное гуманитарное право под нужды негосударственных субъектов просто невозможно. Может возникнуть опасный прецедент — ситуация, когда для одних субъектов международное право является жёстким обязательством, а для других — лишь рекомендацией, которую можно игнорировать без последствий. Однако продолжение исследований по этой теме позволит повысить эффективность существующих норм.

Исходя из всего вышесказанного, возникает вопрос: как бороться с подобными проблемами? Можно оказывать давление через государства, выступающие в роли спонсоров. Необходимо ужесточить ответственность государств, финансирующих или поддерживающих негосударственные вооружённые формирования, нарушающие международное гуманитарное право: с помощью санкций, судебных исков и принципа «должной осмотрительности», обязывающего страны предотвращать использование своей территории для совершения преступлений [12, с. 116].

Прямой диалог. Такие организации, как МККК, обеспечивают международную поддержку полевых командиров, говоря с ними не только о нормах права, но и о прагматических интересах: соблюдение международного гуманитарного права укрепляет репутацию группировки, поддерживает международные отношения и открывает доступ к гуманитарной помощи. В 2023 году МККК поддерживал контакты примерно с двумя третями всех вооружённых группировок, представляющих гуманитарный интерес [9, с. 312].

Адаптация норм к новым реалиям. Необходимо выработать чёткие толкования международного гуманитарного права, прежде всего, в отношении кибератак на гражданские объекты (больницы, электросети и т. п.), использования автономных систем вооружения и гибридных форм ведения войны [8]. Такое толкование позволит установить «красные линии» и снизить риски для гражданского населения в будущих конфликтах.

Тема «Эффективность гуманитарного права в условиях военного участия негосударственных субъектов» должна занимать центральное место в подготовке юристов-международников. Это не узкоспециализированный вопрос, а ключ к пониманию сути современных кризисов. Будущим специалистам необходимы: глубокое понимание особенностей асимметричных измерений; навыки общения в нестандартных условиях (обмен пленными через посредников, гуманитарные паузы с командирами, не признающими легитимность другой стороны); умение анализировать реальные кейсы — Сирию, Йемен, Украину; а также критическое мышление для поиска новых правовых и экономических решений [9, с. 387].

Понимание сложностей, связанных с участием негосударственных субъектов, — практическая необходимость для человечества в новом поколении. Профессионально подготовленные юристы, способные работать в «серьёзных зонах» права, становятся ключевым элементом системы международной безопасности.

В заключение отметим, что эффективность международного гуманитарного права в условиях участия негосударственных вооружённых формирований в вооружённых конфликтах сегодня остаётся недостаточной. Юридические пробелы, идеологическое неприятие со стороны вооружённых группировок и слабость принципа принуждения создают зону повышенной опасности не только для военного персонала, но и для отдельных комбатантов, мирного населения. В долгосрочной перспективе это ведёт к

ослаблению международно-правовых институтов и росту безнаказанности [11, с. 38].

В то же время международное гуманитарное право остаётся важным стандартом, мерилom, по которому мировое сообщество оценивает действия всех сторон конфликта [10, с. 32]. Оно создаёт основу для диалога и даёт правильные ориентиры для предотвращения опасности там, где это возможно. Повышение его эффективности — это длительная работа на нескольких уровнях: от наблюдения за международными ориентирами до «точечного» взаимодействия с командирами на местах. Центральную роль в этой работе играют представители нового поколения — гибкие, этически ответственные юристы, понимающие реалии современных взглядов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

2. Устав Организации Объединённых Наций (Принят в г. Сан-Франциско, 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // СПС «Консультант Плюс».

3. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12.08.1949) // СПС «Гарант».

4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов немеждународного характера, от 08.06.1977 (Протокол II) // СПС «Гарант».

5. Асеев И. А., Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю. Некоторые аспекты развития международного гуманитарного права // Аграрное и земельное право. 2022. № 11 (215). С. 3–8.

6. Беллал А., Джакка Ж., Кейзи-Маслен С. Международное право и вооружённые негосударственные акторы в Афганистане // Международный журнал Красного Креста. 2010–2011. С. 183–221.

7. Логачева Н.В., Авдеев Н.В., Сутягин П.К. Проблемы реализации норм международного гуманитарного права в условиях вооружённых конфликтов: от теории к применению // Вестник Пензенского государственного университета. 2024. № 2. С. 48–55.

8. Международное гуманитарное право и вызовы современных вооружённых конфликтов // МККК. 2019. С. 3–18.

9. Мельцер Н. Международное гуманитарное право. Общий курс. Женева: Женевская академия международного гуманитарного права и прав человека. 2017. 419 с.

10. Подходы к борьбе с терроризмом в условиях военного/вооружённого конфликта // Модуль «Региональные подходы к борьбе с терроризмом». Управление ООН по наркотикам и преступности. Вена. 2019. 40 с.

11. Упоров А.Г., Упоров К.А. Юридический статус и правовое положение частных военных компаний (по типу ЧВК «Вагнер») // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 36–39.

12. Чжочао Ю., Грозин А.В. Частные военные компании: суть, основные особенности и правовое положение // Политология. 2022. № 4. С. 112–119.

Об авторе:

КОРОЛЕВА Ксения Романовна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Kseniakoroleva702@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Конституционно-правовые аспекты информационной войны: коллизия свободы слова и вызовы дезинформации

Д. В. Кузнецова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются конституционно-правовые аспекты противодействия дезинформации в условиях информационной войны. Анализируется коллизия между конституционными гарантиями свободы слова и необходимостью защиты информационного суверенитета государства. Рассматриваются пределы ограничения свободы выражения мнений, роль цифровых платформ в распространении информации и проблемы правоприменительной практики. Акцентируется внимание на необходимости соблюдения баланса публичных и частных интересов при реализации конституционных прав в информационной сфере.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, свобода слова, информационная война, дезинформация, информационная безопасность, ограничение прав, цифровые платформы.

В последние годы информационная война как новый феномен глобальной политики существенно изменяет общественные процессы. В условиях быстрой цифровизации мир столкнулся с новыми угрозами для конституционного строя, в том числе и угрозами дезинформации. Это создаёт коллизию между правом на свободу слова и необходимостью защиты от вредоносного воздействия лжи и манипуляций.

Информационная война — это комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание в условиях информационной открытости для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов [8, с. 35].

Ключевым инструментом такого воздействия становится дезинформация — намеренное распространение искажённых или ложных сведений с целью манипуляции общественным мнением [9, с. 28]. Возникает коллизия между реализацией конституционных гарантий свободы слова и необходимостью защиты информационного суверенитета государства.

Свобода слова традиционно рассматривается как неотъемлемый элемент демократического правового государства. В соответствии со статьёй 19 Всеобщей декларации прав человека, каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное выражение их. Это

право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию любыми средствами и независимо от государственных границ [2]. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в статье 10 также закрепляет право на свободу выражения мнения, оговаривая при этом возможность установления формальностей, условий, ограничений или санкций, предусмотренных законом и необходимых в демократическом обществе [3].

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в статье 29 провозглашает свободу мысли и слова, гарантирует право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [1]. Часть 2 указанной статьи содержит важное ограничение: не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Свобода слова является фундаментальным правом человека, закреплённым как в международных документах, в европейских конвенциях и в Конституции Российской Федерации, при этом допускаются определённые законные ограничения, необходимые для защиты интересов демократического общества.

Конституционно-правовой анализ ограничений свободы слова определяет, что права и свободы могут быть ограничены исключительно федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55 Конституции РФ) [1].

Законодательство России в последние годы стало более жёстким в вопросах регулирования информации, что позволило государству оперативно реагировать на распространение дезинформации, особенно в сфере массовых коммуникаций.

В научных исследованиях обращается внимание на то, что формирование глобального информационного пространства и активная цифровая трансформация общества привели к появлению новых рисков для общественных процессов. Подчёркивается, что информационное воздействие способно оказывать системное влияние на массовое сознание, трансформировать ценностные ориентиры и даже корректировать политическое поведение граждан. И.А.

Подройкиной, М.В. Алексеевым было отмечено, что в цифровой среде негативные информационные импульсы распространяются быстрее, чем механизмы их правовой оценки и опровержения [10, с. 15]. Вследствие этого усиливается уязвимость общества перед технологиями, а информационная безопасность приобретает не только техническое, но и конституционно-правовое измерение. В итоге можно говорить о том, что цифровизация не только расширила возможности реализации свободы слова, но и одновременно обострила риски злоупотребления этим правом.

Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон о рекламе) и Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ) заложили основы регулирования информационных потоков, установив запрет на распространение недостоверной информации [5; 4]. Целью нормативных правовых актов является защита граждан от обмана — в рекламе, в новостях, в публичных публикациях. Свобода слова признается базовой ценностью, но её границы обозначены. Однако развитие цифровых технологий и социальных сетей изменило ситуацию. Информация стала распространяться мгновенно, а её воздействие — усиливаться в разы.

Однако наиболее значимым шагом в противодействии дезинформации стало принятие Федерального закона от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» (далее – Закон № 31-ФЗ), которым была введена процедура внесудебного ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона [6]. Это означало, что в ряде случаев блокировка может происходить без предварительного решения суда.

Здесь и проявляется основная проблема. С одной стороны, государство обязано защищать общество от дезинформации. В условиях информационной войны ложные сообщения становятся инструментом давления и манипуляции. С другой стороны, свобода слова закреплена в Конституции и считается одной из ключевых гарантий демократического устройства. Ограничение доступа к информации без судебного решения вызывает сомнения по поводу чёткого определения, что считать недостоверной информацией.

Также учёными подчёркивается, что в условиях цифровизации информация окончательно превращается в данные, а свобода слова становится частью глобального цифрового процесса. При этом

цифровая среда все чаще оказывается пространством острых политических и правовых противоречий, где формально закреплённые гарантии свободы выражения мнений постепенно теряют свою реальную силу. Э. Ю. Балаян и Н. В. Свиридова отмечают, что, несмотря на международное признание и провозглашённое равенство прав, возможность свободно говорить правду на практике существенно ограничивается [7, с. 32]. В итоге можно заключить, что международные юридические гарантии свободы слова во многом приобретают декларативный характер и требуют переосмысления с учётом цифровой реальности.

Правоприменительная практика последних лет демонстрирует активное использование государством механизмов противодействия дезинформации. Роскомнадзором осуществляется мониторинг информационного пространства на предмет выявления недостоверной информации, блокируются интернет-ресурсы, распространяющие фейки [11].

Цифровизация общественных отношений порождает дополнительные вызовы. Социальные сети и мессенджеры становятся основными каналами распространения дезинформации, при этом скорость распространения информации значительно опережает возможности правового реагирования. Возникает необходимость совершенствования механизмов взаимодействия государства с интернет-платформами.

Проведенный анализ позволяет констатировать наличие объективной коллизии между конституционными гарантиями свободы слова и необходимостью противодействия дезинформации в условиях информационной войны. Конституция Российской Федерации создаёт необходимую правовую основу для разрешения данной коллизии, устанавливая, как фундаментальное право на свободу выражения мнений, так и допустимые пределы его ограничения. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на выработку чётких, понятных и непротиворечивых критериев отнесения информации к разряду дезинформации, совершенствование процедурных механизмов ограничения доступа к противоправной информации, обеспечение судебного контроля над законностью и обоснованностью принимаемых решений.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон РФ от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон РФ от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Балаян Э.Ю., Свиридова Н.В. Свобода слова в условиях цифровизации: проблемы публично-правового регулирования и обеспечение баланса конституционных прав человека и интересов государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 2. С. 30–34.
8. Диреев И.Д. Дезинформация в средствах массовой информации: междисциплинарный подход // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 3. С. 30–40.
9. Колесникова Г.И. Информационная война в обществе постмодерна: проблема классифицирования // Гуманитарий Юга России. 2023. Том 12. № 3. С. 22–36.
10. Подройкина И.А., Алексеева М.В. Регулирование информационного пространства в России: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 13–17.
11. Перечень информационных ресурсов, регулярно распространяющих недостоверную информацию // Роскомнадзор: офиц. сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://rkn.gov.ru> / (дата обращения: 11.03.2026).

Об авторе:

КУЗНЕЦОВА Дарья Витальевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: kvdashaa@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

**Право как «молчаливая война»:
анализ правовой системы в контексте биополитики
и подавления социальных конфликтов**

В. С. Лебедев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается правовая система сквозь призму концепции «молчаливой войны», предложенной М. Фуко. Автор анализирует право не как инструмент разрешения конфликтов, а как перманентный механизм биополитического контроля и подавления социальной напряжённости. На основе критического анализа теоретических подходов (Т. Гоббс, К. Шмитт, М. Фуко) и правоприменительной практики делается вывод о том, что право функционирует как латентная форма войны, перераспределяющая жизненные силы населения. Особое внимание уделяется биополитическим аспектам: регуляции рождаемости, здравоохранения и миграции как способам «молчаливого» подавления конфликтного потенциала.

Ключевые слова: право, биополитика, молчаливая война, Мишель Фуко, подавление конфликтов, биовласть, легитимное насилие, правовая система, социальный конфликт, уголовное судопроизводство, правовые пробелы, регуляция населения, миграционное право, здравоохранение, латентный контроль.

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления роли права в условиях нарастания социальной турбулентности. Классическая юриспруденция определяет право как систему норм, направленную на гармонизацию общественных отношений и предотвращение конфликтов [9, с. 67]. Однако, как справедливо отмечает ряд исследователей, правовое регулирование нередко выполняет противоположную функцию: не разрешает противоречия, а переводит их в латентную форму, «замораживая» конфликт в интересах правящих групп [11, с. 61].

Традиционно война понимается как открытое вооружённое противостояние. Однако еще Т. Гоббс в «Левиафане» показал, что естественное состояние – это «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*), которая не обязательно означает непрерывные боевые действия. Она выражается в постоянной готовности к насилию. Заключая общественный договор, люди передают суверену право на применение силы, но сама логика противостояния не исчезает – она институционализируется [5, с. 187].

К. Шмитт в работе «Понятие политического» углубляет эту мысль: сущность политического сводится к различению друга и врага. Государство, монополизировав легитимное насилие, не устраняет вражду, а лишь переводит её в плоскость правовых категорий. Враг теперь определяется не по этническому или религиозному признаку, а через нарушение правовой нормы (преступник, правонарушитель, экстремист) [12, с. 45]. Таким образом, правовая система создаёт институциональную рамку, внутри которой «война» продолжается, но уже в виде уголовного преследования, административного наказания или гражданско-правового спора.

1. Концепция М. Фуко: власть как продолжение войны

Наиболее последовательно идея права как «молчаливой войны» разработана М. Фуко в курсе лекций «Нужно защищать общество» (1975–1976). М. Фуко переворачивает классическую формулу Клаузевица: политика – это война, продолжающаяся иными средствами. По его мнению, «мир в обществе – это не приостановка войны, а её продолжение с помощью других средств» [10, с. 124]. Власть не подавляет конфликты раз и навсегда – она их переформирует, встраивает в правовой порядок, который систематически воспроизводит асимметрию сил.

М. Фуко вводит понятие «биовласти» – власти, направленной не на территорию, а на жизнь населения. Право становится главным инструментом биополитики: оно определяет, кто имеет право жить, а кто должен умереть (смертная казнь, полицейские операции), кто является «нормой», а кто – «аномалией» (психиатрия, тюрьмы, лагеря для мигрантов) [10, с. 216]. В этом контексте правовая система предстает как перманентная «молчаливая война» против биологических, социальных и политических тел тех, кто не вписывается в установленный порядок.

2. Регуляция населения как форма латентного насилия

Биополитика оперирует не уголовным наказанием в его классическом виде, а механизмами профилактики, контроля и стимулирования. Однако, как показывает анализ, за фасадом заботы о народонаселении скрывается «молчаливая война» против социальных групп, создающих избыточную нагрузку на систему [9, с. 112].

Примером служит правовое регулирование здравоохранения. Очередность оказания высокотехнологичной медицинской помощи, квотирование дорогостоящих операций, нормативы обеспеченности врачами – внешне нейтральные нормы. Но в реальности они

производят биополитическую селекцию: пациенты с определёнными диагнозами или низким социальным статусом объективно получают меньше шансов на выживание. Это не прямое убийство, но «молчаливая война» против уязвимых слоёв населения.

Аналогичные механизмы действуют в сфере миграционного права. Разрешительный порядок въезда, институт депортации, нормы о нежелательности пребывания – все это инструменты, с помощью которых государство ведёт «войну» против «чужих» тел, не объявляя её официально. Правовые нормы создают дистанцию между «биологической ценностью» гражданина и негражданина, что полностью соответствует фукодианской модели биовласти [4, с. 88].

3. Правосудие как ритуал подавления конфликта

Уголовный процесс демонстрирует наиболее очевидную связь права и «молчаливой войны». Любое уголовное дело – это локализованный эпизод социального конфликта, который государство переводит в правовую плоскость. Однако цель такого перевода – не примирение сторон, а демонстрация монополии государства на насилие.

Исследования судебной практики (например, по делам о массовых беспорядках или несогласованных акциях) показывают: право работает как инструмент символического подавления. Даже если наказание минимально (штраф), сам факт осуждения восстанавливает «нарушенный порядок» и маркирует конфликт как неправомерный [2, с. 31]. Тем самым государство ведёт «молчаливую войну» против альтернативных форм социальной солидарности, объявляя их противоправными ещё до того, как они перерастут в открытое столкновение. Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 36 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления против порядка управления» (далее – Постановление № 36), любое воспрепятствование законной деятельности органов власти квалифицируется как преступление против порядка управления, что фактически криминализирует политическую активность [3].

4. Пробелы правового регулирования как зоны открытой войны

Любопытный аспект концепции «молчаливой войны» – правовые пробелы. Там, где право молчит, социальный конфликт переходит в открытую стадию. Это подтверждается примерами из сферы трудовых отношений. Забастовка – это открытая война между трудом и капиталом. Право, как правило, жёстко регламентирует порядок её

проведения, а в некоторых отраслях (транспорт, энергетика, оборона) – запрещает. Но в «молчаливых» зонах (например, платформенная занятость, самозанятые) правовое регулирование отсутствует, и конфликт принимает форму необъявленной войны: внезапные отключения от платформ, блокировка аккаунтов, «молчаливые увольнения» без юридических последствий [8, с. 104].

Таким образом, правовая система не столько разрешает социальные противоречия, сколько перераспределяет их интенсивность: там, где право активно, конфликт переводится в латентную (процессуальную) форму; там, где право молчит, конфликт перерастает в прямую силовую борьбу.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Право в современном государстве не является нейтральным арбитром в социальных конфликтах. Оно представляет собой институализированную форму «молчаливой войны», в которой насилие не отменяется, а маскируется под правовую процедуру.

Биополитическое измерение правовой системы проявляется в регуляции рождаемости, смертности, здоровья, миграции. Через механизмы квотирования, очерёдности, разрешительных норм право ведёт латентную войну против групп населения, определяемых как «избыточные» или «чужие».

Ключевым инструментом подавления социальных конфликтов выступает уголовное и административное судопроизводство, которое маркирует любую форму социальной напряжённости как противоправную, тем самым закрывая легальные каналы для выражения коллективных интересов.

Правовые пробелы следует рассматривать не как случайные недочёты, а как зоны «открытой войны» – там, где право молчит, конфликт переходит в нерегулируемое силовое противостояние.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом цифрового права и алгоритмического управления как новой формы «молчаливой войны», где подавление конфликта осуществляется не людьми и не нормами, а программным кодом, что требует обновления биополитической теории М. Фуко применительно к XXI веку.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 12.03.2024 по делу № 22-1456/2024.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 36 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления против порядка управления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

4. Агамбен Дж. Номо Сасер. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен; пер. с ит. И. И. Обыденновой. М.: Европа, 2011. 256 с.

5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс; пер. с англ. А. Гутермана. М.: РИПОЛ классик, 2018. 608 с.

6. Голубкова М. Запрет на распространение нацистской литературы остался в силе. Газета «Российская Газета» [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 30.03.2025).

7. Дронова Ю. А., Туманова Л. В. Принудительное оказание психиатрической помощи по нормам уголовного права и административного судопроизводства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 59–74.

8. Малолеткина Н. С., Маликова Н. Б. Назначение и исполнение наказания условно: теоретический аспект и проблемы реализации: монография. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. 116 с.

9. Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 428 с.

10. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. О. В. Михеева. СПб.: Наука, 2005. 312 с.

11. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. – СПб.: Алеф-Пресс, 2021. 352 с.

12. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт; пер. с нем. А. Ф. Филиппова. М.: Вестмир, 2016. 292 с.

Об авторе:

ЛЕБЕДЕВ Владислав Сергеевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Phah5@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

**Юридическая квалификация кибератак
в контексте оппозиции «война – мир»:
проблемы разграничения правовых режимов**

Н. М. Лукашевич

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объект исследования — правовой статус и место кибератак в системе международно правового регулирования, в частности их квалификация в рамках оппозиции «война — мир» и влияние на выбор применимого правового режима (международного гуманитарного права либо норм мирного времени). Предметом исследования выступает комплекс правовых проблем, связанных с юридической квалификацией кибератак: критерии отнесения кибератак к актам агрессии или вооружённым нападениям, вопросы атрибуции, пропорциональности ответных мер, статуса акторов и порога ущерба, а также особенности регулирования в свете действующего международного и национального законодательства (включая нормы Устава ООН, Женевских конвенций, национального уголовного законодательства и профильных законов о кибербезопасности). Анализируются нормативные, доктринальные и правоприменительные источники. Автор обосновывает четыре вывода по теме исследования.

Ключевые слова: кибератака, международное гуманитарное право, квалификация кибератак, оппозиция «война — мир», акт агрессии, право на самооборону (ст. 51 Устава ООН), атрибуция кибератак, порог ущерба, критическая информационная инфраструктура, кибербезопасность, правовой режим, негосударственные акторы, пропорциональность ответных мер, гибридные конфликты.

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений кибератаки приобретают статус одного из ключевых инструментов воздействия на государства, организации и отдельных лиц. Их последствия могут затрагивать не только экономические интересы, но и национальную безопасность, стабильность государственных институтов, функционирование критической инфраструктуры. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос чёткой юридической квалификации подобных действий в рамках оппозиции «война — мир», поскольку от выбора правового режима напрямую зависят допустимые меры реагирования, включая возможность применения силы.

Цель настоящей статьи — провести комплексный анализ проблем разграничения правовых режимов применительно к кибератакам,

опираясь на позиции российских учёных-юристов, а также предложить направления совершенствования нормативного регулирования в данной сфере.

Актуальность темы обусловлена следующими факторами:

1. Устойчивым ростом числа трансграничных кибератак, в том числе направленных против критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ).

2. Отсутствием единообразного подхода к квалификации кибератак на международном и национальном уровнях.

3. Необходимостью адаптации существующих правовых норм к новым вызовам цифровой эпохи.

4. Возрастающей ролью киберпространства как потенциальной сферы вооружённого противостояния.

Кибератака представляет собой целенаправленное воздействие на информационные системы, сети и данные с целью нарушения их функционирования, хищения информации или нанесения иного ущерба. В зависимости от целей, методов и масштаба последствий выделяют следующие виды кибератак:

1. DDoS-атаки (отказ в обслуживании) — перегрузка ресурсов с целью сделать их недоступными для пользователей.

2. Внедрение вредоносного программного обеспечения (вирусы, трояны, шпионские программы) — несанкционированное проникновение в систему для кражи данных или управления устройством.

3. Фишинг — обман пользователей с целью получения конфиденциальной информации (логинов, паролей, данных банковских карт).

4. Атаки на критическую информационную инфраструктуру (энергетические системы, транспорт, здравоохранение) — действия, способные привести к масштабным социально-экономическим последствиям.

5. АРТ-атаки (Advanced Persistent Threat) — длительные целенаправленные кампании, проводимые высококвалифицированными злоумышленниками.

В контексте международного права режим «войны» предполагает применение норм «*jus in bello*» (права вооружённых конфликтов), которые регулируют поведение сторон в ходе вооружённого противостояния. К основным источникам относятся:

1. Устав ООН (в частности, ст. 39 и ст. 51, определяющие понятия агрессии и права на самооборону) [1].

2. Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы 1977 г., закрепляющие защиту жертв войны и ограничения методов ведения боевых действий [2].

3. Обычные нормы международного гуманитарного права (далее — МГП), сложившиеся в практике государств.

Режим «мира» регулируется иными правовыми инструментами:

1. Национальным законодательством (например, Уголовный кодекс РФ [4], Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [5]).

2. Международными договорами в сфере кибербезопасности, такими как Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г. (Будапештская конвенция) [3], которая устанавливает стандарты сотрудничества в борьбе с киберпреступлениями.

Разграничение правовых режимов в отношении кибератак сталкивается с рядом серьёзных проблем, требующих детального рассмотрения.

«Критерий силы». Согласно ст. 39 Устава ООН, применение силы является основанием для квалификации действий как акта агрессии. Чаще всего кибератаки не сопровождаются физическим насилием или разрушением объектов в базовом понимании, что затрудняет их отнесение к вооружённому нападению.

«Проблема атрибуции». Установление источника кибератаки — сложная техническая и правовая задача. Как отмечает И.И. Лукашук, отсутствие возможности точного установления виновника совершения кибератаки препятствует применению норм международного гуманитарного права [9, с. 312].

«Пропорциональность ответных мер». Г.М. Мелков справедливо указывает, что реакция на кибератаку должна быть соразмерна угрозе. Излишняя реакция, например применение вооружения или иных мер силового воздействия в ответ на незначительную атаку, может привести к эскалации конфликта и нарушению МГП [10, с. 38].

Кибератаки могут осуществляться не только государствами, но и негосударственными группами, транснациональными корпорациями или отдельными хакерами. Как пишет С.В. Черниченко, это создаёт проблемы в регулировании, поскольку международное право традиционно ориентировано на отношения между государствами, а не между частными субъектами [12, с. 215].

«Порог ущерба». Отсутствует единое понимание того, какой уровень ущерба от кибератаки достаточен для перехода от режима мирного урегулирования к режиму вооружённого конфликта. А.Я. Капустин предлагает использовать критерии масштаба и последствий,

аналогичные тем, что применяются к традиционным вооружённым нападениям [7, с. 120]. Например, атака, которая привела к отключению электричества и иных систем целого региона, может быть рассмотрена как акт агрессии, а кража персональных данных — как киберпреступление.

Анализ реальных случаев позволяет лучше понять сложности квалификации кибератак:

Атака NotPetya (2017 г.). Была признана рядом государств (в т.ч. США и Великобританией) актом агрессии, хотя формально не сопровождалась применением оружия. Её последствия привели к многомиллиардным убыткам и затронули критически важные объекты инфраструктуры.

Кибератаки на энергетическую инфраструктуру (например, в Эстонии в 2007 г.) рассматриваются как потенциальное основание для применения ст. 51 Устава ООН (право на самооборону), если они создают угрозу национальной безопасности.

Атаки на системы здравоохранения во время пандемии COVID-19 продемонстрировали, что кибервоздействие на социальные институты может иметь последствия, сравнимые с традиционными военными действиями.

Юридическая квалификация кибератак в рамках оппозиции «война — мир» остаётся сложной задачей, обусловленной следующими факторами:

- отсутствием чётких критериев отнесения кибератак к актам агрессии;
- техническими сложностями установления источника атаки;
- необходимостью балансировать между суверенитетом и коллективной безопасностью;
- динамичным развитием технологий, опережающим нормативное регулирование.

Перспективными направлениями развития являются:

1. Разработка международных стандартов по кибербезопасности, включая единые критерии классификации кибератак.

2. Уточнение норм международного гуманитарного права применительно к киберпространству, в т.ч. адаптация понятий «вооружённое нападение» и «пропорциональность».

3. Укрепление национального законодательства в сфере противодействия киберугрозам, включая меры по защите критической инфраструктуры.

4. Развитие международного сотрудничества в области обмена информацией о кибератаках и координации ответных действий.

Решение этих задач позволит создать более устойчивую и предсказуемую систему регулирования киберпространства, отвечающую современным вызовам.

Список источников

1. Устав Организации Объединённых Наций (принят в г. Сан-Франциско, 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

2. Женевские конвенции от 12.08.1949 и Дополнительные протоколы к ним // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература. 1990. С. 98–245.

3. Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапешт, 23.11.2001) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.

5. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I).

6. Воронцова Н.А. Международно-правовое регулирование киберпространства: проблемы и перспективы // Московский журнал международного права. 2020. № 3. С. 45–58.

7. Капустин А.Я. Кибератаки и международное право: новые вызовы для государств // Российский ежегодник международного права. 2019. С. 112–125.

8. Копылов М.Н. Гибридные войны и право: киберпространство как новая арена конфликтов // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 2. С. 89–102.

9. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2005. 544 с.

10. Мелков Г.М. Правовые аспекты кибербезопасности в эпоху глобализации // Право и безопасность. 2018. № 4. С. 33–41.

11. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право: учебник. М.: Норма, 2016. 320 с.

12. Черниченко С.В. Теория международного права: в 2 т. Т. 2. М.: НИМ, 1999. 520 с.

Об авторе:

ЛУКАШЕВИЧ Никита Максимович – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: lukasevicn184@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Мобилизационная трансформация советского государства в период Великой Отечественной войны

К. И. Максимова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется мобилизационная трансформация советского государства в период Великой Отечественной войны как тотальный и всеохватывающий феномен, затронувший управленческую, экономико-правовую, идеологическую и религиозную сферы. На основе анализа законодательных актов и научных исследований рассматриваются механизмы предельной централизации власти через ГКО и Ставку Верховного Главнокомандования, эвакуация промышленности, ужесточение трудового законодательства, а также идеологический поворот от классовых лозунгов к патриотизму и сближение с Русской православной церковью.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизационная трансформация, Государственный Комитет Обороны (ГКО), Ставка Верховного Главнокомандования, эвакуация, трудовая мобилизация, идеологическая пропаганда, патриотизм, религиозная политика, Русская православная церковь, чрезвычайное законодательство, сверхцентрализация.

Мобилизация в годы Великой Отечественной войны не была краткосрочным явлением, а, наоборот, тотальным и всеохватывающим феноменом, проникающим во все сферы советского общества. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении» [2], документ, принятый в первые часы войны, стал основным закрепленным законодательным актом Советского Союза, который инициировал начало мобилизации всего населения.

Начало введения чрезвычайного положения требовало немедленной перестройки всей системы управления на военный лад. Происходит существенное изменение центральной государственной власти, что проявляется в создании 23.06.1941 года Ставки Верховного Главнокомандования (далее - Ставка) - высшего военного органа. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23.06.1941 года № 825 возложило на Ставку задачу «мобилизовать все людские и материальные ресурсы страны для отпора гитлеровским захватчикам» [7]. Ключевым моментом стала передача 10.07.1941 года руководства Ставкой лично И. В. Сталину, который к тому моменту уже возглавил созданный 30.06.1941 года Государственный

Комитет Обороны (далее – ГКО) [6]. Так, «система управления приобрела предельно централизованный характер, все нити управления которой сводились к И. В. Сталину» [14], это означает, что вся полнота власти - партийная, государственная и военная сосредоточилась в руках И. В. Сталина.

По мнению историка Д. А. Андреева, «сложилась работающая связка чрезвычайных и не чрезвычайных органов власти» [11], где ГКО принимал решения относительно к общей мобилизации экономики и продовольствия страны, а Ставка занималась координацией фронтовых действий и созданием стратегических группировок.

Ряд ужесточенных законодательных мер уже с первых дней перевел экономику советского общества на военный лад. Так, 24.06.1941 года был создан Совет по эвакуации при СНК СССР [10], а его основным документом стало постановление № СЭ-64сс от 06.08.1941 года «О порядке эвакуации предприятий, учебных заведений, организаций и учреждений» [9], которое запрещало «эвакуацию предприятий, учебных заведений, учреждений и других без решения Правительства». А Постановление ГКО № 421сс от 07.08.1941 года определяло порядок размещения эвакуируемых предприятий [5]. То есть, происходит усиление централизации управления народным хозяйством со стороны государства, но также это направлено на избежание хаоса при перемещении огромных материальных и людских ресурсов, что обеспечивает более оперативный процесс интеграции промышленности в военную экономику.

Не обошлось без изменений в сфере трудовых отношений. В связи с нехваткой рабочих рук был принят ряд законов, закрепляющих граждан на местах работы в соответствии с установленными требованиями. Уже 26.06.1941 года был принят Указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», который призвал «отменить очередные и дополнительные отпуска» ввел обязательные сверхурочные работы [3]. За ним, 26.12.1941 года последовал Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», который приравнивал самовольный уход к дезертирству и карался тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет [4]. Вершиной правового регулирования рабочей производительности стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.02.1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного

городского населения для работы на производстве и строительстве», который закрепил возраст мобилизационного трудоспособного населения и меры санкций за уклонения «от мобилизации для работы на производстве и строительстве» [1]. Благодаря вышеприведенным законодательным мерам удалось за короткий срок обеспечить фронт необходимым вооружением и боеприпасами. Не случайно В. И. Масюк подчеркивает, что «меры регулирования трудовых отношений, принятые в Советском Союзе в годы войны, позволили превзойти в выпуске военной продукции фашистскую Германию» [13]. Так, жестокость законодательства была не самоцелью, а вынужденным, но жизненно важным механизмом выживания государства и организации тотального единства фронта и тыла.

Одновременно со стремительно развивающимися изменениями в экономической и правовой сфере государство также направляло силы на укрепление идеологического духа в стране. Научные исследования И. А. Токарева обозначают, что «вместо ленинских принципов интернационализма и мирового коммунистического строительства в пропагандистской работе был сделан акцент на поддержание патриотизма и гражданственности, высокого морального духа советского народа, обеспечения его политического единства» [16]. То есть, власть осознает, что в экзистенциальной войне народ спланивается не вокруг абстрактных коммунистических идеалов, а вокруг образов родной земли, истории и культуры. В работе А. Э. Ларионова и М. В. Дворковой подчеркивается, что «активное использование исторических образов в массовой пропаганде спровоцировало глубокие изменения в идеологической системе, внутренней политике и способах репрезентации власти» [12, с. 175], вероятно, такое использование образов исторических фигур было довольно безнравственным, но это оказалось удивительно эффективным, благодаря данной пропаганде миллионы советских людей сражались уже не за идеи мировой революции, а за свою землю и Родину.

«Неожиданный разворот» произошел в политике по отношению к религии. Несмотря на предыдущие годы искоренения церковного влияния по отношению к советскому населению, государство было вынуждено прибегнуть к мерам вынужденного сотрудничества. В сентябре 1941 года были закрыты антирелигиозные журналы «Антирелигиозник» и «Безбожник», фактически прекратил свою деятельность «Союз воинствующих безбожников», а его лекторам было предписано переключиться на антифашистскую тематику [15].

Таким образом, влияние церкви стало рассматриваться как укрепление мобилизационных ресурсов общества, направленных на устранение вражеских нападений. Основным правовым актом, закрепившим изменение государственной политики, стало Постановление Совета народных комиссаров СССР № 993 «Об организации Совета по делам Русской православной церкви» от 14.09.1943 года, что способствовало налаживанию отношений между властью и церковной иерархией [8].

В заключение хочется отметить, что мобилизационная трансформация советского государства в годы Великой Отечественной войны носила тотальный, всеохватывающий характер. Четыре особо важные сферы – трудовая, экономико-правовая, идеологическая и религиозная – развивались не изолированно, а как взаимосвязанные, взаимоподдерживающие друг друга элементы общей системы выживания. Но при этом хотелось бы отметить некую парадоксальную закономерность.

С одной стороны, произошла усиленная концентрация власти в руках И. В. Сталина через ГКО и Ставку, что придало всему механизму управлению высокоцентрализованный характер. Но также, с другой стороны, такая чрезмерная централизация позволила принимать «молниеносно-организованные решения» и эффективно регулировать действия фронта и тыла - представленный парадокс можно назвать «парадоксом мобилизационной эффективности»: чем жёстче вертикаль и чем меньше центров принятия решений, тем выше скорость адаптации к «экстремальным условиям». В экономико-трудовой сфере государство опиралось на «экстенсивное принуждение» (трудовая повинность, уголовная ответственность за уход с предприятий, отмена отпусков), а в идеологической сфере - на интенсивное убеждение (апелляция к патриотизму, историческим образам, традиционным ценностям). Эти два направления не противоречили, а, наоборот, дополняли друг друга, образуя «бинарный мобилизационный подход» - одновременное использование репрессивных механизмов и смыслового воодушевления, где каждый гражданин становился одновременно и объектом принуждения, и субъектом патриотического выбора.

Список источников

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.02.1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского

населения для работы на производстве и строительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 года «О военном положении» (с изм. от 07.07.1943) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» (с изм. от 09.04.1942) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» (с изм. от 08.09.1943) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР № 421сс от 07.08.1941 года «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.06.1941 года «Образование Государственного Комитета Обороны» // Российский государственный архив социально-политической истории.

7. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23.06.1941 года «О создании Ставки Главного командования Вооруженных сил СССР» // Российский государственный архив социально-политической истории.

8. Постановление Совета народных комиссаров СССР от 14.09.1943 № 993 «Об организации Совета по делам Русской православной церкви» // Электронная библиотека исторических документов.

9. Постановление Совета по эвакуации при СНК СССР 06.08.1941 № СЭ-64сс «О порядке эвакуации предприятий, учебных заведений, организаций и учреждений»

10. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24.06.1941 «О создании Совета по эвакуации»

11. Андреев Д. А. «Органы государственной власти в годы Великой Отечественной войны» (лекция 3 в рамках цикла «Исторический фронт: борьба за память»)

12. Ларионов А. Э., Дворкова М. В. Образы русской истории в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (часть 2) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 174–182.

13. Масюк В. И. Трудовое законодательство СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2(23). С. 155-160.

14. Online-проект «Великая Отечественная война: события истории и судьбы» [Электронный ресурс]. URL: https://old.mrsu.ru/ru/news/war.php?PAGEN_1=4 (дата обращения: 21.04.2026).

15. Слезин А.А., Беляев А.А. Без Бога или против Бога? // ТОГБУ «Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области» (ТОГБУ «ГАСПИТО»). 11.05.2011. [Электронный ресурс] URL: <https://gaspito.ru/materials/publications/articles/bez-> (дата обращения: 21.04.2026).

16. Токарев И. А. Формирование и реализация партийно-государственной политики СССР в сфере идеологии, культуры и образования в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Саратов, 2007. 28 с.

Об авторе:

МАКСИМОВА Клавдия Ивановна – студентка 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: dazaika27@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Дискредитация статуса семьи в контексте злоупотребления правом на брак с участниками специальной военной операции

А. А. Мендаленкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы, связанные со злоупотреблением правом на заключение брака с участниками специальной военной операции. Выделяются проблемы распространения фиктивных брачных союзов, заключаемых из корыстных побуждений, и их влияние на дискредитацию конституционного статуса семьи в условиях СВО. Акцентируется внимание на понятии «добросовестность» в семейном праве, которое приобрело особую практическую значимость в последние годы. В основной части статьи проводится анализ норм действующего законодательства, определяется их влияние на возможность признания таких браков недействительными, а также предлагаются конкретные меры по защите прав военнослужащих.

Ключевые слова: *дискредитация семьи, злоупотребление правом, брак, участники СВО, фиктивный брак.*

Специальная военная операция (далее – СВО), будучи масштабным геополитическим событием, оказала комплексное воздействие на социально-правовые институты Российской Федерации. В этих условиях актуальной проблемой стало злоупотребление правом на брак с участниками СВО, что привело к дискредитации конституционного статуса семьи. Основной проблемой стало противоречие между формальным соблюдением процедуры заключения брака и использованием этого института в корыстных целях, что подрывает его моральные и социальные основы. В докладе я рассмотрю правовую оценку данной практики, ее мотивационную структуру и деструктивные последствия для института семьи на основе анализа современного законодательства и научных исследований.

С юридической точки зрения, брак с участником СВО является законным. Однако ряд обстоятельств позволяет рассматривать его как злоупотребление правом. В соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2]), не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Применительно к рассматриваемой ситуации, ключевым становится отсутствие цели создания семьи, которая является фундаментальным признаком брака по смыслу ст. 17 Конституции Российской Федерации (далее - СК РФ) [3]) © Мендаленкова А.А., 2026. Таким мотивом одной из сторон является не формирование семьи, а целенаправленное использование особого статуса военнослужащего как ресурса, такие действия попадают под признаки злоупотребления правом. Как отмечает А. С. Лопаткина [5, с. 150], злоупотребление семейными правами представляет собой умышленные действия участников семейных правоотношений, касающиеся осуществления прав, исполнения обязанностей (а порой выходящие за эти рамки), направленные на нарушение прав других участников либо имеющие целью исключительно причинение вреда. В свою очередь, В. С. Кисель и Е. В. Гуменюк [4, с. 61-62] подчёркивают, что ключевое различие между законным браком и фиктивным браком заключается именно в мотиве – в отсутствии желания создания семьи. В семейных отношениях злоупотребление правом часто маскируется под правомерные действия, что затрудняет доказывание, но не отменяет самой сути явления. Более того, осуществление таких прав напрямую нарушает конституционный принцип, закреплённый в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1]), согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Речь идет о так называемых фиктивных браках, где форма заключения брака соблюдена, но содержание искажено корыстным умыслом.

Почему люди идут на такие браки? Думаю, можно выделить три основных побуждения.

1. Материальные выплаты. Участники СВО и их семьи получают существенные суммы: ежемесячные пособия, единовременные выплаты при ранении или гибели, подъёмные при заключении контракта. Эти деньги перечисляются на счета, доступ к которым имеет и супруг (супруга). Государственная поддержка данных выплат гарантируется положениями ст. 7 Конституции РФ, провозглашающей Российскую Федерацию социальным государством.

2. Жилищные льготы. «Военная ипотека» - это очень выгодный инструмент. Государство оплачивает большую часть кредита. Если вступить в брак с военнослужащим, можно претендовать на жильё на льготных условиях. В случае расторжения брака - на долю в этом жилом помещении.

3. Наследство. Если военнослужащий погибает, его супруг (супруга) становится наследником первой очереди наряду с детьми и родителями.

Подобные браки часто заключаются в кратчайшие сроки, нередко во время кратковременных отпусков военнослужащих, что свидетельствует об отсутствии периода предбрачного общения. Как показывает анализ материалов в СМИ, нередко случаи, когда женщины активно ищут знакомства с военнослужащими через специализированные группы в социальных сетях, что указывает на целенаправленный характер их действий.

Социальный вред рассматриваемого явления многогранен и выходит за рамки частных правоотношений. Прежде всего, подобные случаи – а они, к сожалению, не единичны – получая огласку, формируют в общественном сознании устойчивый негативный образ семьи военнослужащего, бросая тень на все супружеские союзы, где один из партнёров является участником СВО. Это фактически ведёт к дискредитации статуса семьи как конституционной ценности: подрываются моральные устои общества и авторитет традиционной семьи, которые так важно сохранять. Кроме того, нельзя забывать и об эксплуатации уязвимого положения самого военнослужащего.

Находясь в состоянии физического и психоэмоционального стресса, он становится повышено уязвим для манипуляций, может быть легко введён в заблуждение относительно истинных мотивов второй стороны, а его потребность в эмоциональной поддержке – безнравственно использована. В результате он рискует не только имущественными правами, но и психологическим здоровьем, столкнувшись с предательством.

Для защиты военнослужащих от недобросовестных посягательств и сохранения авторитета института семьи, я думаю, необходимо принять несколько мер правового и организационного характера. В первую очередь следует комплексно упростить процедуру оспаривания брака, заключённого с участником СВО. На сегодняшний день доказывание фиктивности такого союза сопряжено с большими сложностями: требуется собрать множество косвенных доказательств, а процесс затягивается на месяцы. Как справедливо отмечают В. С. Кисель и Е. В. Гуменюк [4, с. 62-63], фиктивность брака может быть доказана в случаях, если супруги не проживают вместе, не имеют личных контактов, не ведут совместного бюджета, не оказывают поддержки друг другу. Представляется разумным закрепить в законодательстве право самого военнослужащего, а в случае его

гибели или тяжёлого ранения - его близких родственников (родителей, детей, опекунов) обращаться в суд с заявлением о признании брака недействительным по упрощённой процедуре. При этом достаточно будет представить убедительные свидетельства корыстного умысла второй стороны: например, факт заключения брака в краткосрочный отпуск, отсутствие совместного проживания после регистрации, немедленное оформление доверенностей на получение выплат, а также доказательства того, что супруг (супруга) не интересовался состоянием здоровья военнослужащего и не поддерживал с ним никаких семейных отношений, кроме формальных. Упрощение не должно означать отказ от состязательности процесса, но может выражаться в сокращении сроков рассмотрения, возможности подачи заявления по месту нахождения воинской части и в возложении бремени опровержения на недобросовестного супруга.

Кроме того, судам следует гораздо активнее и последовательнее применять нормы о злоупотреблении правом, закреплённые в ст. 10 ГК РФ [2], при рассмотрении семейных споров с участием военнослужащих. Как верно подчёркивает А. С. Лопаткина [5, с. 150], злоупотребление семейными правами является основанием их ограничения в виде применения мер семейно-правовой ответственности. В условиях специальной военной операции, когда военнослужащие находятся в состоянии физического и психоэмоционального напряжения, а их потребность в эмоциональной поддержке делает их крайне уязвимыми для манипуляций, формальный подход недопустим. Суды должны не только признавать такие браки недействительными при наличии доказательств корыстного умысла, но и взыскивать с недобросовестной стороны моральный вред в пользу обманутого военнослужащего. Речь идёт не столько о крупных денежных суммах, сколько о самом принципе: человек, который использовал участника СВО в корыстных целях, должен нести полную ответственность - включая компенсацию за причинённые нравственные страдания, предательство. Такая практика станет сдерживающим фактором для тех, кто рассматривает брак с военным как лёгкий способ обогащения.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что практика злоупотребления правом на брак с участниками специальной военной операции - это отнюдь не единичные случаи мошенничества. Сегодня это, по сути, системная угроза, ведущая к дискредитации одного из фундаментальных социальных институтов - семьи. Если вовремя не принять описанные выше меры - не упростить судебные процедуры,

не взыскивать моральный вред с недобросовестных супругов, существует риск окончательно подорвать доверие к институту брака в целом. А это в условиях демографического кризиса и необходимости укрепления традиционных ценностей, защита которых гарантируется, абсолютно недопустимо. Защита семьи как конституционной ценности должна быть не декларативной, а реальной, и начинается она с защиты тех, кто рискует своей жизнью на передовой, от циничных посягательств тех, кто видит в них лишь источник выгоды.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кисель В.С., Гуменюк Е.В. Фиктивность брака как основание его недействительности // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2023. № 2(51). С. 61–65.

5. Лопаткина А.С. Злоупотребление семейными правами как основание ограничения семейных прав // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4.

Об авторе:

МЕНДАЛЕНКОВА Алина Алексеевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: alina.mendalenkova234@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Трансформация органов юстиции глазами Г. Р. Державина в контексте фундаментальной оппозиции войны и мира

В. Д. Мисингевич

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется эволюция взглядов Г. Р. Державина на роль российских органов юстиции, начиная с подавления Пугачёвского бунта как столкновения хаоса войны и правового порядка. Автор анализирует концепцию Министерства юстиции как центрального оплота законности, способного противостоять бюрократическому произволу и коррупции. Проводится диахронный анализ державинских принципов личной неподкупности и институциональной прозрачности, с одной стороны, и механизма функционирования Минюста России, включая цифровую трансформацию ведомства, с другой стороны. Обосновывается, что идеи Г. Р. Державина о связи правосудия с нуждами общества и защитой прав граждан сохраняют фундаментальную значимость для отечественной правовой системы.

Ключевые слова: Министерство юстиции, история органов юстиции, восстание Е. И. Пугачёва, трансформация государственного аппарата, законность.

Изучение взглядов Г. Р. Державина как первого министра юстиции Российской империи имеет важное значение для понимания истоков формирования отечественной правовой системы. Сопоставление идей видного государственного деятеля с современным функционированием Министерства юстиции Российской Федерации (далее также – Минюст, Министерство) позволяет оценить преемственность и эволюцию функций данного органа публичной власти.

Значение деятельности и идейного наследия Г. Р. Державина для становления отечественной правовой системы нельзя переоценить, однако истоки его государственного мышления лежат не в тишине министерских кабинетов, а в гражданском противостоянии. Его участие в подавлении восстания Е. И. Пугачёва стало той отправной точкой, где в условиях реальной «внутренней войны» закалялся характер будущего министра. Именно этот суровый опыт столкновения с хаосом, беззаконием и народным гневом сформировал в Г. Р. Державине понимание того, что право – это единственный надёжный инструмент перехода от разрушительной войны к устойчивому миру.

Профессиональное становление Г. Р. Державина началось с проявления исключительной личной воли. Узнав о наборе в комиссию по подавлению Пугачёвского бунта, он, не имея ни влиятельных покровителей, ни протекции, решительно явился к генерал-аншефу. Благодаря природному упорству и готовности брать на себя ответственность в кризисной ситуации Г. Р. Державину удалось добиться назначения.

Изложенное позволяет выдвинуть утверждение, согласно которому Г. Р. Державин в своей служебной деятельности руководствовался принципиальными позициями о необходимости следования идеалам законности и справедливости, вопреки укоренившимся в тот период в сознании государственных служащих идеям «кумовства». Указанные идеалы были воплощены в жизнь в контексте организации деятельности Министерства.

Наглядной иллюстрацией подхода Г. Р. Державина является его поездка в г. Казань. Именно эту поездку надлежит рассматривать как момент раскрытия его аналитических и стратегических способностей. Так, Г. Р. Державин лично проводил опросы крестьян и отслеживал перемещения разведывательных отрядов повстанцев во время крестьянской войны в целях восстановления правопорядка. В период, когда общество подвергалось негативному влиянию недостоверной информации, что, в свою очередь, было связано с объективно существовавшими рисками утраты подлинных правовых идеалов российского народа, Г. Р. Державин сформировал уникальный стиль управления. Проявлением этого стиля явилось принятие публично-властных решений на основе достоверных данных, полученных от крестьян, в строгом соответствии с интересами неопределённого круга лиц и вопреки сформировавшимся догмам.

Наиболее актуально значимыми направлениями деятельности Г. Р. Державина и фактическим прообразом его будущего служения на посту министра стали следующие направления его деятельности. Прежде всего, Г. Р. Державин посвятил себя органическому сочетанию следственно-судебной и полицейской работы. Наряду с этим следует указать на деятельное участие Г. Р. Державина в боевых операциях, проводившихся в период восстаний, на основе сочетания планирования, общего администрирования деятельности подчинённых и регламентации таковой.

Будучи хорошо образованным человеком, Г. Р. Державин стремился к оказанию воздействия на сознание масс, используя в первую очередь метод словестного, но не силового убеждения, хотя

условия войны периодически вынуждали его применять жёсткие карательные меры, на что справедливо обращает внимание М. Б. Аверин [2, с. 37-40].

На наш взгляд, главной чертой характера Г. Р. Державина, позволившей ему эффективно совмещать административно-управленческие и контрольно-стратегические функции, явилась честность. Основным пороком Отечества, ставшим детерминантой народного бунта, согласно Г. Р. Державину, являлись злоупотребления и коррупция чиновничьего аппарата. Ведь восстание по своей сути являло собой не столько военную угрозу, сколько угрозу ментального и ценностно-когнитивного разложения общества. Учёт указанных обстоятельств был положен Г. Р. Державиным в основу борьбы с должностными преступлениями в целях восстановления веры народа в справедливое государство и укрепление незыблемости его основ на посту министра юстиции.

Период с 08.09.1802 по 07.10.1803 был ознаменован осуществлением Г. Р. Державиным деятельности в указанной должности. Став первым в Российской империи министром юстиции в рамках проведённой Императором Александром I административной реформы, Г. Р. Державин фактически сосредоточил в своих руках исполнительно-распорядительные функции. Занятие должности министра также предполагало осуществление функций генерал-прокурора, что, по нашему мнению, позволяет прийти к выводу об осуществлении указанным государственным деятелем надзорных функций наряду с иными. При этом Г. Р. Державин осуществлял надзор и за законностью (правильным применением норм материального и процессуального права) судебных решений, за исключением актов духовного, военного, морского ведомств как особых инстанций.

Как видится, несмотря на то, что период осуществления Г. Р. Державиным служебной деятельности на посту министра юстиции оказался ограничен рамками одного года, необходимо подчеркнуть, что именно в этот период и именно благодаря заслугам данного государственного деятеля в Российской империи были сформированы предпосылки для развития системы юстиции в духе следования букве закона и духу права, что отразилось на последующем развитии правовой системы Союза ССР и в особенности современной России как демократического, правового, социального государства, призванного на основе принципов законности, справедливости, равенства и гуманизма в их

конституционном инварианте равным образом признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Независимость от конъюнктурных требований и готовность одного человека отстаивать подлинно конституционные идеалы и убеждения, не всегда совпадавшие с волей политических элит того времени, по нашему мнению, предопределили перспективы будущего развития Отечества.

Кроме того, в компетенции Минюста находились вопросы кадрового обеспечения судебной системы, включая назначение, ротацию и увольнение служащих. Дополнительно на министра юстиции, который одновременно исполнял обязанности генерал-прокурора, возлагались прокурорские функции при Верховном уголовном суде. Таким образом, его полномочия в сфере правозащиты и надзора носили экстенсивный характер, охватывая кадровое делопроизводство и контроль за судебной деятельностью [4, с. 56-60].

В период пребывания Г. Р. Державина на посту министра юстиции им был осуществлён ряд организационных преобразований. К числу инноваций относится введение практики консультаций министра с обер-прокурорами по делам, характеризующимся повышенной сложностью или имеющим прецедентное значение. Данная мера способствовала коллегиальному обсуждению и повышению обоснованности принимаемых решений в ведомстве.

Деятельность Г. Р. Державина на указанном посту была сфокусирована на решении ключевых организационных и правоохранительных задач. В частности, его усилия были направлены на разграничение компетенций и оптимизацию взаимодействия между учреждёнными министерствами [3, с. 17-21].

Основные принципы, которыми руководствовался Г. Р. Державин на посту первого министра юстиции, можно сформулировать следующим образом:

1. Принципиальная приверженность законности. Безусловное следование букве закона и духу права на всех уровнях власти, что выражалось в его знаменитом кредо «шел по стезе правды» и нетерпимости к нарушению правовых норм, в том числе Императором, министрами.

2. Непримируемая борьба с коррупцией и злоупотреблениями. Активное противодействие взяточничеству, хищению государственных средств и должностным преступлениям, что нашло

отражение в разработке им Указа «О судимых в уголовных палатах за преступление должностей чиновников».

3. Укрепление надзорной функции. Усиление контроля за деятельностью всех судебных мест Империи, включая введение практики коллегиальных консультаций с обер-прокурорами для повышения обоснованности решений в сложных случаях.

4. Оптимизация и повышение эффективности судопроизводства. Введение мер по сокращению канцелярской волокиты (бюрократии) с целью ускорения процесса принятия решений и обеспечения быстрого удовлетворения законных требований истцов.

5. Институциональная прозрачность и отчётность. Требование строгой финансовой отчётности от всех министерств, а также разработка правил внутреннего распорядка, чётко регламентирующих обязанности должностных лиц.

6. Личная неподкупность и служебный образец. Демонстрация образцовой самодисциплины, трудоспособности и транспарентности для общества, что противопоставлялось чванству и корыстным мотивам, распространённым среди чиновничества той эпохи.

По мнению Г. Р. Державина, Министерство должно было стать центральным, мощным и безупречным органом в системе государственного управления. Г. Р. Державин видел в Минюсте не просто административный аппарат, а главный оплот законности и справедливости. Министерство должно было осуществлять строгий и неуклонный надзор за правильностью действий всех судебных инстанций, обеспечивая верховенство права. Г. Р. Державин считал борьбу с коррупцией и злоупотреблениями своей первостепенной задачей, что требовало от служащих абсолютной неподкупности и личной честности [5, с. 148]. Министр юстиции должен был служить личным примером для всех чиновников, демонстрируя самодисциплину и доступность для просителей.

Г. Р. Державин выступал за строгую отчётность и контроль за расходованием государственных средств, требуя прозрачности от всех министерств. Он стремился к созданию прочных связей с обществом, чтобы деятельность Министерства не была оторвана от нужд простых граждан. Концепция Г. Р. Державина предполагала, что Минюст должен стать независимым гарантом справедливости, способным противостоять давлению влиятельных сановников и даже императорской воле ради соблюдения закона. В результате Минюст в его видении был фундаментом правопорядка, а не просто исполнительным ведомством.

В настоящее время Министерство представляет собой федеральный орган исполнительной власти, который реализует функции по выработке, реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере юстиции [1].

Наследие Г. Р. Державина, первого министра юстиции Российской империи, остаётся фундаментально значимым для понимания и оценки современной роли Министерства. Заложенный им принцип бескомпромиссной борьбы с коррупцией и должностными преступлениями отражается в участии современного Минюста в разработке актов антикоррупционного законодательства. К примеру, в период с июля по сентябрь 2019 года Министерством была проведена антикоррупционная экспертиза 789 проектов нормативных правовых актов. В результате экспертизы в 10 из указанных проектов были идентифицированы 14 коррупциогенных факторов. Таким образом, анализ демонстрирует продолжающуюся работу Министерства по выявлению и устранению условий, способствующих проявлениям коррупции на уровне её легализации [10].

Стремление Г. Р. Державина к укреплению надзорной функции трансформировалось в ключевую роль Минюста в координации и контроле за деятельностью ФСИН и ФССП. Министерством были осуществлены разработка и публичное размещение пакета законопроектов, имеющих целью создание и обеспечение функционирования инновационной системы принудительного исполнения судебных актов и актов иных уполномоченных органов. Ключевым элементом данной системы является Единый государственный реестр исполнительных документов, который призван фундаментально изменить и оптимизировать процесс исполнительного производства [7].

Принцип эффективности и устранения бюрократической волокиты, который Г. Р. Державин внедрял в своей канцелярии, находит отражение в современных программах цифровизации и оптимизации государственных услуг в сфере юстиции. Идея Г. Р. Державина о связи Минюста с обществом и доступности правосудия реализуется через деятельность по правовому просвещению граждан и оказанию бесплатной юридической помощи.

Участие ведомства в нормотворческой деятельности, инициированное через Комиссию составления законов, остается одной из центральных функций современного Минюста. В частности, принцип доступности правосудия и связи с обществом, заложенный первым министром, находит отражение в работе Минюста по

институционализации государственной системы бесплатной юридической помощи в регионах. В качестве конкретного примера можно привести принятие Правительством Тверской области постановления об учреждении государственного юридического бюро на территории субъекта. Данный акт является свидетельством того, что Тверская область стала 73-м субъектом Российской Федерации, инициировавшим создание госюрбюро. Это указывает на принятие уполномоченным органом публичной власти мер системного характера по повышению эффективности оказания правовой помощи населению [6]. Кроме того, представляется принципиально значимым в контексте воплощения в реальную правовую действительность сформулированных Г. Р. Державиным принципов обеспечение доступа ко всей информации о деятельности Министерства на его официальном сайте в сети Интернет [8].

Требование Г. Р. Державина о личной неподкупности и высокой моральной ответственности чиновников является неизменным этическим стандартом для сотрудников Министерства и сегодня. Его усилия по систематизации законодательства и чёткому разграничению компетенций между органами публичной власти заложили основу для современной работы по правовому мониторингу. Хотя предложенная им концепция третейских судов не была реализована в период осуществления им служебной деятельности, она предвосхитила создание современных институтов арбитража и медиации. Минюстом осуществлены разработка и публичное размещение проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данная законодательная инициатива была подготовлена в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации. Основной целью указанного проекта является создание благоприятного правового режима для повышения эффективности разрешения споров в рамках третейского разбирательства, что также способствует укреплению статуса Российской Федерации как проарбитражной юрисдикции [9].

Однако есть и те принципы, которые не нашли отражения в настоящем времени. Минюст в понимании Г. Р. Державина должен был управлять и контролировать все судебные учреждения империи (за исключением специальных судов). Сегодня судебная система Российской Федерации функционирует как независимая ветвь власти (на основе принципа разделения властей). Минюст не руководит судами, а лишь регулирует деятельность связанных с ними

институтов (адвокатура, нотариат) и отвечает за материально-техническое обеспечение судов (через Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации).

Подводя итог исследованию органов юстиции сквозь призму взглядов Г. Р. Державина, можно сделать вывод, что формирование личности государственного деятеля в условиях «внутренней войны» предопределило его понимание юстиции не как карательного механизма, а как единственного инструмента достижения гражданского мира. Для Г. Р. Державина системная борьба с коррупцией и должностными преступлениями – «основным пороком Отечества» – была способом устранить первопричины социальных конфликтов, переводя энергию «войны» в созидательное русло законного порядка. Сформулированные первым министром принципы заложили морально-этический фундамент российской юстиции. Его наследие остаётся не просто историческим артефактом, а актуальной моделью ценностей.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13.01.2023 № 10 (ред. от 17.09.2025) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

2. Аверин М.Б. Участие Г.Р. Державина в подавлении восстания Емельяна Пугачева // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 35-44.

3. Архипов В.В. Г.Р. Державин на посту министра юстиции Российской Империи: символизм истории и современности // Мониторинг правоприменения. 2023. № 2 (47). С. 17-21.

4. Третинников А.А., Крижановская Г.И. Первый министр юстиции – Гавриил Романович Державин // Юридическая наука: история и современность 2022. № 5. С. 56-60.

5. Ходасевич В.Ф. Державин. М.: Статут, 2011. 248 с.

6. В Тверской области создаётся государственное юридическое бюро [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50940/> (дата обращения: 09.11.2025).

7. О создании Единого государственного реестра исполнительных документов [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50787/> (дата обращения: 09.11.2025).

8. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/> (дата обращения: 09.11.2025).

9. Разработан законопроект, направленный на совершенствование законодательства в сфере третейского разбирательства [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50786/> (дата обращения: 09.11.2025).

10. Статистические данные о проведении антикоррупционной экспертизы Минюстом России [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/43689/> (дата обращения: 09.11.2025).

Об авторе:

МИСИНГЕВИЧ Виктория Дмитриевна – студентка 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: viktoria.misingevitch@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Конституционный статус ядерного оружия как фактора глобального сдерживания

И. В. Мотайлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье предпринимается попытка сравнительной идентификации конституционного статуса ядерного оружия в Российской Федерации и на международном уровне.

Ключевые слова: Конституция РФ, ядерное оружие, ядерная доктрина, ядерное сдерживание, международные отношения.

*Если в первом акте пьесы на стене висит ружьё,
то в последнем оно непременно должно выстрелить*

А. П. Чехов

*Я не знаю, каким оружием будет вестись Третья мировая война,
но Четвёртая будет вестись палками и камнями*

А. Эйштейн

6 и 9 августа 1945 года на Хиросиму и Нагасаки американскими самолетами были сброшены бомбы невиданной прежде по разрушительности силы, унесшие жизни более двухсот тысяч человек. Мир перестал быть прежним: возникла проблема, как юридически упорядочить существование средств, способных уничтожить наш мир.

Вопрос о месте ядерного оружия в современной системе международных отношений развеял уможирительные представления людей об оружии, как о явлении исключительно военной или технической проблематики: ядерное оружие понесло не только военную, но и глобальную политическую, социальную и моральную нагрузку. Поэтому правовой режим вокруг него стал не просто техническим инструментом контроля, а важнейшим элементом международной безопасности: вопрос о пределах применения силы никогда еще не вставал настолько остро. В данном контексте особый интерес представляет анализ того, как закрепляется или, наоборот, не закрепляется существование ядерного вооружения на уровне конституционного регулирования и каким образом это влияет на глобальную систему сдерживания. Стремительное развитие инновационных направлений науки приводит к тому, что люди, что называется, «забывают» о правовом регулировании возможных научных последствий, а также методов, используемых для

достижения этих последствий [9]. Право, в конечном итоге, как «искусство должного», «искусство добра и справедливости» должно отвечать и на такие вопросы, ибо применительно к проблеме существования ядерного оружия, несомненно, грандиозного научного творения, речь идет уже о не менее грандиозной по своим масштабам проблеме - уже экзистенциальной для всего человечества.

Прежде всего стоит отметить, что прямое упоминание ядерного оружия в Конституциях государств встречается крайне редко: в большинстве случаев подобные вопросы остаются в сфере военной доктрины, стратегических концепций или закрытых нормативных актов. Тем не менее косвенное регулирование использования ядерного вооружения всё же прослеживается. В Конституциях закрепляются такие категории, как оборона, неприкосновенность, суверенитет. В соответствии со ст. 4 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории» [1]: казалось бы, абстрактное положение основного закона формирует правовую рамку, в которую вписывается и ядерный потенциал.

В России основы государственной политики в области ядерного сдерживания регламентирует Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 года «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» [6], в соответствии с которым устанавливается комплекс мер в отношении потенциального противника, под которым понимаются «отдельные государства и военные коалиции (блоки, союзы), рассматривающие Российскую Федерацию в качестве потенциального противника и обладающие ядерным и (или) другими видами оружия массового поражения либо значительным боевым потенциалом сил общего назначения». Следует обратить внимание на то, что ядерное оружие рассматривается именно как «оружие для недопущения ядерной войны», но Российская Федерация «оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и (или) других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации и (или) Республики Беларусь как участников Союзного государства с применением обычного оружия, создающей критическую угрозу их суверенитету и (или) территориальной целостности».

Самобытность ядерного вооружения прослеживается в его двойственной природе: с одной стороны, такое оружие выступает

инструментом обеспечения национальной безопасности, с другой - представляет угрозу существованию человечества, вследствие чего, многие государства предпочитают сохранять своего рода «гибкость», не фиксируя «жесткие» положения на уровне основного закона.

Важной частью конституционного статуса ядерного оружия является и распределение полномочий высших органов власти по реализации государственной политики в области применения средств массового поражения. К примеру, в соответствии с той же ядерной доктриной Российской Федерации (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г.) общее руководство государственной политикой в области ядерного сдерживания осуществляет Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации «осуществляет меры по реализации экономической политики, направленной на поддержание и развитие средств ядерного сдерживания», Совет Безопасности Российской Федерации «формирует основные направления военной политики в области ядерного сдерживания», а Министерство обороны Российской Федерации через Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации «осуществляет непосредственное планирование и проведение мероприятий организационного и военного характера в области ядерного сдерживания» – всё это напрямую связано с возможностью использования ядерного арсенала.

Несомненно, во имя глобальной безопасности отдельного внимания заслуживает опыт государств, отказавшихся от обладания ядерным оружием или закрепивших безъядерный статус. Например, Казахстан – территориальный исток испытания советской атомной бомбы РДС-1, на добровольной основе отказался от 4-го в мире ядерного арсенала после распада СССР, несмотря на возможность обрести статус одной из ведущих ядерных держав мира. 29.08.1991 года Президентом Казахской ССР Нурсултаном Назарбаевым был подписан указ о закрытии Семипалатинского ядерного полигона [7], в декабре 1993 года Верховный Совет Республики Казахстан ратифицировал Договор о нераспространении ядерного оружия [2] (далее – ДНЯО), затем ратифицировал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний [5] (далее – ДВЗЯИ), а в 2019 году ратифицировал Договор о запрещении ядерного оружия [3] (далее – ДЗЯО). Подобный политический лейтмотив, является наиболее благоразумным шагом на пути к обеспечению мировой стабильности. Но, к сожалению, такой порядок преобразования юридического статуса ядерного оружия, устраняющего «корень» проблемы, распространяется далеко не на все пределы мирового сообщества...

Как и было отмечено ранее, юридический статус ядерного оружия, как фактора глобального сдерживания, включает и международные соглашения [10]: такие как ДНЯО, ДВЗЯИ, ДЗЯО и т.д. Несмотря на упования человечества и, казалось бы, благих намерений применительно к регламентации «экзистенциального» оружия, успешность подобных мер, в конечном счете, весьма сомнительна и косвенна. Так, вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний возможно лишь при условии его ратификации 44 государствами, перечисленными в Приложении 2 настоящего Договора. На сегодняшний день ДВЗЯИ ратифицировали 36 государств, включая три официальные ядерные державы - Россию, Великобританию и Францию. При этом Индия, КНДР и Пакистан договор не подписали, а США, Китай, Египет, Израиль и Иран, несмотря на подписание, процедуру ратификации не завершили. Вследствие этого договор до настоящего времени не вступил в юридическую силу.

Кроме того, Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений [4] (далее – ДСНВ), вступивший в силу 05.02.2011 г. и направленный на укрепление взаимного доверия, транспарентности и сотрудничества между двумя государствами, был приостановлен Федеральным законом, вступившим в силу 28.02.2023 г. Российская Федерация продолжала соблюдать положения ДСНВ, однако, по мнению российской стороны, Соединённые Штаты достигали выполнения договорных обязательств посредством недобросовестных манипуляций, включая одностороннее и нелегитимное исключение части американских стратегических наступательных вооружений из общего зачёта под предлогом их «переоборудования» [8].

Действительно, без договоров, норм, процедур верификации и международных обязательств ядерное оружие перестало бы выполнять роль фактора стабильности и превратилось в источник хаоса. Укрепление международно-правового режима в области ядерного оружия – одна из главных задач мировой безопасности. Но насколько международные договоренности эффективны, если их нарушения могут повлечь за собой лишь международное давление и изоляцию? Это вопрос не риторический.

Правовое регулирование ядерного вооружения формирует значимый морально-правовой барьер, усиливающий эффект сдерживания: государства обладают оружием, но осознают масштаб последствий его использования.

Несмотря на упования и усилия международного сообщества, направленные на решение проблемы ограничения ядерных вооружений, пока что нам представляется возможным лицезреть лишь «потуги» этого же международного сообщества, схожие в большей степени с «агонией». Препятствием к благоприятному решению проблемы выступает специфика международного права, значительная часть норм которого носит рекомендательный характер, а фундаментальные принципы международного права исключают вмешательство государств во внутренние дела друг друга. И что в результате? Вопрос ограничения ядерного вооружения продолжает оставаться нерешённым. Более того, большинство государств, обладающих ядерным оружием, явно не готовы добровольно отказаться от него, поскольку оно выполняет не только разрушительную, но и сдерживающую функцию. К слову, Человечество фактически спасается от себя же самого... И резкое полное запрещение ядерного оружия способно, напротив, негативно сказаться на состоянии международной безопасности. Вывод напрашивается сам собой: система контроля и ограничения ядерных вооружений нуждается в серьёзной модернизации. Шанс полного отказа человечества от ядерного оружия маловероятен, а скорее даже близок к нулю, однако предотвращение его распространения среди неядерных государств должно оставаться одной из ключевых задач мирового сообщества, которое, как будем надеяться, заинтересованно в сохранении глобальной стабильности и мира.

Подводя итог, следует отметить, что конституционный статус ядерного оружия носит опосредованный и во многом скрытый характер. Он проявляется через систему полномочий органов государственной власти, принципы государственного устройства и пресловутые международные обязательства. Безусловно, государствам необходимо адаптироваться к меняющейся геополитической обстановке, но их конституционные нормы формируют базис для принятия стратегических решений, определяя тем самым пределы допустимого и структуру ответственности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Договор о нераспространении ядерного оружия: принят 01.07.1968 // Министерство иностранных дел России // официальный сайт // URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

3. Договор о запрещении ядерного оружия: принят 07.07.2017 // Министерство иностранных дел России // официальный сайт // URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

4. Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений: подписан 08.04.2010 // Министерство иностранных дел России // официальный сайт // URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

5. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: принят 10.09.1996 г. // Министерство иностранных дел России // официальный сайт // URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

6. Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 «Об утверждении Основ государственной политики в области ядерного сдерживания» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Указ Президента Казахской Советской Социалистической Республики от 29.08.1991 «О закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона» // СПС «КонсультантПлюс».

8. О российско-американском Договоре о СНВ и ситуаций, приведшей к решению о приостановлении его действия // Министерство иностранных дел России // официальный сайт // URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 18.03.2026).

9. Сапронова Т. П., Черевко В. В. К вопросу о конвергенции естественных наук и права в новых реалиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 118-123.

10. Хараман Е. Е. Международно-правовые и сущностные характеристики понятия «ядерная безопасность» // Международное право. 2024. №4.

Об авторе:

МОТАЙЛОВ Иван Васильевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: motailov200577@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Гуманистический этос права и его испытание войной: ответственность юридической науки перед человечеством

Э. Ю. Насибова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье поставлены вопросы гуманистического этоса права и его испытания войной, а также ответственности юридической науки перед человечеством. Автор руководствуется убеждением, что главной задачей права всегда было защищать человека, его жизнь и достоинство, и именно это принято называть «гуманистическим этосом» – духом человеколюбия, закрепленным в законах.

Ключевые слова: *этос, гуманизм, юридическая наука, война.*

Война всегда есть что-то крайнее: крайнее проявление силы, власти, где человеческие принципы, которыми каждый руководствуется в обществе каждодневно, теряют своё значение. В вооружённых конфликтах чаще всего действует логика «убей или будешь убит», и именно из-за этого гуманизм погибает первым [3, с. 178]. Перед юристами в подобных обстоятельствах встаёт вопрос – какую ответственность несёт наша наука за тот факт, что законы перед оружием бессильны?

В теории под гуманистическим этосом понимается приоритет личности, а это означает, что государство существует для человека, а не наоборот, далее – ограничение произвола, ведь даже самый главенствующий начальник, или же президент, обязаны подчиняться закону, а также важно упомянуть про милосердие, ведь право обязано помнить об амнистии и восстановлении справедливости [4, с. 55]. Все описанные правила работают как часы, либо же стремятся к этому, особенно в мирное время, когда суды функционируют, и есть время и средства на адвокатов, а также контроль общества. Во время войны государство находится в режиме «осажденной крепости», из-за чего гуманизм подвергается таким процессам, как становление права инструментом оправдания насилия, и юридические термины используются как оправдание преступности. Также нельзя не упомянуть о таком делении как на «своих и чужих», ведь в данном процессе право есть не всеобщий уравниватель, а привилегия, и юридическая наука переводит внимание с защиты человека на интересы армии, а ученые, в свою очередь, рассуждают не о спасении людей и их прав, а о правильном оформлении трофеев [1, с. 26]. Далее происходит нечто еще более страшное – гибнет правда, и понятия «преступление» и «подвиг» спокойно меняют местами в зависимости от того, кем данное действие совершается, кто его оценивает.

Разумеется, у юридической науки есть два варианта развития: стать слугой государства, ссылаясь на особый период и необходимость поддержки национальных интересов, либо же хранить понимание о том, что есть гуманизм, отчего существуют абсолютные запреты на пытки, атаки на гражданских лиц, и существовать в рамках законов – истинных (правовых) законов, которые не меняются под влиянием обстоятельств или же законодателя [2, с. 73].

Ответственность юристов – это не абстракция, а конкретные действия, которые должны быть направлены на изучение и фиксирование преступлений, ведь даже если суды не функционируют, юристы должны фиксировать факты нарушения права, в первую очередь гуманитарного.

Необходимым считается в условиях войны разрабатывать модели правосудия, которое настигнет после конфликта, ведь вопросы о том, как судить военных преступников, или же следует ли амнистировать выполняющих приказ, и как вернуть людям доверие ко всей правовой системе, обязательно встанут перед юристами.

Таким образом, роль юриста в первую очередь заключается в том, чтобы следить за сохранностью смысла, ведь гуманистический этос, права и война есть вещи несовместимые, войны всю историю человечества пытались искоренить гуманизм из писаний, оставив только власть и жестокость. Даже у войны есть пределы, и ответственность юридической науки заключается в напоминании, что у человека с любым гражданством и статусом есть достоинство, которое подлежит защите.

Список источников

1. Аулов В.К. Международное гуманитарное право (право вооруженных конфликтов): учебник для вузов / В.К. Аулов, А.Н. Сотников, Ю.Н. Туганов. М.: Юрайт, 2026. 73 с.

2. Вахрушева Е.А. Правосудие переходного периода как концепт и практика: политологический анализ // Антиномии. 2020. № 4. С. 65-81.

3. Гэлбрейт Д.К. Справедливое общество гуманистический взгляд // Социология власти. 2006. № 2. С. 177-183.

4. Евсеев С.С. Идея гуманизма в международном гуманитарном праве: от древнего мира до принятия первых международных договоров // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 51-61.

Об авторе:

НАСИБОВА Эфсана Юсифовна – студентка 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Oksananasibova900@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Меры поддержания правопорядка и недопущения развития беззакония в условиях вооружённого конфликта

П. В. Ноздрин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются некоторые меры и способы поддержания и сохранения правопорядка, а также недопущения развития беззакония и совершения преступлений в условиях ведения государством военных действий, а также демонстрируется эффективность этих мер.

Ключевые слова: *вооружённый конфликт, укрепление правопорядка, недопущение развития беззакония, нарушение норм гуманизма, подразделения военной полиции, специальные военные суды, введение комендантского часа.*

Прежде всего, необходимо отметить, что данная тема неимоверно важна для ознакомления с проблематикой в целях её дальнейшего углублённого и детального изучения, ведь поддерживать и укреплять правопорядок, сохраняя его стабильное функционирование, избегая и предотвращая развитие беззакония и увеличение его масштабов, особенно необходимо в условиях вооружённого конфликта.

Вооружённым конфликтом, или войной, является борьба, имеющая некоторую продолжительность во времени, ведущаяся посредством вооружённой силы и достигающая некоторой интенсивности, между группировками определённого размера, состоящими из индивидуумов, которые носят оружие, имеют отличительные знаки, подчинены военной дисциплине и находятся под ответственным командованием [6, с. 16].

Также следует упомянуть о том, что по своей сути война является нарушением принципа гуманизма и развивающих его норм. В подтверждение этого в своём трактате «К вечному миру» немецкий философ, один из мыслителей эпохи Просвещения, И. Кант затрагивает концепцию «всеобщего гостеприимства», согласно которой каждый чужестранец имеет право на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом [7, с. 16]. Однако в действительности при ведении вооружённого конфликта следование данной концепции и применение её в правовой реальности является проблематичным и труднодостижимым, поскольку участники такого конфликта зачастую ставят интересы своего государства выше гуманистических основ, из-за чего многие права человека и

гражданина, закреплённые Конституцией Российской Федерации и общепризнанными нормами международного права, оказываются нарушены. К примеру, согласно ст. 20 Конституции РФ каждый имеет право на жизнь [1], но в ходе ведения военных действий данное право нарушается ежедневно, и масштаб его нарушения является ужасающим.

Одним своим возникновением вооружённый конфликт существенно влияет на участвующие в нём государства. Это влияние проникает во все сферы общественной жизни. В экономике воюющих государств происходит усиленное перераспределение ресурсов: большее количество средств направляется на обеспечение военных нужд, таких как материальная поддержка армии, закупка оружия в больших количествах, а также ускоренное производство боеприпасов и военной техники, на что может быть сориентирована вся экономическая стратегия государства. К примеру, в годы Великой Отечественной войны экономика была полностью резко перенаправлена на обеспечение нужд фронта путём выпуска многочисленных образцов оружия, а также самолётов, танков, миномётов в колоссальных количествах. Затрагивая изменения в социальной сфере государства, участвующего в военных действиях, следует отметить такие последствия, как существенные потери среди гражданского населения, разрушение жилых домов, упадок инфраструктуры и массовые миграции населения, приводящие к сокращению его численности в государстве.

Вышеуказанные явления вызывают масштабные гуманитарные кризисы. В качестве примера можно привести Гражданскую войну, разгоревшуюся в 2011 году в Ливии и приведшую к глубокому экономическому упадку страны, испытывавшей нехватку основных товаров первой необходимости и страдавшей от множества внутренних конфликтов.

Определённые изменения происходят и в духовной сфере. Вооружённые конфликты часто приводят к переосмыслению моральных норм и ценностей. Люди сталкиваются с жестокостью, потерей близких, разрушением привычного образа жизни. Это вызывает разочарование в прежних идеалах и стремление найти новые ориентиры. Примером таких тенденций служит Первая мировая война, после которой иллюзии граждан о верховенстве гуманизма были разрушены. Можно отметить и рост религиозного влияния, к которому обращаются многие как к источнику утешения и поддержки.

Как пример, такое происходило после окончания гражданской войны в Испании 1936-1939 годов, когда наблюдалось существенное усиление влияния католической церкви.

Нельзя не отметить и изменчивость в политической сфере государства, участвующего в вооружённом конфликте. Несмотря на рост патриотизма в обществе, сложившееся на территории страны военное положение может, напротив, разобщать людей, порождая серьёзные социальные противоречия между гражданами и разбивая некогда единое общество на враждующие коалиции. К примеру, Гражданская война в России 1918-1922 годов привела к глубокому ценностно-политическому расколу российского общества. Даже те, кто имел близкие родственные связи, примыкали к оппозиционным сторонам противостояния, из-за чего разрушались семьи.

Перечисленные последствия вооружённых конфликтов приводят, как правило, к увеличению масштабов беззакония на территории участвующего в войне государства. Под эгидой войны в её непрекращающемся хаосе проявляется рост организованной преступности. Некоторыми его причинами являются социальная нестабильность, ослабление системы правоохранительных органов государства ввиду её переключения на обеспечение военных нужд, перегруженность судебной системы, подрыв психологического состояния населения, нарушения которого могут подтолкнуть человека к совершению преступлений. Чтобы избежать роста правонарушений и сохранить общественную безопасность, не допустив развития беззакония, избежав его верховенства, критически необходимо принимать соответствующие меры, укрепляющие правовую систему государства и поддерживающие её независимость, прочность, неукоснительность соблюдения, суверенность, а также обеспечить меры государственного принуждения.

Первая из таких мер – создание специальных подразделений военной полиции. Они играют ключевую роль в поддержании правопорядка среди военнослужащих и защите мирного населения.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооружённых сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [4] в настоящее время некоторыми из функций российской военной полиции являются предупреждение и пресечение преступлений, административных правонарушений и дисциплинарных проступков, совершаемых военнослужащими, выявление военнослужащих, имеющих намерение

совершить правонарушение, проведение с ними индивидуальной профилактической работы, а также участие в правовой подготовке военнослужащих. При формировании подразделений военной полиции важным этапом является разработка их организационной структуры, которая должна учитывать численность военнослужащих, распределение обязанностей между сотрудниками подразделения, а также взаимодействие с другими подразделениями вооружённых сил.

Структура подразделения военной полиции может включать штаб, роты патрульной службы, специальные группы быстрого реагирования, отдел кадров и тыловую службу. Подразделение должно состоять из профессионально подготовленных специалистов. Необходимо проводить тщательную проверку кандидатов на наличие необходимых качеств и опыта. В качестве примера деятельности военной полиции, направленной на поддержание правопорядка в условиях вооружённого конфликта можно привести действия её подразделений в Курской области в 2025 году в ходе проведения Специальной военной операции. Военная полиция выступала в роли стабилизатора обстановки как на линии фронта, так и в тылу, обеспечивая круглосуточную безопасность в приграничных населённых пунктах, тем самым предотвращая возможность потенциального развития беззакония на данных территориях.

Другой мерой поддержания правопорядка в условиях вооружённого конфликта является создание и учреждение временных судов и трибуналов на территории государства. Временный военный суд – это, как правило, не отдельный вид суда в современной правовой системе, а общее понятие, относящееся к чрезвычайным органам правосудия, действовавшим в военное время. Деятельность временных военных судов была необходима для рассмотрения конкретных дел.

Трибуналы же представляли собой особые судебные инстанции, созданные для рассмотрения конфликтов, не относящихся к компетенции обычных судов [8, с. 134]. Их главная задача состоит в вынесении решений по правовым вопросам через использование упрощенных механизмов, что позволяет ускорить процесс и сократить количество формальных процедур по сравнению с традиционным судопроизводством.

Основным документом для регулирования деятельности трибуналов выступало «Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре», утверждённое в 1926 году [5], которое закрепило

принципы территориально-организационного построения системы военной юстиции.

В качестве примера осуществления вышеупомянутыми органами своих полномочий следует привести деятельность Специального суда по Сьерра-Леоне. Его предметную подсудность составляли преступления против человечности, нарушения ст. 3 Четвёртой Женевской конвенции от 12.08.1949 о защите гражданского населения во время войны [2] и других серьёзных нарушениях международного гуманитарного права [9, с. 46]. Суд состоял из трех отделений: палата предварительного производства, судебная палата и апелляционная палата. Его штаб-квартира находилась в Фритауне, столице Сьерра-Леоне. Его работа финансировалась международными донорскими организациями, правительствами отдельных стран и ООН.

Деятельность суда способствовала восстановлению справедливости и укреплению верховенства закона в Сьерра-Леоне в условиях вооружённого конфликта. Одним из самых известных дел, рассматривавшихся в этом суде, было дело Чарльза Тейлора – либерийского государственного и политического деятеля, президента Либерии. Процесс был связан с обвинениями Тейлора в военных преступлениях и преступлениях против человечности в ходе вышеупомянутой гражданской войны.

04.06.2003 Специальный суд по Сьерра-Леоне назвал Тейлора военным преступником, правомерно обвинив его в массовых убийствах, пытках мирных жителей, захвате заложников, изнасилованиях, и издал международный ордер на его арест.

26.04.2012 Специальный суд по Сьерра-Леоне признал Чарльза Тейлора виновным по всем пунктам обвинений. 30 мая Тейлору был вынесен приговор в размере 50 лет тюремного заключения.

26.09.2013 суд принял решение оставить без удовлетворения апелляционную жалобу Тейлора и таким образом оставить в силе вынесенный ранее приговор, что стало и окончанием работы всего Специального суда, завершившего свой мандат. Как следствие в ходе рассмотрения данного примера становится понятно, как Специальный суд успешно реализовывал свои полномочия, защищая правопорядок и восстанавливая правовую справедливость.

Следующей мерой предотвращения развития беззакония в условиях вооружённого конфликта является ограничение передвижения гражданского населения по территории государства, или же комендантский час. В военное время он вводится в целях обеспечения общественной безопасности и поддержания

правопорядка. Обычно ограничивает свободу передвижения граждан по территории государства в ночное время.

Важно отметить, что введение комендантского часа в рамках установления военного положения регулируется законодательством государства, его нормативно-правовыми актами и осуществляется соответствующими органами власти. К примеру, ст. 8 Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» регламентирует определённый перечень территорий, на которых может быть ограничено право российских граждан на свободу передвижения в пределах территории государства [3].

Подобные меры принимаются исключительно в чрезвычайных ситуациях и направлены на поддержание стабильности в государстве и защиту населения в условиях военной опасности. Кроме этого, в идентичных целях могут вводиться контроль за передвижением транспорта и проверка документов граждан, в том числе на специально созданных пропускных пунктах.

В качестве примера следует отметить введение комендантского часа в Республике Таджикистан в 1992 году, учреждённого в условиях острого политического кризиса в государстве и гражданской войны. После провозглашения независимости в сентябре 1991 года в Таджикистане обострились внутренние противоречия между различными политическими силами, включая сторонников правительства и оппозицию, начавших вооружённые столкновения друг с другом в мае 1992 года. Массовые беспорядки в государстве привели к необходимости принятия мер по обеспечению безопасности населения, в результате чего и был введён комендантский час, позволивший властям частично стабилизировать ситуацию и снизить число потерь среди мирного населения. Таким образом, введение комендантского часа способствовало укреплению обстановки в Таджикистане.

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что поддержание правопорядка в условиях вооруженного конфликта является конституционно значимой задачей, направленной на обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о

поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Женевская Конвенция «О защите гражданского населения во время войны» (принята 12.08.1949) (Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21.04.1949 по 12.08.1949 года) // СПС «Гарант».

3. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 13.12.2024, с изм. от 03.02.2026) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 25.03.2015 № 161 (ред. от 31.12.2025) «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 20.08.1926) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Аулов В.К. Международное гуманитарное право: учебник для вузов / Аулов В.К., Сотников А.Н., Туганов Ю.Н. М.: Издательство Юрайт, 2026. 73 с.

7. Кант И. «К вечному миру» / пер. с нем. А.С. Андреевой, Ц.Г. Арзаканяна. М.: Рипол Классик, 2018. 44 с.

8. Куксгаузен С. Д., Кольцов М. И. О деятельности транспортных военных трибуналов в военное время. // Наука в жизни человека. 2025. № 3. С. 134-142.

9. Сергеева А.А., Воскобойник И.О., Питулько К.В., Соколова Е.В. Правосудие переходного периода: общая характеристика // Международное право. 2024. № 3. С. 39–51

Об авторе:

НОЗДРИН Пётр Викторович – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: mighty.kondor@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

**Признаки и следствия
милитаризации государственного механизма
(на примере истории Александра Македонского)**

З. А. Парамонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются историко-правовые вопросы эффективности и деструктивных следствий милитаризации государственного механизма в империи Александра Македонского в их соотношении с государственными устоями и законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: милитаризация, Александр Македонский, государственное устройство, империя.

Современная российская теория государства и права подразумевает под государственным механизмом целостную иерархическую систему государственных органов и учреждений, с помощью которых осуществляются власть и функции государства.

Федеральный закон от 27.05.2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» четко разделяет военную, гражданскую и правоохранительную службы и описывает их функции [2]. В условиях специальной военной операции (далее – СВО) и частичной мобилизации военный аппарат до сих пор остается частью механизма, но не подменяет собой гражданскую администрацию.

В своих исследованиях Р. В. Светлов использует институциональный подход, в котором государство рассматривается как система связей и норм, регулирующих властеотношения [7, с. 134]. Как отмечает А. В. Малько, «механизм государства есть пронизанная едиными, законодательно закрепленными принципами система государственных органов» [8, с. 298]. На примере империи Александра Македонского можно заметить систему, где принципы диктовались военной необходимостью и волей полководца, а не законом.

В отличие от классической персидской системы Ахеменидов, в которой должность сатрапа была отделена от должности начальника гарнизона, Александр Македонский пошел по пути концентрации власти. В этой связи И. Е. Суриков отмечает: «Александр, не доверяя персидской знати, ставил во главе сатрапий своих полководцев, наделяя их неограниченными полномочиями по сбору налогов, суду и

командованию войсками на вверенной территории» [6, с. 87]. Исключения составляли только некоторые восточные области, где лояльный местный раджа сохранил власть, но при македонском военном надзирателе. Сатрап был в первую очередь генералом, что является полной противоположностью принципу разделения властей.

В современной России Правительство Российской Федерации и Администрация Президента Российской Федерации являются гражданскими структурами. В империи Александра Македонского центрального гражданского правительства в принципе не существовало. Как указывает в своих трудах Р. В. Светлов: «Штабная палатка Александра была единственным центром принятия решений на пространстве от Дуная до Инда. Любая бюрократическая процедура заменялась устным приказом царя или его ближайшего окружения из числа командиров таксисов» [7, с. 145].

В российском праве государственный служащий имеет гарантии статуса, не зависящие напрямую от его участия в боевых действиях. А в Македонии времен Александра элитой являлись гетайры, у которых состав формировался исключительно по принципу личной преданности и боевых заслуг.

Также стоит отметить, что социальный лифт в империи работал через войну. Отстранение от командования сразу означало физическое уничтожение, то есть отсутствие правовой защиты личности от произвола военного вождя. С. Ю. Сапрыкин подчеркивает: «Власть Александра носила ярко выраженный военно-автократический характер. Традиционные македонские институты, вроде войскового собрания, превратились в ритуал одобрения уже принятых полководцем решений» [5, с. 226].

Экономическая политика Александра является ярким признаком милитаризации хозяйственного механизма. Захват персидских сокровищниц не привел к созданию системы гражданского банковского кредитования или долгосрочных инфраструктурных проектов, независимых от армии. Вся денежная масса была вброшена в экономику через жалование наемникам и ветеранам.

Также основание новых городов имело и торговое, и гарнизонное значение. Что подтверждает вышеупомянутый тезис о подчиненности гражданской инфраструктуры военной логистике. Гипертрофия военной составляющей имела ужасные последствия для устойчивости государственной конструкции. Самое главное следствие милитаризации заключалось в отсутствии легитимного механизма передачи власти.

В российском праве переход власти регламентирован ст. 92 Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] и

развивающими ее нормативно-правовыми конкретизациями. В империи Александра Македонского право наследования было военным, а не династическим. Когда умирающий Александр на вопрос «Кому оставляешь царство?» ответил: «Наилучшему», это был приговор для государства. Аппарат, состоящий только из вооруженных полководцев, не мог решить вопрос власти иначе, чем новой войной. Войны диадохов (323-281 гг. до н.э.) стали прямым следствием того, что государственный механизм не знал другого способа функционирования, кроме вооруженной борьбы за власть.

Поскольку сатрапы были генералами, смерть верховного главнокомандующего автоматически превратила их из госслужащих в удельных князей. Как отмечает Г. А. Кошеленко: «Империя Александра не создала единого гражданства или наднациональной бюрократии. Греко-македонская армия была единственным связующим звеном. С уходом армии в междоусобицы, связь центра с сатрапиями прервалась навсегда» [4, с. 122].

Несмотря на то, что Александр Македонский провозгласил политику слияния народов, милитаризованный механизм управления порождал отторжение. Македонцы видели в персах рекрутов и данников, а персы видели в македонцах оккупантов. Мирное сосуществование было невозможным при военной администрации.

В контексте современного российского законодательства важно отметить колоссальную разницу. Конституция РФ [1] и Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» [3] четко определяют, что Вооруженные Силы Российской Федерации являются инструментом политики, но не субъектом государственного управления.

Опыт Александра Македонского наглядно демонстрирует, почему в развитых правовых системах существует жесткий запрет на замещение государственных должностей гражданской службы действующими военнослужащими. Нарушение данного принципа в империи привело к тому, что ни один вопрос не решался без учета мнения армейских командиров. Подобное делало систему управления предельно быстрой в условиях войны, но абсолютно неэффективной и коррупционной в условиях мира.

В российской исторической науке ведутся дискуссии о природе державы Александра Македонского. И. Е. Суриков в своих исследованиях настаивает на термине «территориальная монархия». С правовой позиции более точным является определение «военно-административная конгломерация» [6, с. 95].

Анализ государственного механизма империи Александра Македонского позволяет сделать следующие выводы.

Следствием такой модели государственного устройства стала полная институциональная нестабильность. Механизм оказался неспособен к мирной трансформации и решению вопроса о преемственности власти, что привело к мгновенному распаду державы после смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э.

Опыт Александра Македонского подтверждает аксиому современной теории государства и права: «Устойчивость государственного механизма прямо пропорциональна развитости гражданской бюрократической составляющей и обратно пропорциональна степени милитаризации управления».

Империя Александра Македонского остается величайшим военным предприятием в истории, но с позиции конституционно-правового строительства она является хрестоматийным примером того, как армия не может заменить собой правовое государство.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об обороне» // СПС «Гарант».

4. Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 295 с.

5. Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье и эпоха эллинизма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. 416 с.

6. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 328 с.

7. Светлов Р.В. Войны Александра Македонского: логистика и стратегия. СПб.: Евразия, 2020. 224 с.

8. Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: КНОРУС, 2022. 400 с.

Об авторе:

ПАРАМОНОВА Злата Андреевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: zlataparamonova4@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Нюрнбергский процесс сквозь призму позитивизма и теории естественного права

И. С. Пилипенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье фактура и историческое значение Нюрнбергского судебного процесса анализируются с позиций позитивистского и юснатуралистского типов правопонимания. Особое внимание в контексте такого сравнения уделяется проблеме соотношения законности и справедливости, а также резюмирующим оценкам законодательства нацистской Германии.

Ключевые слова: *Нюрнбергский процесс, юридический позитивизм, естественное право, законность и справедливость.*

Судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников проходил в г. Нюрнберге (Германия) с 20.11.1945 г. по 01.10.1946 г. Перед Международным военным трибуналом предстали высшие государственные и военные деятели нацистской Германии. Подсудимые обвинялись в составлении и осуществлении заговора против мира, человечности, в тягчайших военных преступлениях. Трибунал рассмотрел также вопрос о признании преступными организаций – СС, СА, гестапо, СД, руководящего состава национал-социалистической партии, имперского кабинета министров, Генштаба и Верховного командования» [9]. Нюрнбергский процесс стал беспрецедентным форумом, где, наряду с обвинением и защитой, столкнулись и две концепции правопонимания: позитивистская и естественно-правовая (юснатуралистская). Сегодня, как отмечает М. А. Сафонов, «в связи с нарастанием противоречий в международных отношениях, эскалацией военных конфликтов и фиктивизацией отдельных институтов международного права, интерес исследователей к истории первого международного суда над военными преступниками растет», а сам процесс «остается эталоном международной юстиции» [9]. Анализ уникального события сквозь призму сопоставления позитивистского и юснатуралистского подходов может оказаться продуктивным для юридической теории и практики.

Одним из первых ученых-юристов, поднявших проблему «несправедливого закона», был Г. Радбрух. Его философско-правовая концепция, состоит в том, что закон, находящийся в очевидном и крайнем противоречии со справедливостью, утрачивает правовой

характер. Именно такой конфликт породила политика Третьего рейха: конфликт между законностью и справедливостью, как самыми важными ценностями права [10]. Г. Радбрух ставит справедливость безоговорочно на первое место, считая законность только одним из выражений справедливости.

Основной тезис защиты на Нюрнбергском процессе звучал так: «мы все были тенью Гитлера». Начальник Главного управления имперской безопасности СС Эрнст Кальтенбруннер утверждал: «Я не несу никакой ответственности за военные преступления, я лишь выполнял свой долг как руководитель разведывательных органов» [2]. Действительно, казалось бы, воля главы Третьего рейха в условиях тоталитарного режима с беспрецедентной системой пропаганды по сути являлась законом. Антипозитивистская идея Г. Радбруха опровергает данный тезис, лишая его обоснованности. Тем более, если оценивать процесс как намерение отстоять и защитить естественные права человека.

Другой выдающийся ученый и философ права Д. Финнис, автор труда «Естественное право и естественные права», в центр своей теории ставит «принципы практической разумности, направленные, прежде всего, на общее благо (оно – и благо отдельных индивидов) как цель всякой справедливости» [7, 11, С. 200]. Соответственно этому, законодательные акты должны основываться на моральных принципах и нормах, оставаясь адекватными и эффективными при правоприменении [11, С. 213–215]. Акты «гитлеровского режима» этим требованиям не соответствовали, что уже опровергает состоятельность тезиса защиты о подчинении закону. Закон должен являться правовым, иначе он автоматически становится нелегитимным, а его покорное исполнение становится аморальным и безнравственным.

Согласно мнению видного теоретика права Д. А. Керимова, право есть объективное явление, сложившееся в процессе развития общества. Оно выражает объективную необходимость упорядочения общественных отношений, законодательство же является субъективным феноменом, волей законодателя, создавшего государственную систему общеобязательных нормативных предписаний. Поэтому деятельность законодателя должна соотноситься с общепризнанными принципами права. В этом смысле возможна ситуация, когда законодательный акт не соответствует правовым принципам. Государственный акт приобретает значение подлинного закона лишь тогда, когда в нем объективный,

естественный закон свободы получает осознанное и официальное выражение в форме государственного закона [4, С. 6–7]. Приведенные доводы Д. А. Керимова – очередное опровержение позиции защиты о вынужденном подчинении нацистскому режиму в пользу безоговорочного признания, что Нюрнберг стал торжеством права в полном смысле этого слова. Трибунал был объективно необходим для упорядочивания общественных (в глобальном смысле) отношений в ситуации послевоенного кризиса, а также для становления и утверждения позиций международного права.

К аналогичным выводам приходит и венгерский ученый-юрист З. Петери, заключая, что Нюрнберг был судом права над неправовым законом, а «содержание облеченных в форму закона фашистских предписаний представляло собой надругательство над самим понятием права» [8, С. 129].

Однако не все известные теоретики единодушны в указанном отношении. Так, авторитетный западный неопозитивист Г. Харт настаивает, что в учении Г. Радбруха допускается смешение права и морали, ибо непонятно, как видение права через некую идею должно в конечном итоге указывать на стремление права к справедливости. «Право ведь может и быть отнесено к иной ценности, как, например, в классическом позитивизме или в нормативизме» [3].

Фактически Г. Харт полагает, что естественное право призвано служить позитивному праву [6]. Исходя из такой логики, можно признать Нюрнберг был апогеем позитивного права, поскольку «Устав Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников» включал в себя нормы материального и процессуального характера, без которых процесс бы не состоялся. С данной позиции, естественное право лишь нравственно-теоретическим образом подкрепляло позитивный материал закона.

Создатель нормативизма и влиятельный представитель позитивизма Г. Кельзен, в своих работах негативно, с критикой относится к естественно-правовому подходу [6, 7]. Согласно оценкам М. В. Антонова, этот ученый стремился оградить юридическую науку, а соответственно и юриспруденцию в целом от подмены позитивного права субъективными оценками справедливости [1]. В этом смысле Г. Кельзен противостоит Г. Радбруху и не признаёт справедливость критерием юридической действительности закона. Автор «чистого учения о праве» пишет: «поскольку справедливость есть требование морали, то соотношение справедливости и права

должно рассматриваться вместе с соотношением морали и права» [5, С. 78–81]. Стремление к «очищению» права от морали ведет Г. Кельзена к отказу от естественной справедливости права

Оценивая приведенные научные позиции, важно отметить, что Устав Международного военного трибунала, с одной стороны, вполне подтверждает значимость позитивно-правовой определенности. С другой стороны, содержание Устава демонстрирует, что Нюрнбергский процесс не «вмещается» в рамки чистого нормативизма. Закрепляя ответственность за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, трибунал исходил из того, что деяния нацистских руководителей подлежат оценке с точки зрения общих начал международного порядка, справедливости и человечности.

Подводя итог, можно заключить, что Нюрнбергский процесс показал принципиальную возможность и юридических подходов с позиций позитивизма и теории естественного права. Юснатурализм стал, по сути, фундаментальным основанием для проведения разбирательства над нацистскими преступниками, однако именно нормативистский подход придал Трибуналу необходимую форму суда. Вкупе это оказало колоссальное влияние на становление международного уголовного права.

Естественно-правовой подход и юридический позитивизм раскрывают разные грани правовой действительности, однако каждый из них по отдельности не способен полностью объяснить природу права и обеспечить торжество правовой справедливости. Более продуктивным представляется такое доктринально взвешенное интегративное направление, при котором правовые концепции не исключают, а дополняют друг друга на общей основе, что произошло в Нюрнберге и может быть уместно в будущем.

Список источников

1. Антонов М. В. Осмысление справедливости в учении Ганса Кельзена и его значение для дискуссий в постсоветской теории права // Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель: сборник статей. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 29–61.

2. Гильберт Г. М. Нюрнбергский дневник: процесс глазами психолога / пер. с нем. А. Л. Уткина. Смоленск: Русич, 2004. 607 с.

3. Ефремова В. А. Ренессанс естественного права Г. Радбрух // Экономика и социум. 2017. № 11 (42). С. 1024–1026.

4. Керимов Д. А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М.: Норма, 2000. 125 с.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 702 с.
6. Луковская Д. И. Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 231–237.
7. Луковская Д. И., Малышева Н. И., Строгов Н. Д. Ганс Кельзен о естественном праве и справедливости: аргумент о праве на сопротивление // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5 (81). С. 198–206.
8. Петери З. О некоторых чертах доктрины «возрожденного» естественного права // Критика современной буржуазной теории права. М., 1969.
9. Сафонов М. А. Правовые основы Нюрнбергского процесса: нормы и источники права // Пролог: журнал о праве. 2020. № 4. С. 3–9.
10. Серебренникова А. В. К 70-летию Нюрнбергского процесса: «формула Радбруха» Radbruchsche Formel и опыт ее применения на практике после объединения Германии // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 112–117.
11. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: Мысль, 2012. 554 с.

Об авторе:

ПИЛИПЕНКО Иван Сергеевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: g9106493418@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Мобилизационная трансформация государственного аппарата СССР в условиях Великой Отечественной войны

А. В. Плешко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы трансформации системы государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны, включая создание и деятельность чрезвычайных органов власти, а также освещается роль традиционных институтов в деле мобилизации ресурсов страны. Автор анализирует правовые основы мобилизационных мер и механизмы обеспечения нужд фронта: эвакуация промышленности, организация военного производства, перераспределение трудовых ресурсов и участие партийных кадров в боевых действиях.

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, мобилизация, чрезвычайные органы власти, правовые меры, военное положение.*

Великая Отечественная война стала беспрецедентным испытанием на прочность Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР), потребовавшим радикальной перестройки всех сфер государственной жизни. Одним из ключевых факторов победы явилась мобилизационная трансформация государственного аппарата – быстрая переориентация управления на нужды фронта, концентрация ресурсов, жёсткая централизация решений.

В соответствии со статьей 30 Конституции СССР [1], Верховный Совет СССР (далее – ВС СССР) обладал статусом высшего органа государственной власти. Однако в силу чрезвычайных условий военного времени проведение очередных выборов в Советы было приостановлено, а регулярность созыва заседаний нарушена: за весь период войны ВС СССР провёл лишь три заседания [11, С. 77]. Фактически верховная власть перешла к коллегиальному представительному органу – Президиуму Верховного Совета СССР.

Начало чрезвычайного регулирования было положено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г. «О военном положении», согласно которому в местностях, объявленных на военном положении, военным властям предоставлялось право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших стратегических объектов [2].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в

© Плешко А.В., 2026

определено введение обязательных сверхурочных работ и отмена отпусков. Таким образом, был усилен контроль за мобилизацией трудовых ресурсов. Также Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г. «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам» был объявлен призыв на военную службу 14 возрастов (1905-1918 годов рождения) в 14 военных округах. Первым днём явки на призывные пункты было установлено 23 июня 1941 года [4].

Совет Народных Комиссаров (далее – СНК) – это высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти СССР. На него была возложена ответственность за организацию эвакуации промышленных предприятий и планирование экономики. Принятое 01.07.1941 г. Постановление СНК «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени» предоставило СНК широкие полномочия для решения административных, финансовых и хозяйственных задач [9].

24.06.1941 года при СНК был создан Совет по эвакуации, в его состав входили высокопоставленные чиновники, включая Л. М. Кагановича, А. Н. Косыгина, Н. М. Шверника и других [7]. Совет координировал транспортировку людей и материальных ценностей, решал вопросы размещения эвакуированных предприятий и учреждений в новых местах, контролировал соблюдение эвакуационных планов.

В соответствии со ст. 126 Конституции СССР, Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (далее – ВКП(б)) признавалась ведущей силой, направляющей усилия трудящихся на построение и укрепление социализма. В военное время ВКП(б) стала центральным звеном, объединяющим и руководящим всеми общественными и государственными организациями [1]. Управление государством и координация боевых операций в значительной мере осуществлялись через Политическое бюро Центрального комитета ВКП(б) (далее – Политбюро). Постановление от 27.06.1941 года [8] закрепило практику отбора коммунистов как «политбойцов», призванных поддерживать боевой дух в частях. Спустя несколько месяцев, в ноябре того же года, ЦК ВКП(б) инициировал дополнительную мобилизацию членов партии; прохождение подготовки при военных академиях и училищах стало для них

обязательным условием. Первое полугодие войны ознаменовалось массовым притоком партийных кадров в армейские ряды: по решению ЦК ВКП(б) Красная армия получила около 9,4 тыс. комсомольских работников и 8,8 тыс. руководителей партийного звена [13].

Одним из этапов трансформации системы государственного управления СССР стало создание чрезвычайных органов власти. Ставка Главного Командования (впоследствии преобразованная в Ставку Верховного Главнокомандования), образованная Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 23.06.41 «О создании Ставки Главного Командования Вооружённых Сил СССР» [6], уже в первые недели войны разработала и направила в действующую армию около 80 оперативных директив. Также она планировала и координировала стратегические операции по прорыву блокады Ленинграда и обеспечивала взаимодействие между фронтами и флотами [12, С. 25–26]. Следовательно, Ставка Верховного Главнокомандования – это координационный центр стратегического управления армией, чья деятельность обеспечила единство командования и реализацию оперативных планов.

Постановлением Президиума ВС СССР, СНК, ЦК ВКП(б) «Об образовании Государственного Комитета Обороны» от 30.06.1941 г. был образован Государственный Комитет Обороны (далее – ГКО) – высший орган, обладавший всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти в СССР [5]. Его председатель – Иосиф Сталин, заместитель – Вячеслав Молотов; членами стали Климент Ворошилов, Георгий Маленков, Лаврентий Берия и другие. Решения ГКО были обязательны для всех партийных, советских, военных органов, организаций и граждан СССР. За весь период своего существования ГКО принял 9971 постановление, две трети которых касались проблем военной экономики и организации военного производства, а остальные – политических, кадровых, военных и иных вопросов [10, С. 196]. Тем самым, ГКО занимал высшую руководящую позицию в системе государственного управления и определял ключевые стратегические решения по организации фронтов, управлению резервами, обеспечению Красной Армии вооружением и боеприпасами, организации партизанского движения.

В условиях военного времени возникла острая необходимость в создании специализированных ведомств, ответственных за выпуск военной продукции. Так, в сентябре 1941 года был учрежден Народный комиссариат танковой промышленности, а в ноябре того

же года – Народный комиссариат миномётного вооружения. Кроме того, были сформированы наркоматы, занимавшиеся производством боеприпасов, авиационной техники и прочих видов вооружений [11, С. 77]. Военные народные комиссариаты стали центральными органами, управляющими экономикой и обеспечивавшими нужды фронта: на них легла ответственность за выпуск военной техники, перемещение промышленных предприятий, снабжение армии и гражданского населения ресурсами.

Анализ опыта ключевых изменений государственного аппарата СССР в годы Великой Отечественной войны подводит к нескольким выводам. Осуществленная под руководством ВКП(б) мобилизационная перестройка резко повысила оперативность работы чрезвычайных органов, таких как ГКО и СНК; продемонстрировала способность обновленной системы управления перекроить отраслевое и региональное руководство в условиях жестокого военного кризиса и дефицита времени; подтвердила общую эффективность экстраординарных правовых и кадровых мер поддержания мобилизационного – единственно необходимого для Великой победы – режима.

Список источников

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 (с изм. от 07.07.1943) «О военном положении» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1941 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Электронная библиотека исторических документов.

4. Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Президиума ВС СССР, СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 30.06.1941 «Об образовании Государственного Комитета Оборона» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 825 от 23.06.41 «О создании Ставки Главного Командования Вооружённых Сил СССР» // Электронная библиотека исторических документов.

7. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О создании Совета по эвакуации» от 24.06.1941 // Электронная библиотека исторических документов.

8. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 27.06.1941 «О мобилизации коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках» // Электронная библиотека исторических документов.

9. Постановление СНК от 01.07.1941 «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени» // Электронная библиотека исторических документов.

10. Дышеков М. В. Государственный Комитет Обороны в системе Государственного устройства в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Сборник научных статей Южного академического форума с международным участием, 2025. С. 195–198.

11. Ичитовкин С. С. Изменения в государственном аппарате в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Символ науки. 2024. № 12. С. 76–78.

12. Лысенков С. Г. Ставка верховного главнокомандования и её роль в деблокировании Ленинграда (1941-1944 гг.) / С. Г. Лысенков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 24–29.

13. К 75-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. ВКП(б) была воюющей партией. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fkprf10.ru%2Fnews%2Fk-75-j-godovschine-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-1941-1945-gg_-vkr_b_-byla-vojujuschej-partiej%2F&utf=1 (дата обращения: 05.04.2025).

Об авторе:

ПЛЕШКО Анастасия Валерьевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: nastasia.pleshko@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Ограничение основных прав и свобод человека и гражданина в особое для государства время

С. П. Рудкович

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва

В статье рассматриваются вопросы теории и практики таких ограничений основных (конституционных) прав и свобод человека и гражданина, которые в литературе определяются, преимущественно как «чрезвычайные» или экстраординарные». Автор использует в этой связи понятие «особое время», имея в виду сопряжение таких мер со спецификой современных военных конфликтов. В статье присутствуют элементы компаративистского анализа, а ключевой акцент делается на российской действительности и практике Конституционного Суда РФ, тематически связанные решения которого оцениваются с учетом позиций органа Европейской конвенционной юстиции.

Ключевые слова: *особое время, ограничения прав человека, Конституционный Суд РФ, Европейский суд по правам человека*

Формулировка «особое время» была выбрана для этой статьи с учетом ряда факторов. В формате такой подотрасли международного права как право вооруженных конфликтов используются три близких по смыслу, но разных понятия: война, международный вооруженный конфликт, немеждународный вооруженный конфликт. Вместе с тем современные государства избегают официально объявлять состояние войны, отчего сложно найти практику ограничения прав и свобод именно в военное время. Поэтому в настоящей работе используется более широкое понятие – «особое время».

Когда государство претерпевает напряженную обстановку, это безусловно отражается на законодательстве, и в первую очередь – на попытках ограничить права и свободы граждан. Причем государства демонстрируют разную практику в данном вопросе.

Например, судебная система США демонстрирует «эволюционный» переход от «жесткого» подхода в этом вопросе к «мягкому». В, частности, в 1917 году (период Первой мировой войны) в стране был принят Закон о шпионаже [6], запрещавший гражданам избегать призыва на военную службу по политическим соображениям, и в 1919 году Верховный Суд США не обнаружил в этой новелле чрезмерных ограничений свободы слова [7]. Однако уже в годы Второй мировой войны [8] и Вьетнамской войны [9], Верховный Суд принимал диаметрально противоположные решения.

Суд посчитал применение санкций по отношению к гражданам, выступавшим против отправления военнослужащих для участия в обеих войнах, чрезмерным, заключив, что «в такой чувствительный момент» свобода слова не только не подорвет безопасность государства, но прямо необходима, дабы свободные люди могли выражать свое мнение.

Отечественная практика идет по иному пути. Вводимые в «особое время» ограничения не утрачивают своей силы даже после прекращения конфликтного периода. Так, в 2004 [2] и 2005 году [3] Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) обосновывал недопущение создания региональных или религиозных партий тем обстоятельством, что российскому обществу на тот момент была характерна нестабильность в силу угроз, исходящих со стороны сепаратистских, националистических, террористических сил. Соответственно, региональные партии подорвали бы государственную целостность, а религиозные – привели бы к расслоению многонационального народа России. Казалось бы, такие ограничения должны быть временными, однако фактически установленные запреты действуют до сих пор. Более того, ситуация со сходными ограничениями, на наш взгляд, сегодня только усложняется.

В 2022 году в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) и Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) были внесены следующие изменения соответственно: введен новый состав преступления с административной преюдицией – ст. 280.3 УК РФ («Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности...»), и административное правонарушение (ст. 20.3.3 КоАП РФ) с идентичной формулировкой. При этом крайне неопределенное [1] понятие «дискредитация» легально не конкретизировано, а судебная практика признает таковой, в том числе, и негативную оценку деятельности Вооруженных Сил РФ, а также иных государственных структур, перечисленных в названной статье.

По мнению КС РФ [4], негативные высказывания недостатков в сторону Вооруженных Сил РФ и иных структур по общему правилу недопустимы, за исключением двух случаев:

- 1) критика опирается на достоверную информацию о деятельности ВС РФ;

2) критика не сопряжена с отрицанием конституционных предписаний и целей, которые направляют деятельность Верховного Суда РФ и иных структур.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что до начала Специальной Военной Операции (далее – СВО) публичные действия, направленные на дискредитацию, уголовно наказуемыми не были. Однако КС РФ в приведенном выше Определении отметил, что введенные ограничения никак с СВО не связаны, хотя законодатель безусловно учитывал современную геополитическую обстановку. Нам представляется, что при такой интерпретации введенные ограничения временными являться не могут и будут действовать вне зависимости от наличия (продолжения) конфликта.

Между тем, конвенционные инстанции международного права придерживаются в этом вопросе иного подхода: в нестабильный для государства период введение ограничений допустимо, однако такие ограничения должны нести временный характер, а именно – они могут действовать лишь в период наличия конфликта.

Так, Европейский Суд по правам человека аргументировал свою позицию по делу Роман Килин против России [5] следующим образом: введенные ограничения не являются соразмерными, поскольку в России не было напряженной ситуации с безопасностью, столкновений, беспорядков, межэтнических конфликтов, атмосферы враждебности и ненависти в отношении этнических групп. Данный аргумент говорит о том, что права и свободы в «напряженной» обстановке могут иметь больше ограничений, нежели чем в мирное время, но ограничения могут обосновываться исключительно наличием конфликта и должны быть сняты в случае его прекращения.

В заключение хочу отметить, что единого подхода к балансу прав и свобод человека и гражданина и безопасности государства в «особое время» нет. Более сбалансированной, выглядит позиция международного правосудия о допустимости соответствующих ограничений исключительно на время конфликта. Данная позиция совмещает, по сути, два подхода: с одной стороны, допускается такое ограничение прав и свобод в особое для государства время, которое в мирное считалось бы чрезмерным, с другой стороны, она вполне позволяет государству защищать и свои интересы, обеспечивать безопасность и защиту основ конституционного строя. Тем более что государство, безусловно, сохраняет за собой общее право введения ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Список источников

1. Агапов А.Б. Гуманизация, или Апология публичного принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 11–17.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст. 5260.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 1399-О // СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление ЕСПЧ от 11 мая 2021 г. по делу «Кишин против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание». 2022. № 1.
6. 65th United States Congress. An Act to punish acts of interference with the foreign relations, and the foreign commerce of the United States, to punish espionage, and better to enforce the criminal laws of the United States, and for other purposes (Espionage Act) of June 15, 1917.
7. Supreme Court of the United States. Schenck v. United States, 249 U.S. 47 (1919).
8. Supreme Court of the United States. Taylor v. State of Mississippi, 319 U.S. 583 (1943)
9. Supreme Court of the United States. Tinker v. Des Moines Independent Community School District, 393 U.S. 503 (1969)

Об авторе:

РУДКОВИЧ Софья Павловна – студентка 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», e-mail: sofya.rud@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Проблемы правового регулирования космического пространства в контексте военных угроз

М. Э. Серов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика правового регулирования космического пространства в контексте военных угроз на международном уровне. Автором проводится анализ нормативно-правовых актов, напрямую влияющих на правовое регулирование космического пространства.

Ключевые слова: милитаризация, космическое пространство, военные угрозы, международное право.

Наиважнейшей проблемой является стремительное развитие военных технологий, что свидетельствует о формировании гонки вооружений, не в полной мере охваченной действующими нормами международного права, прежде всего, в космосе как потенциально основной арене будущих военных конфликтов. Становится понятно, к каким последствиям может привести разработка наиболее мощных военных технологий, то есть возвышение наиболее экономически развитых государств. Нарушение баланса сил между державами неизбежно при таком варианте развития событий, что может послужить причиной возникновения масштабных военных угроз для национального суверенитета и безопасности государств.

Позиция России касательно милитаризации космоса вполне обоснована. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на Саммите тысячелетия Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в 2000 году, предложил провести международную конференцию по предотвращению милитаризации космического пространства под эгидой ООН в Москве [6, с. 55].

Предложение было чрезвычайно актуально, так как на тот момент государства еще не развернули в широком масштабе вооружение в космосе, и своевременное коллективное решение могло способствовать устранению правовой неопределенности. Вместе с тем отмечается недостаточность нормативного регулирования данной сферы: современные нормы международного космического права содержат существенные пробелы. Эти нормы ограничивают главным образом деятельность государств, связанную с испытаниями и выводом в космос атомного и других видов оружия массового уничтожения.

Вышеизложенная позиция представляется обоснованной с точки зрения потенциальной опасности для населения Земли, ведь мы уже знаем, на что способно оружие массового поражения [1].

Именно этим объясняется безусловная актуальность исследования.

Таким образом, основной целью исследования является анализ проблем правового регулирования космического пространства в контексте военных угроз и разработка рекомендаций в данной области международных отношений.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе использования и исследования космического пространства в условиях нарастающих военных рисков. Предметом исследования являются нормы международного космического права, регулирующие вопросы милитаризации космоса, а также доктринальные подходы к их толкованию и применению. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Научная новизна исследования состоит в том, что милитаризация космического пространства рассматривается не только как проблема запрета отдельных видов вооружений, но и как комплексная правовая неопределенность, проявляющаяся в вопросах статуса космонавтов, атрибуции ущерба, транспарентности и контроля.

1. Договор о космосе 1967 года. Данный договор определяет общий нарратив совместного использования и исследования космического пространства, закрепляет свободу использования и исследования (ст. 1), запрет национального присвоения (ст. 2), запрет оружия массового уничтожения в космосе (ст. 4), принцип сотрудничества (ст. 9).

Запрещение ядерного оружия и оружия массового уничтожения ограничивает использование космоса в военных целях, но это лишь наиболее разрушительные виды оружия. На сегодняшний день этих классификаций недостаточно: многие виды оружия, к примеру, лазерное оружие, кинетические системы, системы ASAT, которые не упоминаются в вышеуказанном договоре, также могут подразумевать потенциальную угрозу. Уместным будет указать на «частичную милитаризацию». Steven Freeland отмечает, что режим космоса – это arms control lite, а не полноценное разоружение. Договор 1967 года создает иллюзию демилитаризации, фактически допуская военное присутствие в космосе [8, с. 88].

Стоит отметить гибкость понятия «peaceful»: при более основательном изучении и качественном анализе договора следует задуматься о сознательном допущении милитаризации космического пространства государствами – участниками договора через введение неясного понятия в текст. Безусловно, значение термина может и должно толковаться как ограничение агрессии, но никак не милитаризации. Bin Cheng определил понятие «peaceful», упомянутое в договоре, как non-aggressive, а не non-military [7].

Также стоит отметить проблему dual-use, которую выделил Fabio Tronchetti. Многие технические устройства, такие как спутники, средства GPS, разведки и другие, могут быть использованы как в исключительно мирных целях, так и в военных. Не существует эффективных правовых механизмов регулирования в области международного права и космического права, способствующих четкому разграничению этих устройств и средств, исходя из цели их применения. При дальнейшем осмыслении проблемы возникает правовой вакуум вследствие отсутствия понимания о том, как осуществлять контроль за истинной целью размещения тех или иных устройств в космическом пространстве [10, с. 190].

2. Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 года. Несмотря на то, что Соглашение, несомненно, на момент заключения было актуальным и механизмы правового регулирования казались убедительными, многие вопросы остаются открытыми ввиду стремительного технологического прогресса, прежде всего, в военной сфере, а также нарастающей неопределенности в области геополитики [2].

Так, одним из наиважнейших правовых пробелов является отсутствие разъяснений о статусе космонавтов в контексте милитаризации космоса. В случае потенциально возможного военного конфликта в космическом пространстве возникает непреодолимая трудность идентификации статуса космонавтов. При обращении к международному гуманитарному праву, предметом регулирования которого являются вооруженные конфликты, ясности не прибавляется: нет нормативно закрепленного разграничения, исходя из цели нахождения в космосе и рода деятельности человека [9].

Космонавт – субъект особой международной защиты, но как охарактеризовать этот субъект в случае непосредственного участия

его в военном конфликте в космосе и совершения им действий, противоречащих изначальному назначению нахождения в космосе?

Frans von der Dunk указывает, что космонавты находятся вне традиционной дихотомии комбатант/гражданское лицо. Если космонавт является военнослужащим, следовательно, формально является и комбатантом, но он не ведет боевых действий в обычном понимании, также космос не признан театром боевых действий в классическом международном гуманитарном праве.

3. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 года. Конвенция разграничивает ответственность за причиненный вред на абсолютную на Земле и виновную в космосе, следовательно, должна быть обширная классификация нарушений, а также мер принуждения в зависимости от типа ответственности и причиненного ущерба. Если рассмотреть вопрос в контексте военных угроз, то можно сделать вывод о практически полном отсутствии таких классификаций. Также необходимо понять, каким образом будет устанавливаться виновность, то есть – проблема атрибуции [3].

Определение источника атаки является затратной задачей, а определение виновного субъекта значительно усугубляет правовую неопределенность. К примеру, внезапное уничтожение спутника и последующее образование облака обломков, которые рискуют с огромной скоростью врезаться в Землю и нанести непоправимый ущерб непричастному к военному конфликту государству. В таком случае установить агрессора, по совместительству должника, практически невозможно, это означает, что жертва агрессии не сможет рассчитывать на компенсацию причиненного ущерба.

4. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 года. Конвенция – это административный каркас космического права, но не инструмент безопасности, полагает Frans von der Dunk.

Договор предполагает установление режима идентификации космических субъектов, также постановку на учет в системе ООН. Однако такого поверхностного нормативного регулирования недостаточно. Возникает проблема: недостаточная транспарентность космической деятельности способствует росту недоверия между государствами и увеличению риска военной эскалации. Регистрация здесь не предполагает контроля, идентификация объекта в качестве исследовательской космической станции никак не препятствует использованию его в совсем других целях [4].

Не существует такого комитета или любого другого органа, который должен осуществлять контроль за деятельностью космического объекта. Более того, Конвенция не требует раскрытия вооружения и систем воздействия, что приводит к невозможности контроля милитаризации. Также отсутствуют санкционные механизмы – практическая свобода.

5. Соглашение о Луне 1979 года. В отличие от ранее рассмотренных соглашений и договоров, это соглашение провозглашает запрет милитаризации. Среди государств, которые подписали и ратифицировали договор, нет ни одного члена «большой семерки», постоянного члена Совета Безопасности ООН или страны с собственной космической программой [5].

Также многие национальные законы допускают добычу ресурсов, что вступает в противоречие с положениями соглашения, формируется альтернативное регулирование. Fabio Tronchetti указывает на пример нормативной неэффективности.

Если существует альтернативное регулирование относящихся к области международного права отношений, которое по своему смыслу предполагает регулирование области всеобщих интересов, то оно заявляет о введении модели координируемого национального присвоения изначально «общего наследия».

Steven Freeland отмечает, что модель 1979 года оказалась политически нежизнеспособной. Государства не были готовы к предложенному в соглашении режиму по исследованию Луны и других небесных тел ввиду огромного потенциала Луны в качестве источника ресурсов. К тому же добыча ресурсов требует инфраструктуры и защиты, что, несомненно, ведет к милитаризации Луны.

Современное регулирование космических ресурсов развивается вне рамок универсального международного права, формируя децентрализованную модель, основанную на национальном законодательстве.

Проведенный анализ показывает, что международное космическое право содержит значимые нормативные ограничения, однако они носят фрагментарный характер и не обеспечивают полноценного предотвращения милитаризации космического пространства. Договор о космосе 1967 года запрещает только наиболее опасные виды оружия, Соглашение о спасении космонавтов не решает вопрос неопределённости статуса участников возможного вооруженного конфликта в космосе, Конвенция об ответственности не снимает

проблему атрибуции, а Конвенция о регистрации не создает действенного механизма контроля.

Соглашение о Луне, несмотря на более жесткий подход, не стало универсальным регулятором вследствие ограниченного круга участников и несоответствия экономическим интересам государств. В результате формируется альтернативное регулирование, основанное на национальных законодательных актах и политических договоренностях, что усиливает правовую фрагментацию.

Следовательно, дальнейшее развитие международно-правового регулирования космического пространства должно быть направлено на выработку более точных критериев допустимого использования космоса, на создание механизмов транспарентности и верификации, а также на формирование международных гарантий недопущения милитаризации космоса. Именно этим и определяется практическая значимость настоящего исследования.

Список источников

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Нью-Йорк, Москва, Лондон, 27 января 1967 г.) // СПС «Гарант».

2. Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (Вашингтон, Москва, Лондон, 22 апреля 1968 г.) // СПС «Гарант».

3. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (Лондон, Москва, Вашингтон, 29 марта 1972 г.) // СПС «Гарант».

4. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (Нью-Йорк, 12 ноября 1974 г., открыта для подписания 14 января 1975 г.) // СПС «Гарант».

5. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (Нью-Йорк, 5 декабря 1979 г.) // СПС «Гарант».

6. Ложковой, П. Н. Милитаризация космического пространства как международно-правовая проблема // Право и управление. XXI век. 2025. № 2(75). С. 53-62.

7. Bin Cheng. Studies in International Space Law. Oxford: Clarendon Press, 1997.

8. Freeland S. The laws of war in outer space // Handbook of Space Security / ed. K.-U. Schrogl, P. L. Hays, J. Robinson, D. Moura, C. Giannopapa. Springer, 2015. P. 81-112.

9. Tronchetti F. The Exploitation of Natural Resources of the Moon and Other Celestial Bodies: A Proposal for a Legal Regime. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2009.

10. von der Dunk F. G. Armed Conflicts in Outer Space: Which Law Applies? // International Law Studies. 2021. Vol. 97. P. 188-231.

Об авторе:

СЕРОВ Матвей Эдуардович – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: seroffmatwei53@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Особенности государственной поддержки участника специальной военной операции

А. А. Соловьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются особенности правового регулирования статуса участников специальной военной операции (СВО) и меры государственной поддержки данной категории граждан. На основе анализа нормативно-правовой автор определяет критерии признания гражданина участником СВО и ветераном боевых действий. Особое внимание уделяется комплексной системе гарантий. Делается вывод о повышении уровня социальной защищённости участников СВО и членов их семей, оптимизации взаимодействия с государственными органами через цифровые платформы.

Ключевые слова: правовой статус, участник, специальная военная операция, ветеран боевых действий, государственная поддержка, социальные гарантии, законодательное регулирование, добровольческие формирования, меры социальной защиты, цифровизация государственных услуг.

Прежде чем определять правовой статус участника специальной военной операции (далее – СВО), необходимо определиться, о какой категории граждан будет идти речь. В процессе анализа законодательной базы, выявлено, что участником СВО признается гражданин Российской Федерации, который имеет документальное подтверждение факта участия в специальной военной операции на территории Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области.

Кроме того, сегодня мы имеем четкое понимание того, кто признается ветераном боевых действий [6, 7]. Так, согласно Федеральному закону от 21.04.2025 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О ветеранах”» и Федеральному закону от 07.07.2025 № 196-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона “О ветеранах”», расширен перечень лиц, имеющих право на приобретение статуса ветерана боевых действий. Кого касается: военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), Росгвардии, МВД, МЧС, ФСИН, ФСБ, добровольцы, гражданские лица. Установлено, что к ветеранам боевых действий относятся, в частности, военнослужащие, лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, войск

Росгвардии, Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения, прокуроры, сотрудники Следственного комитета России, в том числе уволенные в запас (отставку), выполнявшие задачи по отражению вооруженного вторжения на территорию России, а также в ходе вооруженной провокации на Государственной границе России и территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции, в том числе ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при выполнении указанных задач.

Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» в ноябре 2022 года дополнен ст. 22¹ о добровольческих формированиях, которые теперь участвуют в СВО на законных основаниях [2]. Граждане Российской Федерации, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют статус (совокупность прав, обязанностей и ответственности) военнослужащих и заключают контракт с Министерством обороны Российской Федерации.

Наравне с определением статуса и мер поддержки участников СВО обострилась необходимость защиты этической стороны в аспекте защиты чести ВС РФ и исторической памяти в части введения юридической ответственности.

Таким образом, необходимо отметить, что в плане законодательного закрепления категории «участник СВО» проведена большая работа, позволяющая снять напряжение, связанное с разными аспектами жизнедеятельности указанных категорий граждан.

Кроме того, особое внимание уделяется сегодня поддержке военнослужащих и членов их семей [8-10]. Указанные лица находятся на особом контроле у государства с самого начала СВО. В начале 2022 года меры поддержки и льготы предоставлялись преимущественно мобилизованным гражданам. Но практика показала, что меры поддержки необходимо распространять на военнослужащих-контрактников и добровольцев, принимающих участие в спецоперации.

В целом, за годы проведения СВО со стороны государства было предпринято большое количество усилий для определения и внедрения мер, которые бы позволили дать определенные социальные гарантии данным категориям граждан. Понимая большую значимость тех задач, которые люди выполняют, будучи в зоне СВО, государство

разработало и внедрило особые меры поддержки в различных сферах жизнедеятельности. Сегодня эти меры предполагают не только денежную поддержку, но трудовые и социальные гарантии и др. Остановимся более подробно на некоторых из них. Так приняты следующие поправки, касающиеся трудовых и социальных гарантий участников СВО и их семей:

- расширен перечень лиц, имеющих право на статус ветерана боевых действий, а также продлен срок сохранения трудовых льгот для участников. Так, к примеру, статус участника СВО присваивается в том числе добровольцам, служившим в определенных периодах и добровольческих формированиях;

- установлены специальные выплаты и социальная поддержка для семей участников СВО. В частности, установлены единовременные выплаты для членов семей погибших и раненых участников СВО (варьируют от 3 млн. руб. до 8 млн. руб.).

Кроме того, предусмотрены: денежное довольствие, единовременные денежные выплаты, ежемесячная социальная выплата, ежемесячная денежная выплата ветеранам, единовременная выплата при получении ранения, единовременная выплата при охране госграницы России на примыкающих к районам проведения СВО участках, единовременное пособие при увольнении из-за военной травмы, единовременное пособие при увольнении, единовременное поощрение при награждении госнаградами, страховые выплаты, продовольственное и вещевое обеспечение, медицинская помощь и услуги, банковские льготы, налоговые льготы, льготы для ветеранов боевых действий, привилегии в сфере образования и иные льготы и преференции, единовременная выплата на ремонт дома, компенсация расходов на жилищно-коммунальных услуги, ежемесячное пособие на детей, ежемесячная выплата семьям Героев России, ежемесячная денежная компенсация за инвалидность и иные меры поддержки [3].

Военная служба как особый вид федеральной государственной службы, непосредственно связанный с обеспечением обороны страны и безопасности государства, осуществляется в публичных интересах, а лица, несущие такого рода службу, выполняют конституционно значимые функции: военный служащий принимает на себя бремя неукоснительно, в режиме жесткой военной дисциплины исполнять свои обязанности, которые предполагают необходимость решения поставленных задач в любых условиях, в том числе сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья (постановление Конституционного Суда Российской Федерации (далее –

Конституционный Суд РФ) от 29.03.2019 № 16-П). Этим предопределяется специальный правовой статус (совокупность прав и свобод, гарантируемых государством, а также обязанностей и ответственности), содержание и характер обязанностей государства по отношению к военнослужащим (постановления Конституционного Суда РФ от 26.12.2002 № 17-П, от 20.10.2010 № 18-П, от 21.03.2013 № 6-П, от 22.03.2019 № 15-П, от 27.05.2020 № 26-П и др.).

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, система социальной защиты должна строиться на принципах равенства, справедливости и соразмерности, выступающих конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1], но и прав, приобретаемых на основании закона (постановления от 25.02.2019 № 12-П, от 24.06.2024 № 32-П и др.). Принцип же поддержания доверия к закону и действиям государства (ст. 75 Конституции РФ, производный от конституционных требований юридического равенства и справедливости в правовом демократическом государстве (статьи 1 и 19 Конституции РФ) предполагает, что уполномоченные государством органы должны принимать свои решения на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного исследования фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение и прекращение соответствующих прав и свобод (постановление от 30.05.2024 № 27-П).

Именно особый правовой статус военнослужащих предполагает реализацию на основании закона системы специальных мер правовой и социальной защиты, которые обусловлены особенностями возложенных на военнослужащих государственно значимых обязанностей, направлены на компенсацию предусмотренных для них ограничений, обеспечивая им государственную поддержку в период службы и после ее окончания.

При этом принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), гарантируя одинаковые права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, не исключает различий в их фактическом положении, а также необходимость учета этих различий в законе (постановления Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П, от 27.04.2001 № 7-П и др.).

Перечень мер поддержки участников СВО не ограничивается вышеперечисленными и постоянно расширяется. В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации регулярно

поступают законопроекты с предложением о предоставлении новых преференций и льгот.

Например, трудовые гарантии участников СВО установлены в статье 351⁷ Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ): сохранение трудового места, ДМС, негосударственное пенсионное обеспечение и др. А члены семей участников СВО имеют право на: до 14 дней неоплачиваемого отпуска; до 35 дней при уходе за ранеными [4]. Это является новеллой.

С 01.01.2025 вступила в силу норма, обязывающая органы службы занятости содействовать приоритетному трудоустройству граждан, завершивших прохождение военной службы [5].

Для участников СВО, вернувшихся к мирной жизни, продлили срок действия результатов ЕГЭ. Сегодня доступно бесплатное образование в рамках повышения квалификации. Еще одна программа, которая анонсирована Президентом Российской Федерации, это «Время Героев», целью которой является подготовка высококвалифицированных, компетентных руководителей из числа участников СВО для последующей работы в органах государственной и муниципальной власти, а также государственных компаниях.

При этом особое внимание необходимо уделить и мерам инфраструктурного характера. Теперь участникам СВО нет необходимости очного присутствия, так как организовано получение различных документов, связанных с получением льгот, с использованием платформы «Госуслуги». Кроме того, есть меры, которые больше не носят заявительного характера и начисляются, формируются автоматически. На основе государственно-частного партнерства на портале «Госуслуги» запущен раздел, где демобилизованные и действующие участники СВО смогут найти все льготы и выплаты, которые им полагаются. Сделать это можно в личном кабинете.

Таким образом, мы видим, что в сложившейся ситуации государством принято немало усилий как юридического, организационного, так и экономического характера. Прделанная работа позволяет сделать более понятным правовое поле, в рамках которого действует большое количество участников. Снижается количество жалоб и повторных обращений участников в различные инстанции.

Отдельно необходимо отметить, что все меры прямо или косвенно отражаются на расходной части как федерального, так и региональных и местных бюджетов. Что ставит перед государством

еще одно сложную задачу, по поиску резервов роста доходной части бюджетов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «Об обороне» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О статусе военнослужащих» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 21.04.2025 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 07.07.2025 № 196-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона “О ветеранах”» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Правительства РФ от 28.04.2023 № 669 (ред. от 21.02.2024) «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Правительства РФ от 09.10.2024 № 1354 «О порядке установления факта участия граждан Российской Федерации в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

СОЛОВЬЕВА Анастасия Алексеевна – студентка 2 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: zhoramylove2010@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Проблема конкретизации правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев в условиях специальной военной операции

П. А. Титова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается проблема уточнения правового статуса беженцев, лиц, получивших временное убежище, и вынужденных переселенцев в Российской Федерации в условиях Специальной Военной Операции. Обосновывается, что практика легального приема и правовой защиты лиц, покинувших территории вооруженного конфликта, «опережает» положения ранее принятого законодательства и остается не всегда с ним согласованной. Объем предоставляемых гарантий в такой ситуации оказывается во многом зависимым не только от реальной нужды, но и от правового статуса лица, нуждающегося в поддержке. В связи с этим предлагается комплексно обновить правовое регулирование вынужденной миграции, включая систематизацию действующего законодательства, более четкое разграничение смежных статусов граждан, а также закрепление общего минимального стандарта правовых гарантий для лиц, нуждающихся в защите государства.

Ключевые слова: беженец; вынужденный переселенец; временное убежище; вынужденная миграция; СВО; социально-правовые гарантии.

Как отмечается в литературе, проблематика правового положения беженцев и вынужденных переселенцев приобрела сегодня для Российской Федерации особенное практическое значение. Специальная Военная Операция (далее – СВО) повлекла масштабные перемещения людей: на территорию страны прибывали иностранные граждане и лица без гражданства, а часть граждан покидала места постоянного проживания внутри российского правового пространства. В таких условиях стало важно правильно определить правовой статус лиц различных категорий, от чего зависит объем их прав, доступ к социальным гарантиям, порядок оформления документов и пределы государственной защиты [2; 4; 5; 10; 16].

Нормативную основу регулирования в данной сфере составляют Конвенция о статусе беженцев 1951 г., Закон РФ от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах», Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах», Постановление Правительства РФ от 09.04.2001 № 274, определяющее порядок предоставления временного убежища, а также специальные акты, принятые в связи с массовым

прибытием лиц из Украины и с территорий вооруженного конфликта [2; 4–9]. Такой круг источников показывает, что предмет регулирования действительно сложен. Одновременно он вынуждает предположить, что действующее законодательство не всегда образует единую и последовательную систему. Предметный анализ во многом подтверждает такие предположения.

Согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Закону РФ от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» (далее – Закон о беженцах), беженцем признается лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и находится вне страны своей гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства из-за обоснованных опасений стать жертвой преследования по признакам расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений [2; 4; 10]. Тем самым статус беженца решающим образом связан с пересечением государственной границы и потребностью в международной защите. Российское законодательство, следуя международному стандарту, закрепляет для этой категории лиц ряд прав и гарантий, включая защиту от принудительного возвращения, получение документов, содействие в размещении и возможность проживания на территории Российской Федерации [4].

Иначе устроен статус вынужденного переселенца. В Законе РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» речь идет главным образом о гражданине Российской Федерации, который покинул место жительства из-за насилия, преследования либо реальной опасности подвергнуться преследованию по основаниям, указанным в этом законе [5; 16]. Следовательно, данный институт рассчитан, прежде всего, на внутреннюю вынужденную миграцию и является формой государственной защиты лиц, перемещающихся внутри российского правового пространства. В этом состоит его основное отличие от института беженцев. Вместе с тем в условиях СВО миграционные потоки имеют смешанный характер, поэтому формальное применение прежних законодательных конструкций не всегда отражает реальную нуждаемость человека в защите.

Одним из наиболее востребованных инструментов быстрого реагирования на массовое прибытие лиц в Российскую Федерацию стало временное убежище. В соответствии со ст. 12 Закона О беженцах такое убежище предоставляется на территории Российской Федерации в порядке, определяемом Правительством РФ, в том числе

лицам, которые имеют основания для признания беженцами, но ограничиваются ходатайством о временном пребывании, а также лицам, которые по гуманитарным причинам не могут быть выдворены или депортированы за пределы России [4; 7; 16]. По общему правилу временное убежище предоставляется на срок до одного года с возможностью ежегодного продления [8]. Постановление Правительства РФ от 22. 07. 2014 № 690 закрепило упрощенный порядок его предоставления гражданам Украины и отдельным категориям лиц, постоянно проживавших на территории Украины, прибывшим в экстренном массовом порядке [7]. Кроме того, актуальными изменениями было установлено специальное правило для граждан Украины: при получении свидетельства о предоставлении временного убежища они освобождаются от обязанности передавать национальный паспорт и иные документы, удостоверяющие личность, на хранение в территориальный орган МВД России [4; 15].

Проблема возникает на стыке перечисленных правовых режимов. Лицо, покинувшее территорию боевых действий, по фактическому положению может нуждаться в наборе гарантий: безопасности, жилье, медицинской помощи, законном трудоустройстве, образовании для детей, восстановлении документов и юридическом сопровождении. Однако с точки зрения закона объем его прав будет зависеть от того, признано ли лицо беженцем, получило ли временное убежище, подпадает ли под статус вынужденного переселенца либо пользуется специальными временными мерами. В итоге, как признают многие специалисты, лица, находящиеся в сходной жизненной ситуации, могут оказаться в разном правовом положении.

Особое значение в этой связи имеет Указ Президента РФ от 27. 08. 2022 № 586, которым установлены специальные социальные выплаты гражданам ДНР, ЛНР, Украины и лицам без гражданства, вынужденно покинувшим территории постоянного проживания и прибывшим на территорию Российской Федерации после 18 февраля 2022 года [6]. С практической точки зрения данный Указ сыграл существенную стабилизирующую роль, однако, по мнению ученых-юристов, с доктринальной позиции он выявил серьезную проблему: часть значимых гарантий для вынужденных мигрантов закрепляется не в базовых статусных законах, а в специальных актах, принятых для реагирования на кризисную ситуацию.

Сравнение действующих «смежных» по ситуационным факторам правовых режимов показывает, что правовой статус беженца в

российском законодательстве выглядит наиболее полноценно оформленным: он основан на международно-правовой модели, содержит гарантии невысылки и включает порядок признания и утраты статуса [2; 4; 10]. Вместе с тем институт временного убежища стал фактически главным рабочим механизмом в условиях массового прибытия лиц, поскольку позволяет быстрее легализовать пребывание нуждающегося в защите человека [7; 8; 14; 15].

Статус вынужденного переселенца сохраняет значение для внутренней миграции, однако он нуждается в оперативном обновлении с учетом современных миграционных процессов в реалиях СВО [5; 13; 16]. На эту проблему обращают внимание, в частности, И. Ф. Амельчаков и О. В. Катаева, подчеркивая необходимость систематизации законодательства о вынужденной миграции и создания механизма постоянного мониторинга в данной сфере [11].

С. Ю. Андрейцо также считает, что проблемы вынужденной миграции нельзя сводить лишь к вопросам допуска на территорию государства: не менее важны прием, адаптация и интеграция вынужденных мигрантов, а также совершенствование правоприменительной практики [12].

Ш. М. Нурадинов и С. Л. Нечай анализируют временное убежище как самостоятельный институт миграционного права, обращая внимание на особенности его правового регулирования, изменения и необходимость совершенствования в современных геополитических условиях [15].

В. И. Евтушенко и О. А. Дизер отмечают, что после начала СВО проблемы внутренней вынужденной миграции вновь поставили вопрос о совершенствовании публично-правового регулирования статуса вынужденного переселенца [13].

О необходимости совершенствования действующего механизма временного убежища пишет С. В. Мягкова, рассматривая основные проблемы его предоставления в России и возможные пути их решения [14].

Представляется, что проблема конкретизации правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев должна решаться не отдельными точечными поправками, а системно. Во-первых, в федеральном законодательстве необходимо отчетливо, руководствуясь конституционными критериями, определить соотношение статусов беженца, вынужденного переселенца, лица, получившего временное убежище, и лиц, прибывших в экстренном

массовом порядке [4; 5; 7; 8]. Критериями соответствующего разграничения должны выступать гражданство, характер перемещения (трансграничное или внутреннее), юридические основания предоставления защиты, а также объем и срок гарантий.

Во-вторых, с чем согласно большинство авторов, следует закрепить единый минимальный стандарт прав независимо от выбранной право-статусной квалификации. Такой стандарт должен включать право на временное размещение, первичную медицинскую помощь, доступ детей к образованию, содействие трудоустройству, переводческую помощь, восстановление утраченных документов и бесплатную юридическую помощь [4–8]. Данное предложение актуально в свете новейших изменений в законодательстве. Так, Федеральный закон от 23.03.2026 № 64-ФЗ [3] закрепил право на бесплатную юридическую помощь лицам, ходатайствующим о признании их беженцами или вынужденными переселенцами, лицам, уже признанным беженцами или вынужденными переселенцами, а также лицам, получившим временное убежище. Такая помощь оказывается по вопросам признания соответствующего статуса, предоставления временного убежища, приема в гражданство Российской Федерации, восстановления утраченных документов и установления фактов, имеющих юридическое значение. Нововведение заслуживает положительной оценки, поскольку юридическая помощь во многих случаях становится условием реального осуществления иных прав. Вместе с тем сам факт принятия такой нормы показывает, что отдельные пробелы устраняются уже после формирования сложной правоприменительной практики.

В-третьих, необходима дальнейшая процессуальная модернизация. Приказ МВД России от 14.11.2025 № 952 утвердил Инструкцию по организации деятельности МВД России и его территориальных органов при рассмотрении ходатайств о признании беженцем на территории Российской Федерации и заявлений о предоставлении временного убежища, а также форму заявления о предоставлении временного убежища [9]. Этот Акт важен для единообразного применения процедуры. Однако, как справедливо замечают специалисты, уточнение формы заявления и порядка рассмотрения документов само по себе не решает более широкий вопрос: как соотносятся между собой статусы беженца, вынужденного переселенца и лица, получившего временное убежище, а также какие минимальные гарантии должны предоставляться таким лицам при массовом прибытии.

Наконец, отдельного внимания заслуживает вопрос о совершенствовании института вынужденного переселенца. Закон РФ № 4530-1 продолжает действовать и по-прежнему определяет статус вынужденных переселенцев, а также основные гарантии защиты их прав [5]. Вместе с тем миграционные процессы после 2022 года показывают необходимость дальнейшего обновления института, который может обеспечить защиту граждан Российской Федерации, вынужденно переместившихся из мест постоянного проживания в связи с угрозой насилия, преследования или иной опасности [5; 13]. Справедливо, что для эффективного применения статуса вынужденного переселенца необходимо обновить его нормативное регулирование, уточнить перечень гарантий, порядок признания статуса и механизмы взаимодействия между государственными органами [13].

Таким образом, в условиях СВО российское законодательство показало способность оперативно реагировать на кризисные миграционные процессы. Вместе с тем, во многом это обеспечивалось за счет подзаконных актов и специальных временных решений [6–8]. Позволяя решить ряд практических задач, связанных с приемом и поддержкой вынужденных мигрантов, такая практика выявила недостаточную согласованность действующих правовых режимов. К сожалению, нередко лица, находящиеся в сходных жизненных ситуациях и одинаково нуждающиеся в поддержке государства, не получают ее в равном объеме прав и гарантий. Дальнейшее развитие профильного законодательства должно быть нацелено на четкое разграничение указанных смежных миграционных статусов, приведение минимальных гарантий к единому стандарту и обновление института вынужденного переселенца.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о статусе беженцев (принята 28.07.1951 Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1950) // СПС «Гарант».
3. Федеральный закон от 23.03.2026 № 64-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона “О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Закон РФ от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Указ Президента Российской Федерации от 27.08.2022 № 586 «О выплатах гражданам Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины и лицам без гражданства, вынужденно покинувшим территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины и прибывшим на территорию Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.07.2014 № 690 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживавшим на территории Украины, прибывшим в экстренном массовом порядке на территорию Российской Федерации в поисках убежища» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.04.2001 № 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приказ МВД России от 14.11.2025 № 952 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов по обеспечению принятия решений при рассмотрении ходатайств о признании беженцем на территории Российской Федерации и заявлений о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации и формы такого заявления» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Абашидзе А.Х., Гликман О.В., Данельян А.А. [и др.] Международное право: учебник для аспирантов / под общ. ред. А.Х. Абашидзе. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство РУДН, 2022. СПС «КонсультантПлюс».

11. Амельчаков И.Ф., Катаева О.В. Административно-правовое регулирование вынужденной миграции в Российской Федерации: историко-правовой анализ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 20–28.

12. Андрейцо С.Ю. Правовые проблемы вынужденной миграции в Россию: реализация миграционной политики, рекомендации по совершенствованию законодательства // Закон и право. 2024. № 11. С. 49–52.

13. Евтушенко В.И., Дизер О.А. Совершенствование публично-правового регулирования статуса вынужденного переселенца в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 64–70.

14. Мягкова С.В. Временное убежище в России: основные проблемы и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 4. С. 103–107.

15. Нурадинов Ш.М., Нечай С.Л. Совершенствование института временного убежища в современных геополитических условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 132–136.

16. Цинделиани И.А., Трифонова К.В. Миграционное право России: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2024. СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ТИТОВА Прасковья Александровна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: titovapraskovyarock@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Правовые основания и формы оказания международной помощи воюющим государствам: гуманитарные, экономические и военные аспекты

С. В. Удодов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы природы международной помощи, связанной с вооружёнными конфликтами, а также правовых оснований и форм оказания такой помощи воюющим государствам. Ответы на эти вопросы должны учитывать, что международное право по своей природе призвано регулировать мирное взаимодействие государств, минимизировать человеческие страдания и создавать предпосылки для восстановления мира.

Ключевые слова: *международная помощь, воюющие государства, нейтральное государство, международное гуманитарное право.*

Международная помощь воюющим государствам – это предоставление другими странами или международными организациями ресурсов одной или нескольким сторонам конфликта. Такая помощь может включать финансирование, гуманитарную помощь, обеспечение дипломатической поддержки и даже поставки военной техники. Суть проблемы заключается, при этом, в правовом определении форм оказаний международной помощи, а так же в приведении различий между понятиями помощи воюющей стороне и непосредственным участием в военных действиях, путём оказания поддержки.

Вопросы помощи государствам, находящимся в состоянии вооружённого конфликта, регулируют:

1. Женевское право: его основу составляют четыре Женевские конвенции 1949 года о защите жертв войны и Дополнительные протоколы к ним 1977 года. Эти документы регламентируют защиту раненых, больных, военнопленных и гражданского населения [6].

2. Гаагское право: регулирует права и обязанности воюющих сторон, ограничивая их в выборе средств и методов нанесения ущерба противнику и запрещая насилие, не обусловленное военной необходимостью [5].

Государства-участники названных конвенций обязаны соблюдать и обеспечивать соблюдение регламентированных этими актами норм. Как отмечается в литературе, на базовом уровне данное требование отражает юридическую максиму «*pacta sunt servanda*», согласно

которой государства должны выполнять все обязательства, вытекающие из договора, участником которого они являются [9].

Серьёзные нарушения норм Женевского и Гаагского права квалифицируются как военные преступления. Для борьбы с безнаказанностью за такие преступления создаются специальные механизмы. В частности, это Международный уголовный суд в Гааге, который уполномочен расследовать и преследовать лиц, обвиняемых в военных преступлениях.

Наиболее значимой организацией по регулированию гуманитарной помощи и международной координации является Организация Объединённых Наций (далее – ООН). Через свои специализированные подразделения ООН отслеживает актуальную мировую ситуацию, привлекает финансирование и организует доставку помощи.

Регулирование вопросов военной помощи осуществляется и на национальном уровне. В этой связи следует отметить, что согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы [1]. Это означает, что нормы Гаагского и Женевского права являются для России частью внутреннего законодательства и имеют прямое действие. Поэтому в Уголовном кодексе РФ закреплена ст. 356: «Применение запрещённых средств и методов ведения войны», которая устанавливает ответственность за серьёзные нарушения норм международного гуманитарного права [2]. Федеральный закон «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» и соответствующие указы Президента РФ строго регламентируют порядок экспорта военной продукции.

Анализируя легитимность международной помощи, обязательно оценивают ситуацию как с точки зрения международного права, так и национальных интересов [3]. Например, В. С. Иваненко акцентирует внимание на «принципе гуманности» как императиве и фундаменте для разграничения гуманитарной помощи (направленной на облегчение страданий) и военной (направленной на продолжение боевых действий) [7].

В контексте обозначенной проблематики заслуживают внимания некоторые примеры:

1. Помощь США и сил ООН под американским командованием Южной Кореи во время Корейской войны. С правовой точки зрения это – классический пример легитимации военной помощи через

мандат Совета Безопасности ООН. После вторжения Северной Кореи 25 июня 1950 года СБ ООН в отсутствие советского представителя принял резолюции, рекомендовавшие членам ООН оказать помощь Южной Корее. США предоставили около 90% военного контингента и почти всё финансирование – порядка \$67 млрд.

2. Помощь Франции 13 восставшим американским колониям в ходе Войны за независимость США демонстрирует эволюцию правового статуса оказывающей помощь стороны: от скрытного нарушения нейтралитета к полноценному военному союзу. Франция сохраняла видимость нейтралитета, но через подставные компании тайно снабжала повстанцев боеприпасами и предоставляла займы. После победы колонистов под Саратогой в 1777 году Франция подписала союзный договор, обязавшись оказывать военную помощь до полной независимости США [8].

Важным аспектом международной помощи военного характера является институт нейтралитета, закрепленный в V и XIII Гаагских конвенциях 1907 года. Как подчеркивается в литературе, статус нейтрального государства налагает на него два фундаментальных обязательства: воздерживаться от участия в военных действиях и относиться к воюющим сторонам равно и беспристрастно. Поставки вооружений, боеприпасов и иного военного снаряжения одной из сторон являются прямым нарушением принципа беспристрастности, превращая такое государство в «невоюющего союзника» (*non-belligerent*). Это лишает его статуса нейтрального и делает законной военной целью для противной стороны [4].

Поставка вооружений, в отличие от гуманитарной помощи, напрямую способствует продолжению боевых действий. Помимо утраты нейтралитета, это может повлечь и другие правовые последствия, на которые тоже обращают внимание исследователи. Третьи государства могут ссылаться на институт международно-правовой ответственности за соучастие в противоправном деянии, что предусмотрено, в частности, статей об ответственности государств КМП ООН 2001 года [4].

Государство, которое не только поставляет оружие, но и предоставляет свой личный состав (советников, операторов сложных систем) или территорию, рискует само стать стороной в конфликте. Его военнослужащие будут рассматриваться как комбатанты – законные участники боевых действий, со всеми вытекающими правами и обязанностями, включая право быть атакованными и право на статус военнопленного в случае захвата. Классический пример –

программа Ленд-лиза. Она стала возможной только после того, как США, формально оставаясь нейтральными, приняли соответствующий закон. С правовой точки зрения это был осознанный отказ от нейтралитета в пользу статуса «невоюющего государства», оказывающего масштабную военную помощь одной из сторон, что в итоге привело к их прямому вступлению в войну.

Завершая обзор правовых и научных источников по проблеме, подчеркну, что, несмотря на попытки отдельных государств и политических блоков размыть понятие нейтралитета с помощью усложнённого толкования, нормы Гаагского и Женевского права остаются легитимной основой юридически обоснованной военной помощи. Чёткое разграничение между гуманитарной помощью, направленной на спасение жизней, с одной стороны, и военной поддержкой, стимулирующей эскалацию, с другой стороны, служит императивом, несоблюдение которого ведёт к дестабилизации системы международных договорённостей. Позиция России, основанная на уважении к общепризнанным принципам и нормам международного права, имплементированным в её правовую систему, является юридически взвешенной и единственно здоровой в международной ситуации чреватой глобальными военными конфликтами.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 года, 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны. Заключена в г. Гааге 18.10.1907 // Международное публичное право: Сборник документов. М.: БЕК, 1996. Т. 2.

4. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2014. С. 17–26.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Иваненко В.С., Кузнецов В.И. Глава 6. Принципы международного права // Международное право: учебник / отв. ред. А.А. Ковалев, С.В. Черниченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 536 с. С. 778–815.

8. История государства и права зарубежных стран. В 2-х ч. Под ред. Крашенинниковой Н.А. и Жидкова О.А., 2-е изд., стереотип. М.: НОРМА, 2004. 720 с.

9. Мельцер Н. Международное гуманитарное право. Общий курс: Международный Комитет Красного Креста, 2017. 417 с.

Об авторе:

Удодов Савелий Витальевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: savely.business@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Конституционно-правовые гарантии детей участников специальной военной операции

А. А. Филин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются основные гарантии государства, предусмотренные для детей участников специальной военной операции, а также процесс формирования межотраслевого института российского права. Анализируются конституционная основа данного института и его нормативное отражение в федеральном законодательстве, а также затрагивается проблема соотношения общего и специального правового статуса ребенка. Выявлены особенности субъектного состава правоотношений и обозначены ключевые проблемы правоприменительной практики. Сделан вывод о формировании особой правосубъектности детей участников СВО, требующей теоретического осмысления и совершенствования законодательства.

Ключевые слова: конституционные гарантии, дети участников СВО, правовой статус, специальная правосубъектность, социальная защита, межотраслевой правовой институт.

На современном этапе развития Российского государства идет поиск оптимальных моделей реализации его социальных функций в условиях внешнего санкционного давления со стороны Евроатлантического сообщества. Сложившаяся обстановка обусловила появление в правовой системе России беспрецедентного по масштабам количества нормативных актов, направленных на защиту участников Специальной Военной Операции (далее – СВО) и членов их семей, в том числе, несовершеннолетних детей и подростков. По данным Государственной Думы Федерального Собрания РФ, с 2022 года было принято 164 федеральных закона, регламентирующих различные аспекты поддержки указанной категории граждан [4]. Обозначенный нормативный массив формирует предмет для теоретико-правового анализа, включая вопросы формирования нового правового института или модернизации уже существующих институтов, связанных с социальным обеспечением.

Прежде всего, следует обратиться к «азбучной истине» российского права: ст. 7 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), согласно которой государство провозглашается социальным, а его политика направлена на создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека

[1]. Если рассматривать эту статью в контексте СВО, то поддержка детей в обязательном порядке не должна прекращаться после гибели или ранения кормильца семьи.

В ст. 38 Конституции РФ установлено, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. В таком случае дети участников СВО, являются теми лицами, фундаментальные права которых (право на жизнь, жилище, образование, охрану здоровья, социальные права и т.д.) попадают под выраженную угрозу, и государство обязано выступать гарантом их защиты.

Статья 39 Конституции РФ предоставляет каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и в других случаях. Статья 43 закрепляет право каждого гражданина на образование, гарантируя бесплатность и общедоступность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования.

Все указанные выше конституционные положения образуют правовую основу, на которой базируется соответствующее отраслевое законодательство, устанавливающее конкретные гарантии для детей участников СВО.

Как отмечает В. Л. Весенина, особое значение приобретают специальные федеральные законы, непосредственно направленные на урегулирования вопросов, связанных с СВО [5]. Так, Федеральный закон от 24.06.2023 № 281-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 24 Федерального закона “О статусе военнослужащих” и Федеральный закон “О войсках национальной гвардии Российской Федерации”» закрепил конкретные гарантии для детей участников СВО в сфере образования [2]. Детям указанной категории в первоочередном порядке предоставляются места в государственных и муниципальных общеобразовательных и дошкольных образовательных учреждениях по месту жительства их семей, а также места в летних и оздоровительных лагерях.

Федеральный закон от 24.06.2023 № 264-ФЗ [3] расширил перечень лиц, имеющих право на приём на обучение по программам бакалавриата и специалитета за счет бюджетных средств в пределах отдельной квоты, включив в него участников СВО и их детей. Состав субъектов, получающих соответствующие гарантии, определенный законодателем, достаточно широк и включает в себя: детей военнослужащих и детей граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, в том числе усыновленных (удочеренных) или находящихся под опекой или попечительством, включая приемную

либо патронатную семью; детей военнослужащих и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, погибших (умерших) при выполнении задач СВО либо вследствие увечья или заболевания, полученных в ходе СВО [11].

Не менее важным решением стало законодательное решение о сохранении льгот для детей военнослужащих после окончания школы до поступления в вузы или колледжи. Согласно конкретизирующему постановлению Правительства РФ, льготный статус предоставляется «детям, которым исполнилось 18 лет и которые завершили обучение по основным или средним общеобразовательным программам в образовательных учреждениях до 1 сентября года завершения обучения, а также детям до 23 лет, продолжающим обучение по очной форме в образовательных организациях» [7]. Это положение устраняет правовую неопределенность, существовавшую ранее, связанную с утратой льготного статуса при условии достижения совершеннолетнего возраста.

Важно отметить, что с точки зрения теоретико-правового обоснования следует рассматривать названные гарантии как не только материальные, но и процедурные преимущества, создающие для данной категории детей особый режим реализации конституционного права на образование.

В рамках теории государства и права различают такие виды правового статуса личности как общий, специальный (родовой), индивидуальный [10, с 185]. Общий правовой статус является единым и одинаковым для всех и определяется, прежде всего, Конституцией РФ. Специальный, или родовой, правовой статус отражает особенности правового положения определенных категорий граждан. Применительно к детям участников СВО можно говорить о формировании их специального, особого правового статуса.

Как отмечает Е. В. Михайлова, материально-правовой статус участников СВО и членов их семей целесообразно дифференцировать на общий и специальный, что предопределяет различный процессуальный порядок защиты их прав [9]. Если в спорном материальном правоотношении указанные лица реализуют специальный статус, закрепленный в положениях специальных нормативных актов, это должно влечь предоставление особого процессуального статуса, включая сокращенные сроки рассмотрения дел и активную роль суда. Данный теоретический вывод имеет принципиальное значение для понимания правовой природы гарантий детей участников СВО, поскольку рассматривает формирование

целостного правового института, охватывающего материальные и процессуальные аспекты реализации прав несовершеннолетних.

Опыт реализации перечисленных конституционно-правовых гарантий выявил ряд вопросов, требующих прояснения и законодательного урегулирования. Так, одна из проблем связана с установлением юридического факта отцовства участника СВО в случаях, когда оно не было надлежащим образом зарегистрировано. Показательным является случай в Астраханской области, где прокуратура обратилась в суд с иском об установлении факта отцовства участников СВО, погибшего в ходе операции, поскольку при его жизни отцовство в отношении двоих детей зарегистрировано не было [6]. Суд удовлетворил требование прокуратуры, что позволило детям приобрести наследственные права и право на меры социальной поддержки. Этот случай демонстрирует необходимость активной роли органов прокуратуры в защите прав детей СВО.

Другая проблема связана с попытками недобросовестного использования «ресурса» отцовства погибшего участника СВО. Первый кассационный суд общей юрисдикции рассматривал дело, в котором супруга погибшего участника СВО пытались оспорить отцовство в отношении ребенка от предыдущего брака с целью увеличения собственной доли в наследстве и причитающихся выплатах. Суды трех инстанций отказали в удовлетворении иска, указав, что истец не относится к числу лиц, имеющих право оспаривать отцовство [12]. Такая судебная позиция подтверждает устойчивость правового статуса ребенка участника СВО, который не может быть произвольно изменен по инициативе третьих лиц.

Проблемный характер носит возможность привязки социальных выплат к месту регистрации участника СВО. В 2025 году Генеральный прокурор РФ И. В. Краснов поручил прокурорам всех субъектов инициировать принятие закона, гарантирующего предоставление выплат детям участников СВО независимо от места регистрации родителей-военнослужащих [8]. Основанием данного поручения послужил случай 16-летнего подростка из Челябинской области, лишившегося социальной поддержки, потому что его отец убыл в зону проведения спецоперации из другого субъекта РФ. Указанная проблема имеет конституционно-правовое измерение, поскольку затрагивает принцип равенства перед законом, установленный в статье 19 Конституции РФ.

В заключение хочется сказать, что формирование системы конституционно-правовых гарантий для детей участников СВО

представляет собой сложную, ответственную реакцию России как правового и социального государства на появление особой социальной группы, нуждающейся в повышенной правовой защите. С теоретико-правовой точки зрения, посредством систематизации действующего законодательства, а также устранения выявленных пробелов и улучшения процессуальных механизмов, идет развитие нового правового института. В качестве возможных шагов, направленных на решение соответствующих задач, можно рассмотреть принятие единого кодифицированного акта, который определил бы особый правовой статус участников СВО и членов их семей, либо включение соответствующих норм в Социальный кодекс Российской Федерации, принятие которого активно обсуждается в юридической науке.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 24.06.2023 № 281-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 24 Федерального закона “О статусе военнослужащих” и Федеральный закон “О войсках национальной гвардии Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 24.06.2023 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Вячеслав Володин: с 2022 года принято 164 закона, касающихся поддержки участников СВО и их близких // РИА Новости // [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260414/gosduma-2087008833.html> (дата обращения: 20.03.2026).

5. Васенина В.Л. Правовые аспекты социальной защиты и поддержки участников специальной военной операции и их семей // Новый юридический вестник. 2025. № 5 (47). С. 7–10.

6. В Астраханской области по требованию прокуратуры восстановлены права несовершеннолетних детей участника СВО // Генеральная прокуратура Российской Федерации // [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/> (дата обращения: 18.03.2026).

7. Детям участников СВО сохраняют льготы после окончания школы // Дума ТВ - Парламентское телевидение ГД ФС РФ // [Электронный ресурс]. URL: <https://migration.dumatv.ru/news/detyam-uchastnikov-svo-sohranyat-lgoti-posle-okonchaniya-shkoli> (дата обращения: 25.03.2026).

8. Краснов поручил прокурорам инициировать принятие закона о поддержке детей участников СВО // Известияiz // [Электронный ресурс]. URL:https://en.iz.ru/en/1837289/2025-02-11/krasnov-instructed-prosecutors-initiate-law-support-children-swo-participants?main_click (дата обращения: 19.03.2026).

9. Михайлова Е.В. Судебная защита гражданских прав участников специальной военной операции и членов их семей // Государство и право. 2025. № 5. С. 135–142.

10. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 528 с.

11. Особые гарантии в сфере образования // Прокуратура Пермского края // [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_59/activity/legal-education/explain/e573651/ (дата обращения: 25.03.2026).

12. Суд защитил права несовершеннолетнего ребенка погибшего участника СВО// Первый кассационный суд общей юрисдикции// [Электронный ресурс]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=252 (дата обращения: 09.03.2026).

Об авторе:

ФИЛИН Андрей Андреевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: afillinn1945@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Трансформация конституционно-правового статуса граждан СССР в период Великой Отечественной войны

В. В. Шаповалова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается трансформация советского законодательства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на фоне положений Конституции 1936 г. Основная цель данной работы состоит в анализе эволюции правового статуса советских граждан в этот период. Рассматриваются ключевые для заявленной проблематики правовые акты военного времени. С позиций современных представлений о конституционализме анализируется роль «Сталинской конституции» в адаптации правовой системы СССР к условиям войны.

***Ключевые слова:** трансформация права, Конституция СССР 1936 года, Великая Отечественная война, чрезвычайное положение, конституционные гарантии.*

Великая Отечественная война Советского народа 1941-1945 гг. (далее – Война) стала тяжелым испытанием для страны, потребовавшим перестройки государственного управления на режим мобилизации и чрезвычайного регулирования, что неизбежно отразилось на конституционно-правовом статусе граждан СССР. Научные исследования влияния этих изменений на социальную структуру общества и на права советских граждан в условиях военного времени нуждаются в продолжении, исходя из представления, что формальная сохранность конституционного массива во время Войны сама по себе не описывает происходившую фактическую трансформацию статуса граждан.

Являясь исходной точкой для оценки обозначенной трансформации, Конституция СССР 1936 г., закрепила уникальную в своем роде систему основных прав и обязанностей советских граждан. Однако с начала Войны эта конституционно-правовая модель переходит в режим чрезвычайного функционирования. Уже 22 июня 1941 года (первый день Войны), Президиум Верховного Совета СССР принял три указа, заложивших основу правового режима военного времени. Указами Президиума Верховного Совета СССР были одновременно введены военное положение, объявлено его действие в ряде местностей и утверждено Положение о военных трибуналах [3,4,5]. Указ «О военном положении» передал военным властям ключевые функции в сфере обороны, общественного порядка

и государственной безопасности и наделил их правом вводить обязательные постановления для населения, привлекать граждан к трудовой повинности, изымать имущество для нужд обороны, ограничивать передвижение, регулировать деятельность учреждений и собраний, а также применять административные санкции [4]. Тем самым в годы Войны реальное содержание конституционного статуса гражданина стало определяться не столько нормами Конституции СССР, сколько специальным чрезвычайным законодательством.

30 июня 1941 года совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) был образован Государственный Комитет Обороны (далее – ГКО). Согласно данному постановлению, ГКО наделялся «всей полнотой власти в государстве», а все граждане и государственные органы были обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО [2]. «Своего специального аппарата ГКО не имел, а использовал аппараты ЦК ВКП (б), СНК СССР, отдельных наркоматов. Какого-либо документа, регламентирующего порядок обсуждения, принятия и исполнения решений, разработано не было, но ГКО являлся оперативным, четко действовавшим органом» – отмечает В. И. Морозов [12].

Одним из направлений трансформации конституционно-правового статуса граждан стало ограничение трудовых прав, закреплённых в Конституции СССР 1936 года. Конституция гарантировала гражданам право на труд и отдых [1]. Однако условия военного времени потребовали изменения правового регулирования трудовых отношений, поскольку именно сфера труда была признана ключевой для обороны государства.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» предоставил директорам предприятий право, с разрешения СНК СССР, вводить обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трёх часов в день; одновременно были отменены очередные и дополнительные отпуска, заменённые денежной компенсацией для взрослых граждан [6]. Указ от 26 декабря 1941 г. об ответственности работников предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий фактически закрепил работников за оборонным производством и перевёл нарушение трудовой дисциплины в плоскость уголовно-правового преследования [8]. Последующие ограничения трудовых прав были усилены Указом от 13 февраля 1942 г. о мобилизации трудоспособного городского населения для работы на производстве и

в строительстве, что означало прямое подчинение части населения задачам военной экономики [9].

Конституционную трансформацию претерпели и личные права, поставленные в зависимость от режима государственной безопасности и военной целесообразности. Если в довоенной конституционной модели гражданам формально гарантировалась личная неприкосновенность, то в условиях военного положения механизм реализации этого права был изменён. Военные власти получили, например, полномочие запрещать появление граждан на улице после определённого времени, производить обыски и задержание подозрительных лиц, выселять в административном порядке лиц, признанных социально опасными. Это означало правовое сужение свободы передвижения, ослабление гарантий от произвольного вмешательства в частную сферу и расширение внесудебных административных механизмов воздействия на население. Такие меры прямо вытекали из чрезвычайных полномочий, предоставленных военному командованию актом высшей государственной власти. Их логическим продолжением стало общее ужесточение уголовной репрессии как средства поддержания гражданской дисциплины.

На фоне военных событий преступность начала стремительно расти. «Несмотря на неполные данные, с учетом экспертных оценок преступность в годы Великой Отечественной войны увеличилась в несколько раз, судимость – в 2,5–3 раза. В деле борьбы с преступностью серьезную роль играет правовая система страны, в том числе уголовное право» – отмечает Е. В. Рогова [13]. Военное законодательство усилило уголовно-правовой элемент в статусе гражданина. Уже 22 июня 1941 г. было утверждено Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, что расширило компетенцию чрезвычайной военной юстиции [5]. Значительный круг дел, связанных с преступлениями против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавался военным трибуналам, а кассационное обжалование их приговоров исключалось. Для конституционно-правового статуса гражданина это означало, что обязанность дисциплины и участия в оборонных усилиях получила строгое уголовно-правовое подкрепление.

Однако параллельно с обоснованным усилением ограничений определенных конституционных прав государство расширяло социальные гарантии для тех категорий граждан, которые имели особое значение для фронта и демографической устойчивости страны. Военная трансформация правового статуса граждан СССР носила,

тем самым, не только ограничительный, но и компенсаторный характер. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. установил особый порядок назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время, что свидетельствовало о признании государством необходимости специальной социальной защиты семей фронтовиков [7]. В дальнейшем этот курс был развит и уточнён. Наиболее значительным актом позднего военного периода стал Указ от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям...», который расширил круг получателей пособий, а также усилил охрану материнства и детства; одновременно через систему почётных званий и наград материнство было включено в сферу публично-правового поощрения [10].

Приведенные факты позволяют заключить, что в годы Войны советское законодательство сформировало двойственную модель статуса гражданина: для основной массы населения оно закрепляло рост обязанностей, ограничений и административно-репрессивного контроля, тогда как для социально значимых групп, таких как семьи военнослужащих, беременные женщины, многодетные и одинокие матери, предусматривало расширение гарантий. В этом состояла специфика трансформации конституционно-правового статуса граждан СССР под воздействием чрезвычайных условий военного времени.

Вскоре после окончания Войны, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 сентября 1945 года, военное положение на большей части территории СССР было отменено, и начался процесс восстановления конституционно-правового статуса граждан [11].

Список источников

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление ПВС СССР, СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 30.06.1941 «О создании Государственного комитета обороны» // СПС «КонсультантПлюс» .
3. Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 №7/160 «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 № 8/160 «О военном положении» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2026).

5. Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 № 9/160 «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1941 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1941 «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1941 № 7/160 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Указ Президиума ВС СССР от 13.02.1942 № 160/1 «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 № 118/11 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать - героиня» и учреждения ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Указ Президиума ВС СССР от 21.09.1945 «О признании утратившими силу указов ПВС СССР об объявлении в ряде местностей СССР военного положения» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Морозов В.И. Особенности государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Управленческое консультирование. 2005. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gosudarstvennogo-upravleniya-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945> (дата обращения: 19.02.2026).

13. Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности в законодательстве периода Великой Отечественной войны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-zakonodatelstve-perioda-velikoy-otechestvennoy-voyn> (дата обращения: 17.03.2026).

Об авторе:

ШАПОВАЛОВА Вероника Владимировна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: nika1202n@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА «ВРЕМЯ ГЕРОЕВ»: ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

С. С. Шмонин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется юридическое содержание государственной программы «Время героев»: ее нормативно-правовая база, правовой статус участников, а также механизмы реализации и контроль за их выполнением. Особое внимание уделяется значению Программа для правового формирования патриотизма и социальной защиты героев, а также тому, каковы ее перспективы и какие сложности возникают при реализации. Автор заключает, что квалифицированные и профессиональные специалисты, какими, по преимуществу, являются ветераны СВО, способны обеспечивать устойчивость и прогресс в различных сферах жизни России, от экономики до социальной политики.

Ключевые слова: патриотизм, подготовка кадров, ветераны СВО, государственная программа, новая элита, повышение квалификации.

Подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России, труженики и воины, надежные, проверенные делом, доказавшие свою преданность России достойные люди.
Владимир Путин

В современной российской действительности Специальная Военная Операция (далее – СВО) стала чем-то привычным, обыденным, простым, для людей, которые по счастливому стечению обстоятельств с этой операцией непосредственно не связаны. Новости об улучшении положения Вооруженных Сил РФ в зоне СВО проходят мимо, отключения мобильной связи и интернета стали обычным делом, а известия о героически погибших отчасти «высушили» сердца россиян, что тоже, к сожалению, стало повседневным делом.

Но есть люди, которые связаны с СВО напрямую. В первую очередь – это, конечно же, бойцы Вооруженных Сил РФ, более чем кто-либо осознавших, что согласно статье 59 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1], защита Отечества является долгом и обязанностью граждан России. Именно для них была разработана программа развития ветеранов и участников СВО – «Время героев».

29 февраля 2024 года Президент РФ Владимир Путин в ходе обращения к Федеральному Собранию заявил, что участники СВО

должны занять руководящие должности в различных сферах государственной деятельности, что ветераны СВО – это новая элита России. 1 марта того же года Президент поручил создать специальный образовательный проект.

Исполнителем поручения является Высшая Школа государственного управления РАНХиГС и Мастерская управления «Сенеж», на базе которых происходит программное обучение.

Программа предполагают подготовку высококвалифицированных, компетентных руководителей из числа участников СВО для последующей работы в органах государственной и муниципальной власти, а также государственных компаний. Нельзя забывать и о Федеральном законе «О статусе военнослужащих» [2], который гарантирует получения льгот для ветеранов и участников СВО. Программа предполагает обучение современным методам и технологиям управления, командной работе, личностное развитие.

«Всего запланировано четыре очных модуля продолжительностью по 30 дней каждый ... Во-первых, участники должны хорошо изучить структуру государственного управления, ее функции, механизмы работы, нормативное обеспечение и особенности, которые необходимо учитывать на госслужбе. Второй задачей мы видим освоение участниками необходимых на государственной службе управленческих инструментов: стратегического управления, проектного управления, управления процессами и бережливыми технологиями, управления развитием кадров и талантов. Сейчас без этих технологий невозможна эффективная работа органов власти и госкорпораций», – рассказал Алексей Комиссаров, ректор Президентской академии, генеральный директор автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей».

Требования к потенциальным участникам, которые представлены на сайте программы [3], следующее: гражданство России, полученное высшее образование (те из участников отбора, кто не имеет высшего образования получит возможность бесплатно обучаться в президентской академии РАНХиГС и других ведущих вузах страны), ветеранство СВО, опыт управления людьми, готовность пройти различные тестирование.

Участники, завершившие регистрацию и прошедшее тестирование, получают дополнительную профессиональную программу повышения квалификации, а те, кто показал наиболее высокие результаты, по решению совета программы осваивают программу Высшей Школы государственного управления в

Мастерской управления «Сенеж» и под руководством персональных наставников и коучей со старта обучения.

Существуют сомнения в том, что боевой опыт автоматически транслируется в способность эффективно управлять муниципалитетами и регионами. Четыре очных модуля по 30 дней едва ли могут сделать из участника боевых действий грамотного чиновника и управленца. И далеко не все военные ремесла актуальны на гражданской службе.

Действительно, данная программа, как она себя заявляет, выглядит мощнейшим социальным лифтом. Любой участник СВО может получить, по ее прохождению, серьезный государственный пост. Однако данные представленные на сайте программы «Время героев» [4], говорят об обратном: реальное продвижение получают лишь единицы из тысяч подавших заявки (на время старта программы их было более 65 тысяч и лишь 53 были отобраны и получили государственные назначения). На сегодняшний день прошли отбор и получили назначения около 80 человек.

Вместе с тем, благодаря программе «силовой» компонент в структуре государственного управления достоверно увеличивается. Идеологический посыл этого проекта ясен – участник СВО – вот подлинная «элита» России. И уже есть наглядное подтверждение тому, как можно стать Полномочным Представителем Президента РФ, имея в образовательном заделе техникум и четыре месяца «специальной программы» (Артём Владимирович Жога – российский военный и политический деятель, Герой России, полномочный представитель Президента РФ в Уральском федеральном округе; в 2020 году окончил Докучаевский техникум; в 2024 году прошел кадровую программу «Время героев»).

В заключение хочу подчеркнуть, что подготовка кадров – необходимая составляющая эффективного функционирования государства и развития общества. Квалифицированные и профессиональные специалисты обеспечивают устойчивость и прогресс в различных сферах жизни, от экономики до социальной политики. Поэтому инвестирование в образование и профессиональную подготовку – залог стабильности, инноваций и процветания страны в целом. Напротив, без качественной подготовки кадров любые стратегии и планы рискуют остаться на бумаге, а развитие – затормозиться. Нельзя, однако, забывать и о создании программ для качественной подготовки чиновников из числа граждан, с СВО непосредственно не связанных. Они тоже имеют на

это конституционное право. И важно помнить, что навыки, полученные в боевых действиях, должны лишь дополнять профильные умения работы государственного служащего, а не быть единственной предпосылкой его деятельности на руководящих постах. Участие в боевых действиях за безопасность и национальные интересы своей Родины ни в коем случае не должно мотивироваться миллионами или высокими государственными должностями, – это побуждения высоких морально-нравственных качеств, таких как патриотизм, благородство, честность.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Порядок отбора лиц для приема на комплекс программ обучения «Время героев» // Официальный сайт программы «Время героев». URL: <https://xn--b1aachba0csne6n.xn--p1ai/rules> (дата обращения 25.04.2026)

4. Новости // Официальный сайт программы «Время героев». URL: <https://xn--b1aachba0csne6n.xn--p1ai/news> (дата обращения 25.04.2026)

Об авторе:

ШМОНИН Степан Сергеевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: shishka0303@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Вопросы юридической ответственности за военные преступления: идентификация субъектов и составов деяний

Р. И. Ядгарова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье затрагиваются актуальные проблемы, связанные с определением субъектов и составов военных преступлений с позиций теории юридической ответственности. Трудность намеченной идентификации вызвана расплывчатостью легального понятия «военное преступление», а также различными подходами к его определению в зависимости от контекста военного конфликта и состава участников. По мнению автора, путь к действенной юридической ответственности за военные преступления пролегает, в конечном счете, через ресурсы системы международного уголовного правосудия.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, военное преступление, состав преступления, ответственность.

Преступления против мира и безопасности человечества занимают одну из ключевых позиций в системе международного уголовного права, представляют серьёзную опасность основам современного мироустройства. Военные преступления воплощают нарушение международного гуманитарного права, подрывают фундаментальные принципы человечности. Отсутствие наказания за такие деяния будет неизбежно подрывать веру в возможность построения стабильного миропорядка, и напротив – способствовать нетерпимому росту насилия, в том числе в отношении мирных граждан.

Военные преступления включают нарушения законов и обычаев войны. В сфере международного права к их числу относят убийства, истязания, увод в рабство гражданского населения и военнопленных, что предусмотрено статьей 6 Устава Нюрнбергского трибунала 1945 года [1]. В этой же статье Устава названы такие преступления против человечности в мирное и военное время как истребление, порабощение, депортацию и другие жестокости в отношении гражданского населения, а также преследования по религиозным, расовым или иным мотивам.

Согласно широко признанным представлениям, актуализация ответственности за военные преступления обусловлена тревожной реальностью современного мира: вооруженные конфликты продолжают оставаться неотъемлемой частью международной

политики, нанося огромный ущерб гражданскому населению и вызывая масштабные разрушения.

С момента начала Россией Специальной Военной Операции (далее – СВО) значительно возросла важность привлечения виновных к уголовной ответственности за преступления против военной службы. Это нашло отражение, в том числе, в принятии Федерального закона от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [2]. В связи с введением этапов частичной мобилизации, российский законодатель институционально обособил отдельные положения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В частности, совершение преступления в период мобилизации, военного положения или в военное время законодательно закреплено в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Однако практическая реализация обновленных норм оказалась сопряжена с рядом правовых коллизий и трудностей квалификации. Выявление этих обстоятельств потребовало выработки единого правоприменительного подхода, результатом чего стало принятие Пленумом Верховного Суда РФ 18 мая 2023 года Постановления № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» (далее – Постановление № 11) [5].

Постановление № 11 содержит как общие разъяснения по вопросам оценки общественной опасности преступлений против военной службы, разграничения этих преступлений с дисциплинарными проступками и малозначительными деяниями, а также определения субъектного состава этих преступлений, так и конкретные установления по отдельным составам преступлений, предусмотренных главой 33 УК РФ [4].

Прежде всего, отметим, что согласно общепризнанной классификации, преступления против военной службы в Российской Федерации такие деяния разделены на следующие группы:

1) преступления, посягающие на порядок подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: (неисполнение приказа; сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы; насильственные действия в отношении начальника; нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности);

2) уклонение от военной службы: (самовольное оставление части или места службы; дезертирство; уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами; добровольная сдача в плен);

3) преступления, посягающие на порядок несения специальных видов военной службы: (нарушение правил несения боевого дежурства; нарушение правил несения пограничной службы; нарушение уставных правил караульной службы; нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности; нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне)

4) преступления против порядка сбережения военного имущества: (оставление погибающего военного корабля; умышленные уничтожение или повреждение военного имущества; уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности; утрата военного имущества);

5) преступления, посягающие на порядок использования и эксплуатации военной техники: (нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих; нарушение правил вождения или эксплуатации машин; нарушение правил полетов или подготовки к ним; нарушение правил кораблевождения) [8].

При этом одной из главных трудностей является определение субъекта таких преступлений. В соответствии с позицией В. С. Пинчук, речь здесь идет о специальном субъектном составе, который включает военнослужащих, граждан запаса в период военных сборов, а также призывников, в том числе мобилизованных [7, с. 215].

Применительно категории «мобилизованные», в литературе подчеркивается, что данные лица не обладают универсальным статусом субъекта для всех составов, закрепленных в главе 33 УК РФ [6]. Новеллы п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ определяют отягчающие обстоятельства, связанные с совершением преступления в период мобилизации или военного положения с отсылками к положениям Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26.02.1997 № 31-ФЗ [3], закрепляющего понятие мобилизации. В соответствии со статьёй 1 данного Закона, мобилизация представляет собой комплекс мер, направленных на адаптацию экономики Российской Федерации, её субъектов и муниципальных образований, а также органов государственной власти, местного самоуправления и организаций к условиям военного

времени. Эти меры включают в себя перевод Вооружённых Сил РФ, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и структуру, соответствующие требованиям военного времени.

Легализация понятия мобилизации имеет чрезвычайно важное практическое значение, поскольку в составах отдельных преступлений «период мобилизации» выступает как квалифицирующий признак. Так, положение ч. 3 ст. 333 УК РФ предусматривает ответственность за деяния, предусмотренные частями 1 или 2 данной статьи, совершенные в период мобилизации или военного положения.

Военные преступления допускают различные формы соучастия, включая подстрекательство, пособничество и укрывательство. Личность, подстрекающая к совершению военного преступления, несет такую же ответственность, как и лицо, непосредственно его совершившее.

Важно учитывать, однако, что не все нарушения законов войны автоматически квалифицируются как военные преступления. Для признания деяния военным преступлением оно должно быть совершено в условиях вооруженного конфликта и представлять серьезное нарушение международного гуманитарного права.

В заключение отмечу, что, как подчеркивают многие специалисты, путь к действенной ответственности за военные преступления пролегает, в конечном счете, через ресурсы системы международного уголовного правосудия, которая, в свою очередь, нуждается в безотлагательной «реабилитации» и практической адаптации к беспрецедентным реалиям глобальной политической напряженности и военной эскалации. Только совместными усилиями международное сообщество может приблизиться к цели эффективного предупреждения военных преступлений и восстановления нарушенной такими деяниями справедливости, включая права их жертв и потерпевших мирных граждан.

Список источников

1. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Принят в г. Лондоне 08.08.1945) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Астахова П.Ю. К вопросу актуальности ужесточения уголовной ответственности за военные преступления: проблемные аспекты» // Вопросы российской юстиции. 2023. № 23 // ГОЛНК [Электронный ресурс]. URL: <https://golnk.ru/alwwn> (дата обращения: 01.03.2026).

7. Пинчук В.С. Преступления против военной службы: правовой анализ // Молодой ученый. 2023. № 41 (488). С. 214–216.

8. Учебник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации // ГОЛНК [Электронный ресурс] URL: <https://golnk.ru/blGGN> (дата обращения: 01.04.2026).

Об авторе:

ЯДГАРОВА Регина Ильнуровна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: reginaadgarova06@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026

Бакалавру.net
Альманах научно-исследовательского клуба
по актуальным проблемам права
«Бакалавру.net»

Подписано в печать 19.08.2026. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 11,86. Тираж 100. Заказ № 173.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. (4822) 35-60-63.